ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ДЖЭКА ЛОНДОНА

ТОМ V КНИГИ 9 — 10

СМОК БЕЛЛЬЮ

СМОК и МАЛЫШ

РАССКАЗЫ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
Н. Ф. ДАВЫДОВОЙ И
В. Н. ОРЕЧКИНОЙ

ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧЕНЫМ СОВЕТОМ
ДОПУЩЕНО В ШКОЛЬНЫЕ БИБЛИОТЕКИ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
„ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ“
МОСКВА — 1928

JACK LONDON

SMOKE BELLEW

SMOKE AND SHORTY

Jack London

1876-1916

ОБЛОЖКА А. МОГИЛЕВСКОГО

ОТПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ
„КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ"
ПИМЕНОВСКАЯ, 16, В КОЛИЧ.
70.000 экз. ГЛАВЛИТ № А—12110
1928

ВКУС МЯСА

I

Вначале он был Христофором Беллью. Со временем в колледже его переделали в Криса Беллью. Позднее богема [1]) Сан-Франциско окрестила его Котиком [2]) Беллью. А под конец никто не называл его иначе, как Смок Беллью. И эта история эволюции его имени тесно связана с историей его собственной эволюции. Но ничего подобного не случилось бы, если бы судьба не послала ему нежной матери и железного дяди, а также если бы он не получил письма от Джиллета Беллами.

«Я только что видел номер «Волны»,—писал Джиллет из Парижа.—О'Тара несомненно добьется успеха. Однако, я заметил коекакие пробелы (тут следовали подробные указания относительно того, какие улучшения необходимо было произвести в новом еженедельнике)... Отправься к нему и укажи на все эти недочеты. Внуши ему, однако, что все эти соображения исходят лично от тебя. Не упоминай обо мне ни словом, ни намеком. Если он узнает, что в этом деле замешан я, он непременно сделает меня своим парижским корреспондентом. А я ни в каком случае не могу согласиться на это, ибо получаю за свои статьи наличные деньги в толстых журналах. Главное—не забудь сказать ему, чтобы он выставил поскорее осла, которому поручил музыкальную и художественную критику. Укажи ему также, что у Сан-Франциско всегда был свой собственный литературный стиль, который, однако, пришел за последнее время в упадок. Пусть О'Тара

---

1) Богема („цыганщина“) — так французский писатель Мюрже называл студентов Латинского квартала в Париже, и с тех пор богемою называют всякую интеллигентскую бедноту, которая артистически весело и беззаботно переносит лишения и небрежно, даже с некоторым презрением относится к благам земным (а заодно и к источнику материальных ценностей—труду).

2) Kit — сокращенное от Kitten — Котик.

порыщет кругом и откопает какого-нибудь не совсем бездарного писаку, который мог бы снабжать «Волну» большими фельетонами; необходимо, чтобы в них нашли себе отражение подлинная романтика, блеск и колорит Сан-Франциско».

И Котик Беллью отправился в редакцию «Волны» и добросовестно выполнил возложенное на него поручение. О'Гара выслушал. О'Гара поспорил. О'Гара согласился. О'Гара выставил осла, который писал критические статьи. Наконец, О'Гара прибег к приемам, которых так опасался Джиллет в далеком Париже. Дело в том, что когда О'Гара желал чего-нибудь, ни один человек не мог отказать ему в просьбе. Он действовал мягко, но так настойчиво, что сокрушал всякое сопротивление. Прежде чем Котик выбрался из редакции журнала, он оказался его соредактором и обещал заполнять еженедельно несколько столбцов критического отдела, пока О'Гара не подыщет другого сотрудника. Кроме того, Котик обязался давать для каждого номера фельетон в десять тысяч слов—и все это без намека на вознаграждение.

— В настоящее время «Волна» не в состоянии платить своим сотрудникам,—объяснил О'Гара и тут же с неотразимой убедительностью заявил, что в Сан-Франциско имеется только один талантливый человек, настоящий фельетонист по призванию, и что человек этот—Котик Беллью.

— Чорт побери! Выходит, что осел-то я!—горестно простонал Котик, спускаясь по узкой лестнице.

И с этого момента началось его рабское служение О'Гара и ненасытным столбцам «Волны». Он почти не выходил из редакции, сражался с кредиторами, ругался с типографскими рабочими и поставлял еженедельно двадцать пять тысяч слов на самые разнообразные темы. Но время шло, а труд его нисколько не облегчался. «Волна» была честолюбива. Она решила, что не может обойтись без иллюстраций. Иллюстрации—вещь дорогая. Журнал был не в состоянии оплачивать даже Котика Беллью и уж, конечно, не мог позволить себе никакого расширения штата.

— Вот это значит быть покладистым малым,—проворчал однажды Котик.

— В таком случае мы должны воздать хвалу небесам за то, что они посылают нам покладистых малых,—со слезами на глазах воскликнул О'Гара, пожимая Котику руку.—Вы спасли меня, Котик! Не будь вас, я вылетел бы в трубу. Потерпите еще чуточку, старина, и вы увидите, как дело наладится.

— Никогда этого не будет,—жалобно простонал Котик.—Я ясно вижу свою судьбу. Мне суждено торчать здесь до конца моих дней.

Скоро ему показалось, что он нашел выход. Дождавшись удобного момента, он в присутствии О'Гара споткнулся о стул. Через несколько минут он ударился об угол стола и опрокинул дрожащими пальцами баночку с клеем.

— Кутнули вчера?—осведомился О'Гара.

Котик протер глаза обеими руками и, прежде чем ответить, бросил на него испуганный взгляд.

— Нет, дело не в этом. У меня что-то неладно с глазами. Словно туман какой-то. Не пойму, с чего бы это?

В течение нескольких дней он продолжал натыкаться на все предметы конторской обстановки. Но сердце О'Гара не смягчалось.

— Послушайте меня, Котик,—сказал он однажды,—пойдите к окулисту. Тут есть некий доктор Хассданпль. Собаку съел на этом деле. И лечение ни гроша не будет вам стоить. Мы заплатим ему объявлениями. Я сам переговорю с ним.

— Ваши глаза в полном порядке,—заявил доктор после внимательного осмотра.—Сказать правду, мне редко приходилось встречать такие здоровые глаза—одна пара на миллион.

— Только не говорите этого О'Гара,—взмолил Котик.—И пропишите мне темные очки.

В результате О'Гара выразил Котику сочувствие и снова с жаром начал распространяться о том времени, когда «Волна» наконец станет на ноги.

К счастью для Котика, у него были кое-какие доходы. Они, правда, были довольно скромны, но все же давали ему возможность состоять членом нескольких клубов и снимать мастерскую в студенческом квартале. С того времени, как он сделался соредактором «Волны», расходы его сильно сократились. У него попросту нехватало времени на то, чтобы тратить деньги. Он не переступал больше порога студии и перестал устраивать свои знаменитые, приготовленные на жаровне ужины, которыми он угощал прежде местную богему. Однако, это не мешало ему сидеть теперь вечно без гроша, ибо «Волна», периодически садившаяся на мель, поглощала вместе с его духовными силами и всю его наличность. Для этого имелись иллюстраторы, которые периодически отказывались давать иллюстрации, наборщики, которые периодически отказывались набирать, и конторские мальчики, которые неоднократно отказывались исполнять свои обязанности. Во всех этих случаях О'Гара обращал на Котика молящий взор, а Котик делал все остальное.

Когда пароход «Эксцельсиор» прибыл из Аляски и привез весть о клондайкских россыпях, вся страна точно обезумела, а Котик сделал своему издателю чрезвычайно легкомысленное предложение.

— Послушайте, О'Гара,—сказал он.—Эта золотая горячка примет, несомненно, грандиозные размеры—мы, должно быть, снова увидим картину сорок девятого года [1]). Не отправиться ли мне туда в качестве корреспондента «Волны»? Издержки я возьму на себя.

О'Гара покачал головой.

— Я не могу отпустить вас, Котик. Подумайте, что станется с фельетонами? Кроме того, около часа назад я встретил Джэксона. Он уезжает завтра в Клондайк и дал согласие еженедельно присылать нам оттуда корреспонденции и снимки. Я не отпускал его до тех пор, пока он не обещал мне; главное же в том, что это нам ни гроша не будет стоить.

В тот же день Котик снова услышал о Клондайке—от своего дяди, с которым он встретился в библиотечном зале клуба.

— Здорово, дядюшка!—приветствовал он его, опускаясь в кожаное кресло и с наслаждением вытягивая ноги.—Не хотите ли составить мне компанию?

Он заказал себе коктэйль, но дядя удовольствовался своим излюбленным жиденьким красным вином местного производства. Он то-и-дело переводил неодобрительные, раздраженные взоры с коктэйля на лицо племянника, и Котик чувствовал, что над ним висит угроза неминуемой проповеди.

— У меня только одна минута времени,—поспешно заявил он.—Нужно побывать на выставке Кейта в галлерее Эллери и написать пол-столбца.

— Что это с тобой?—спросил дядюшка.—Лицо бледное, вид измученный...

Котик простонал в ответ.

— Я, кажется, буду иметь удовольствие похоронить тебя,—продолжал дядя.—Это ясно как день.

Котик грустно покачал головой.

— Благодарю вас. Я не охотник до червей. Сожгите меня в крематории.

Джон Беллью принадлежал к тому старому, крепкому и энергичному поколению, которое в пятидесятых годах пересекло великую степь в фургонах, запряженных волами. В нем была железная закваска, заложенная воспоминаниями детства, которое протекло в обстановке «завоевания» новой страны.

— Ты ведешь недостойную жизнь, Кристоф. Мне стыдно за тебя.

— Кучу? Так, что ли?—усмехнулся Котик.

Старик пожал плечами.

---

[1]) В этом году многих охватила „золотая горячка“, в связи с открытием и разработкой калифорнских рудников.

— Перестаньте так жестоко скорбеть о моих грехах, дядюшка. Я сам был бы рад, если бы я кутил. Но с этим все давно покончено. У меня на это нехватает времени.

— Тогда что же?

— Переутомление.

Джон Беллью разразился отрывистым, недоверчивым смехом.

— В самом деле?—Новый приступ смеха.

— Человек есть продукт окружающей его среды,—заявил Котик, указывая на дядюшкин стакан.—Ваше веселье такое же терпкое и жидкое, как и ваш напиток.

— Переутомление!—насмехался дядюшка.—Да ведь ты за всю жизнь и цента еще не заработал.

— Вы сильно ошибаетесь. Заработал я немало, только мне не удается получить то, что я зарабатываю. Как раз теперь я вырабатываю до пятисот долларов в неделю и работаю за четверых.

— Малюешь картины, которых никто не покупает? Или занимаешься еще какой-нибудь ерундой в том же роде?.. Умеешь ты плавать?

— Когда-то умел.

— Ездить верхом?

— Пробовал и это в свое время.

Джон Беллью фыркнул с отвращением.

— Я рад, что твой отец умер и не может видеть тебя во всем блеске твоего ничтожества,—сказал он.—Это был настоящий мужчина, до кончика пальцев. Понимаешь ты?—Мужчина! Думается мне, что он живо выколотил бы из тебя все эти музыкальные и артистические бредни.

— Увы! В наши упадочные дни...—вздохнул Котик.

— Я понял бы тебя и, может быть, даже примирился со всей этой белибердой, если бы ты добился хоть в чем-нибудь успеха. Но ты не заработал в жизни ни единого цента и не сделал ничего мало-мальски путного.

— Гравюры, картины, веера,—без утайки признался Котик.

— Ты просто мазилка, да еще и неудачник к тому же. Что ты называешь картинами, хотел бы я знать?—Бесцветные акварели да сумасшедшие плакаты? Ведь тебе никогда не удавалось пристроить ничего из этой мазни на выставку хотя бы даже здесь, в Сан-Франциско.

— Ага, вот вы и забыли! Ведь одна из моих картин висит в этом самом клубе.

— Нелепейшая штука! А музыка? Твоя милейшая, но недалекая мамаша выбрасывала на твои уроки сотни долларов. Но ты и тут оказался бездарностью и неудачником. Ты ни разу не заработал хотя

бы пяти долларов, проаккомпонировав кому-нибудь в концерте. А твои песенки! Жалкие пустячки, которых никто не желает издавать. Их распевают только твои же товарищи, прикидывающиеся богемой.

— Я выпустил раз книгу... сонеты, помните?

— А что это тебе стоило?

— Всего двести долларов.

— Чем ты еще можешь похвастаться?

— Я поставил пьесу в летнем театре.

— А что она дала тебе?

— Славу.

— А ведь ты когда-то плавал и пробовал ездить верхом!..— Джон Беллью энергично стукнул стаканом об стол.—На что же ты все-таки годен, чорт возьми? Ведь ты всегда был здоровым малым, а между тем я не помню, чтобы ты даже в университете увлекался футболом. Ты не греб. Ты не...

— Я занимался боксом и фехтовал... немного.

— Когда ты боксировал в последний раз?

— Да давно уже, в университетские времена. Считали, что у меня превосходный глазомер и чувство дистанции... только я... как бы это сказать...

— Ну, что?

— Товарищи, видите ли, находили, что я рассеян...

— Ты хочешь сказать—ленив?

— Мне самому казалось, что это был эвфемизм [1]).

— Мой отец, сэр, а ваш дедушка, Айзек Беллью, убил человека ударом кулака, когда ему было шестьдесят девять лет отроду.

— Кому, человеку?

— Твоему дедушке, поганец. Но ты в шестьдесят девять лет и комара не убьешь.

— Времена изменились, дорогой дядюшка! Теперь за убийство сажают в тюрьму.

— Твой отец проехал однажды сто восемьдесят миль верхом, ни на минуту не сомкнув глаз, и загнал трех лошадей.

— Если бы он жил в наши дни, он спокойнейшим манером прохрапел бы всю дорогу в пульмановском вагоне.

Дядюшка чуть не задохся от негодования. Овладев собой, он с трудом выговорил:

— Сколько тебе лет?

— У меня есть основание думать...

— Я знаю. Двадцать семь. Когда ты окончил университет, тебе было двадцать два года. Целых пять лет ты только и делал, что

---

1) Смягчение выражения.

малевал, бренчал и фанфаронил [1]). Ну, сознайся же перед богом и людьми—на что ты теперь годен? В твоем возрасте у меня была одна единственная смена белья. Я был объездчиком в Калюзе. Я был крепок, как камень, и мог спать на голом камне. Питался я солониной и медвежатиной. И вот даже теперь в физическом отношении я больше похож на мужчину, чем ты. В тебе, должно быть, около ста шестидесяти пяти фунтов весу, а я хоть сейчас могу повалить тебя и превратить в лепешку вот этими кулаками.

— Что же! Для того, чтобы поглощать коктэйли и жидкий чай, не требуется богатырской силы,—смиренно согласился Котик.—Разве вы не видите, дядюшка, что времена изменились. Кроме того, меня воспитывали не так, как следовало. Моя милейшая, но недалекая мамаша...

Джон Беллью сердито поморщился.

— ...как вы сами охарактеризовали ее, была слишком добра ко мне; она, что называется, держала меня в вате и воспитывала, как девочку. Вот видите, если бы я принимал участие в тех героических эскападах, которые вам так по душе... кстати—почему вы никогда не брали меня с собой? Ведь захватили же вы Гэла и Робби, когда отправились в Сиерру и Мексику?

— Мне казалось, что ты чересчур смахиваешь на маленького лорда Фаунтлероя [2]).

— Это ваша вина, драгоценный дядюшка,—ваша и моей милейшей, но... мамаши. Скажите на милость,—как же я мог закалить себя? Ведь я был всего-на-всего ребенком. Что мне оставалось в жизни, кроме гравюр и вееров? Разве я виноват в том, что мне никогда не пришлось как следует попотеть?

Старик с нескрываемым презрением посмотрел на своего племянника. С него было достаточно всей этой болтовни.

— Ну, хорошо, я как раз собираюсь предпринять одну из тех эскапад, которые ты называешь героическими. Что, если бы я позвал тебя на этот раз?

— Немного поздновато, нужно сознаться. Куда это?

— Гэл и Робби едут в Клондайк, и я собираюсь проводить их через перевал до озер. Оттуда я поверну обратно...

Он не кончил фразы, потому что молодой человек вскочил на ноги и схватил его за руку.

— Спаситель мой!

Джон Беллью окинул его полным недоверия взглядом. Ему и в голову не приходило, что Котик примет его приглашение.

---

[1]) Фанфаронить — хвастаться, поднимать попусту шум.

[2]) Лорд Фаунтлерой — герой известной повести Бернетта.

— Ты шутишь!—сказал он.

— Когда мы едем?

— Это будет тяжелое путешествие. Ты будешь помехой.

— Не буду. Я буду работать. Я научился работать с тех пор, как вошел в «Волну».

— Каждый должен взять с собой припасов на целый год. Туда нахлынет такая уйма народу, что индейцы не справятся с переноской багажа. Мальчикам придется самим перетаскивать свое снаряжение через перевал. Вот я и хочу помочь им в этом деле. Если ты поедешь с нами, тебе придется делать то же самое.

— Я еду с вами.

— Но ведь ты не сможешь переносить тяжести,—возразил Джон Беллью.

— Когда мы уезжаем?

— Завтра.

— Не думайте, пожалуйста, что на меня так подействовала ваша проповедь,—сказал Котик на прощанье.—Мне попросту необходимо скрыться куда-нибудь от О'Гара.

— Кто этот О'Гара? Япошка какой-нибудь?

— Нет. Он ирландец, рабовладелец и к тому же один из моих лучших друзей. Это издатель, собственник и величайший тиран «Волны». Все повинуется ему. Он мог бы, если бы захотел, командовать привидениями.

В этот же вечер Котик Беллью написал О'Гара записку:

«Я беру отпуск на несколько недель,—объяснил он.—Подыщите на это время кого-нибудь, кто мог бы строчить продолжение фельетона. Мне очень жаль, старина, но дело идет о моем здоровьи. Вернувшись, я возьмусь за работу с удвоенной энергией».

II

Среди безумной суматохи Котик Беллью высадился на берег Дайэ, заваленный тысячепудовым багажом тысяч людей. Эти огромные массы снаряжения и продовольствия, которые пароходы целыми грудами выбрасывали на берег, только теперь начинали понемногу переправлять вверх по долине Дайэ и через Чилькут. Переход этот был протяжением в двадцать восемь миль, и совершить его можно было только на собственных ногах, перенося тяжести на спине. Индейцы-носильщики были нарасхват, несмотря на то, что цена за переноску фунта багажа вскочила с восьми центов до сорока, и всем было ясно, что наступающая зима застигнет большую часть снаряжения по эту сторону перевала.

Самым нежным из всех неженок, высадившихся с парохода, был Котик. Подобно множеству других новичков, он надел пояс с патронами, у которого болтался огромный револьвер. Дядя его, полный воспоминаний о прежних опасных странствованиях, был также повинен в этом грехе. Но Котик Беллью, кроме того, был романтиком. Его пленяла игра и блеск золотой лихорадки, и он наблюдал за движением бурного потока людей глазами художника. Все это путешествие казалось ему чем-то в роде веселой экскурсии, и он еще на пароходе заявил, что не собирается похоронить себя на Севере. Он просто хотел использовать свой отпуск для того, чтобы «заглянуть» через перевал, а затем снова вернуться в лоно цивилизации.

Оставив своих товарищей следить за выгрузкой багажа, Котик направился вверх по песчаному берегу к старой фактории. Сам он шел твердой поступью и с удивлением заметил, что другие увешанные такими же револьверами путешественники спотыкались на ходу. Его обогнал статный индеец шести футов ростом, с огромным тюком за плечами. Котик пошел за ним следом, любуясь великолепными икрами этого малого, а также грацией и непринужденностью, с которой он двигался, несмотря на тяжесть поклажи. Индеец опустил свой тюк на весы перед факторией, и Котик присоединился к кучке восхищенных зрителей, окруживших носильщика. Тюк весил сто двадцать фунтов [1]), и эта цифра благоговейным шопотом передавалась из уст в уста.

— Не шутка!—решил Котик, и тут же задал себе вопрос, сможет ли он поднять такую тяжесть да еще пойти с ней.—На озеро Линдерманн, приятель?—спросил он. Индеец с гордым видом пробормотал что-то утвердительное.—Сколько вы берете за такой тюк?

— Пятьдесят долларов.

Но на этом разговор оборвался. Внимание Котика привлекла молодая девушка, стоявшая на пороге. Не в пример другим женщинам, высадившимся с парохода, юбка на ней была нормальной длины, и из-под нее не выглядывали панталоны. В общем, она была одета так, как одеваются обычно женщины, отправляясь в путешествие. Но больше всего Котика поразила непринужденность, с которой она держала себя в этой обстановке. Он сразу почувствовал, что она здесь своя, и все окружающее—родная ей стихия. К тому же она была молода и красива. Сияющая красота и прелесть ее овального лица приковали его взгляд, и он долго не отрывал его, не отрывал до тех пор, пока она не почувствовала, что на нее смотрят. Тогда ее темные, осененные длинными ресницами глаза в свою очередь поднялись на него с холодным любопытством. С лица

[1]) Английский фунт несколько меньше полукилограмма (450 *гр*).

Котика они с явной насмешкой скользнули на большой револьвер, болтавшийся у его бедра. Затем с нескрываемым презрением снова остановились на его лице. Этот взгляд подействовал на него как удар хлыста. Девушка обернулась и указала на Котика своему спутнику. Тот в свою очередь взглянул на Беллью, и на лице его тоже появилась презрительная усмешка.

— Чечако,—сказала девушка.

Спутник ее, похожий на бродягу в своих дешевых брюках и разодранной шерстяной куртке, сухо усмехнулся, и Котик, сам не зная почему, почувствовал себя оскорбленным. Но что бы там ни было, а она необыкновенно красивая девушка—решил он, когда те двинулись. Он обратил внимание на ее походку и постарался запечатлеть ее в памяти, чтобы узнать девушку хотя бы через тысячу лет.

— Приметили вы этого человека с девушкой,—с жаром осведомился у Котика его сосед.—Знаете, кто это?—Котик покачал головой.—Карибу Чарли. Мне только что указали на него. Ему здорово повезло в Клондайке. Он—старожил, сидит на Юконе уже лет десять. Теперь он уезжал на время.

— Что значит чечако?—спросил в свою очередь Котик.

— Вот вы как раз и будете чечако, да и я тоже,—последовал ответ.

— Может быть, и так, но я все же не понимаю, что это значит.

— Это значит новичок, неженка.

Возвращаясь обратно на берег, Котик не переставал повторять про себя это слово. Не очень-то приятно мужчине, когда молоденькая хрупкая женщина называет его неженкой.

Зайдя за гору тюков, Котик, все еще полный воспоминаний о могучем индейце-носильщике, решил тут же попробовать свои собственные силы. Он выбрал мешок муки, в котором, как он знал, было сто фунтов весу, широко расставил ноги, нагнулся и попробовал взвалить его себе на плечи. Первой его мыслью было, что сто фунтов—порядочная тяжесть. Второй—что спина его не достаточно крепка. И, наконец, после пяти минут бесплодных усилий, он со стоном свалился под тяжестью груза, который старался поднять. Котик вытер со лба пот и в ту же минуту увидел над грудой мешков с продовольствием лицо своего дядюшки Джона Беллью, с нескрываемой насмешкой следившего за ним.

— Подумать только,—возгласил этот апостол мужества,—что от нас произошло такое жалкое потомство! Когда мне было шестнадцать лет, я играючи справлялся с такими пустяками.

— Но вы забываете, дядюшка,—возразил Котик,—что меня-то не кормили с детства медвежатиной.

— И играючи справлюсь с ними, когда мне стукнет шестьдесят.

— Я не прочь бы взглянуть на это.

И Джон Беллью показал ему. Дядюшке было сорок восемь лет, но он нагнулся над мешком, схватил его твердой рукой, немного раскачал и быстрым движением выпрямился, перекинув стофунтовый груз через плечо.

— Сноровка, мой мальчик, сноровка и крепкая спина!

Котик почтительно снял шляпу.

— Вы—чудо, дядюшка, поразительное чудо! Как вы думаете, сумею ли я приобрести эту сноровку?

Джон Беллью пожал плечами.

— Ты удерешь, прежде чем мы тронемся в путь.

— Ну, нет, этого не случится,—пробурчал Котик.—Там меня ждет О'Гара, рыкающий лев, и я не вернусь к нему, пока будет хоть какая-нибудь возможность оставаться здесь.

III

Первое испытание Котика прошло успешно. Им удалось подрядить до Финнеганского перекрестка индейцев, которые взялись перенести две тысячи пятьсот фунтов снаряжения. Начиная с этого места, путешественникам предстояло нести поклажу на собственных плечах. Они решили проходить ежедневно по одной миле. Это очень легко... на бумаге. Джон Беллью должен был оставаться на стоянках и стряпать, поэтому он лишь изредка мог помогать в переноске груза. Таким образом, каждому из трех молодых людей нужно было ежедневно перетаскивать на одну милю восемьсот фунтов. Поднимая по пятидесяти фунтов зараз, каждый из них должен был бы сделать в день шестнадцать миль с поклажей и пятнадцать налегке. «Потому что в последний раз нам ведь не придется возвращаться!»—сделал приятное открытие Котик. Увеличив поклажу до восьмидесяти фунтов, они сократили бы свой переход до девятнадцати, а навьючивая на себя по сто фунтов—до пятнадцати миль в день.

— Я не большой любитель моциона,—заметил Котик.—Поэтому я буду перетаскивать по сто фунтов зараз.—Он подметил недоверчивую усмешку на лице дяди и поспешно добавил:—Конечно, мне придется потренироваться сначала. Всякое дело требует некоторой сноровки и навыка. Я начну с пятидесяти фунтов.

Он так и сделал и, взвалив на себя тюк, бодро двинулся в путь. Пройдя милю, он сбросил груз и легким шагом вернулся обратно. Это оказалось легче, чем он думал. Но две мили порядком утомили его непривычные мускулы. Второй его тюк весил шестьдесят пять

фунтов. Это было уже значительно труднее, и Котик утратил свою первоначальную прыть. Несколько раз за время перехода он, по примеру всех остальных носильщиков, присаживался на землю и прислонял груз, не сбрасывая его с плеч, к камню или пню. Когда дело дошло до третьего тюка, Котик окончательно возгордился. Он прикрепил к ремням мешок бобов в девяносто пять фунтов и двинулся в путь. К концу первых ста шагов он почувствовал, что силы покидают его. Он присел и вытер с лица пот.

— Короткие переходы и короткие отдыхи,—пробормотал он,— в этом весь фокус.

Иногда Котику не удавалось сделать даже полных ста шагов, и всякий раз, как он, передохнув, снова поднимался на ноги, ноша казалась ему все тяжелее и тяжелее. Он с трудом переводил дыхание и весь обливался потом. Не пройдя и четверти мили, он снял свою шерстяную фуфайку и повесил ее на дерево. Немного погодя он сбросил шляпу. К концу первой полумили Котик почувствовал, что должен сдаться. Никогда в жизни он не испытывал такой мучительной усталости: он был уверен в этот момент, что окончательно надорвал свои силы. Он опустился на землю, стараясь отдышаться, как вдруг взгляд его упал на огромный револьвер и тяжелый пояс с патронами.

— Десять фунтов лишку,—ухмыльнулся он, отстегивая пояс. Он даже не потрудился повесить его на дерево, а просто швырнул в придорожный кустарник. Наблюдая за потоком навьюченных людей, тащившихся мимо него вверх и вниз, Котик увидел, что и другие новички отстегивали свое ненужное оружие. Котик все больше и больше сокращал свои и без того короткие переходы. Подчас он с трудом, спотыкаясь, проходил шагов сто и, совершенно обессиленный, опускался на землю. Сердце его зловеще колотилось, кровь стучала в висках и барабанных перепонках, а колени предательски дрожали. Передышки же, наоборот, с каждым разом становились все длиннее. Однако, мозг его не переставал работать. Перед ним лежало еще двадцать восемь миль пути, то-есть двадцать восемь дней такого труда, и самое трудное было еще впереди.

— Вот подождите, доберемся до Чилькута,—говорили ему спутники, останавливаясь, чтобы поболтать и передохнуть,—так вы еще не то запоете: придется карабкаться на четвереньках.

— Никакого Чилькута я не увижу,—отвечал он.—Мне ни за что не добраться туда. Задолго до Чилькута я спокойно улягусь в маленькой уютной могилке у дороги.

Раз он поскользнулся и сделал отчаянное усилие, чтобы удержаться. Это маленькое приключение сильно напугало его. Ему почудилось, будто все внутри его оборвалось.

— Если я свалюсь когда-нибудь с этим грузом за спиной, пиши пропало,—поделился он с одним из своих попутчиков.

— Это что!—ответил тот.—Вот когда мы доберемся до Большого Ущелья, узнаете, то ли еще бывает. Вам придется перебираться через бешеный поток по сосновому стволу в шестьдесят футов длины. Никаких поручней, никаких веревок—ничегошеньки! А вода под вами брызжет, пенится, переливается через ствол и захлестывает вас до колен. Если вы свалитесь с мешком на спине,—никакой возможности освободиться от ремней. Тогда прощайтесь с жизнью и спокойно погружайтесь на дно.

— По-моему, это не так уж плохо,—возразил Котик; безумная усталость заставляла его почти мечтать о таком конце.

— Там ежедневно тонет три-четыре человека,—уверял его собеседник.—Я помог раз выудить оттуда одного немца, на нем нашли четыре тысячи кредитками.

— Весело, нечего сказать,—произнес Котик, с трудом поднимаясь на ноги и снова пускаясь в путь.

Котик Беллью и его мешок с бобами слились в какую-то ходячую неразрешимую трагедию. Сам Котик мысленно сравнивал себя с Синдбадом Мореходом, обреченным таскать на плечах Морского Старца. «Так вот она, эта работа, достойная мужчины,—размышлял он.—Да по сравнению с ней рабство у О'Гара—сладчайшая нега». По временам он готов был поддаться искушению—швырнуть мешок с бобами в кусты, обогнуть, крадучись, стоянку, помчаться к берегу и сесть на первый попавшийся пароход, который вернул бы его на лоно цивилизации.

Однако, он не сделал этого. Где-то в глубине его существа таилось влечение ко всему сильному и мужественному, и он беспрестанно твердил про себя, что раз это проделывают другие, то, следовательно, может проделать и он. Эта мысль навязчиво преследовала его, точно в кошмаре, и он делился ею со всеми, кого встречал по пути. Иногда, в минуты отдыха, он с завистью рассматривал крепких быстроногих индейцев, которые проходили мимо, нагруженные несравненно большими тяжестями. Они, повидимому, никогда не отдыхали и двигались с твердостью и уверенностью, которая казалась ему почти чудесной.

Котик сидел и бранился (на ходу у него нехватало на это дыхания), борясь с искушением удрать обратно в Сан-Франциско. Но прежде чем кончилась миля, он перестал браниться и принялся плакать. Эти слезы были вызваны усталостью и отвращением к самому себе. Существовал ли когда-нибудь на свете более слабый, более жалкий человек! Когда вдали показался лагерь, он сделал последнее отчаянное усилие, добрался до стоянки и повалился ничком на землю,

так и не сняв со спины мешка с бобами. Он не умер, но пролежал минут пятнадцать, прежде чем собрался с силами, чтобы освободиться от ремней. Чувствуя себя смертельно разбитым и больным, он так и остался лежать в полной прострации [1]). В этом состоянии его нашел Робби, самочувствие которого было отнюдь не лучше, чем у кузена. Но как это ни странно, а уныние Робби вернуло Котику утраченное мужество.

— То, что могут делать другие, можем сделать и мы,—сказал ему Котик, хотя в глубине души у него шевелилось сомнение: не пустое ли это бахвальство с его стороны.

IY

— Мне двадцать семь лет, и я мужчина,—неоднократно уверял он себя в следующие дни.—И я должен стать сильным.

За первую неделю, в течение которой он ежедневно переносил восемьсот фунтов груза на милю вперед, Котик потерял пятнадцать фунтов собственного веса. Лицо его вытянулось и приобрело страдальческое выражение. И тело, и мозг его утратили всякую упругость. Он уже не ходил, а тащился, и на обратных переходах, идя налегке, волочил ноги почти с таким же трудом, как и под тяжестью стофунтовой ноши.

Котик окончательно превратился во вьючное животное. Он засыпал над едой, и сон его сделался тяжелым и крепким, как у измученного животного. Просыпаясь, он вскрикивал от мучительных судорог, которые сводили его ноги; все тело болезненно ныло. Ступни покрылись сплошными волдырями, но это было ничто по сравнению с ужасными ранами, которые появились на них в долине Дайэ. В этой местности путь на протяжении двух миль был покрыт сглаженными водой камнями, которые сдирали кожу и разрезали тело до самых костей. А ведь эти две мили означали тридцать восемь миль ходьбы с грузом туда и обратно. Он мыл лицо только раз в день, а ногти свои, сломанные, изуродованные и окруженные заусеницами, никогда не чистил. Боль в плечах и руках от глубоко врезавшихся ремней заставила его в первый раз задуматься над ощущениями лошадей, которых он столько раз видел на городских улицах.

Еда была для него вначале сущей пыткой и чуть не извела его вконец. Огромная физическая работа требовала усиленного питания, а желудок его не был приспособлен к непомерным порциям свинины

---

[1]) Прострация — сильнейший упадок физических сил, нередко сопровождаемый упадком и психической деятельности.

и тяжелых коричневых бобов. В результате желудок отказался работать, и в течение нескольких дней боли и раздражение, вызываемые голодовкой и расстройством, едва не сломили Котика окончательно. Но настал, наконец, радостный день, когда он оказался в состоянии есть как прожорливое животное и с жадными волчьими глазами требовать еще и еще.

Благополучно переправив у входа в ущелье весь груз через поток по мосткам из неочищенных стволов, путники изменили свой план. Из-за перевала дошли слухи, что в окрестностях озера Линдерманн, не осталось ни одного дерева, пригодного для постройки лодки. Тогда оба кузена, нагрузив на себя инструменты, пилы, одеяла и запасы продовольствия, двинулись вперед, оставив Котика с дядей перетаскивать остальной багаж. Теперь Джон Беллью стряпал вместе с Котиком и помогал ему переносить поклажу. Время летело быстро, и вскоре на вершинах выпал первый снег. Если бы зима застигла их по ту сторону перевала, они потеряли бы целый год. Поэтому дядюшка подставил свою железную спину под стофунтовую тяжесть. Котик почувствовал вначале некоторое смущение, но затем стиснул зубы и прикрепил к своим ремням такой же груз. Это было тяжело, но он успел уже порядком приспособиться, и тело его, окрепшее и избавившееся от лишнего жира, начинало покрываться броней твердых и гибких мускулов. К тому же он умел наблюдать и не был лишен изобретательности. Он сразу обратил внимание на приспособление из ремней, которые индейцы носили на голове, и смастерил себе такое же, чтобы пользоваться им одновременно со спинными ремнями. Это значительно облегчало дело и давало ему возможность класть на тюк еще какой-нибудь добавочный, не тяжелый, но громоздкий груз. Таким образом, он научился переносить по сто фунтов на ремнях и одновременно какой-нибудь пятнадцати-двадцатифунтовый предмет, который свободно лежал на тюке, упираясь в его затылок. Не довольствуясь этим, он брал в одну руку топор или пару весел, а в другую вложенные друг в друга походные котелки.

Но как ни старались дядюшка и племянник, а работы с каждым днем все прибывало и прибывало. Дорога становилась все хуже и запущеннее, тюки все тяжелее, а снежная линия на горах с каждым днем спускалась все ниже. При этом плата за переноску багажа вскочила до шестидесяти центов за фунт. От кузенов не приходило никаких вестей; из этого они заключили, что Гэл и Роберт все еще заняты рубкой и распилкой леса. Джон Беллью начинал не на шутку тревожиться. Встретив на пути нескольких индейцев, возвращавшихся с озера Линдерманн, он уговорил их взяться за переноску груза. Они потребовали по тридцати центов за фунт, чтобы донести поклажу до вершины Чилькута. Делать было нечего, пришлось

согласиться, хотя деньги у них были на исходе. Но несмотря на помощь носильщиков, около четырехсот фунтов груза—одежда и лагерное снаряжение—все же осталось на месте, и Джон Беллью взялся перенести их собственными силами вслед за Котиком и индейцами, которые ушли вперед. Они сговорились на том, что Котик, добравшись до Чилькута, станет понемногу переносить груз дальше, поджидая дядюшку, который должен был нагнать его со своими четырьмястами фунтами.

V

Котик шагал по дороге со своими носильщиками-индейцами. Сообразив, что до вершины Чилькута расстояние немалое, он сократил свой груз до восьмидесяти фунтов. Индейцы кряхтели под своими вьюками, но шли быстрее, чем шел обычно Котик. Однако, теперь это его не пугало: он уже привык считать себя почти равным любому индейцу.

Через четверть мили у него явилось желание посидеть. Но индейцы еще не чувствовали никакой потребности в отдыхе, и Котик пошел дальше вровень с ними. Пройдя еще полмили, он решил, что не в силах сделать больше ни единого шага. Тем не менее он стиснул зубы и продолжал путь, а к концу мили с большим удивлением убедился, что все еще жив. Затем, как это ни странно, вторая миля показалась ему немного легче первой; зато третья миля чуть не убила Котика. Но, теряя сознание от усталости и боли, он все же не позволял себе издать стон или вздох, и в ту минуту, когда он почувствовал, что падает в обморок, индейцы сделали привал. Вместо того, чтобы опуститься на землю вместе с грузом, как делали это обычно белые, индейцы освободились от плечевых и головных ремней и растянулись на земле, куря и болтая в свое удовольствие. Прошло около получаса, прежде чем они снова двинулись в путь. Котик с большим удивлением почувствовал, что совершенно освежился, и с этой минуты сделал своим правилом—долгие переходы и долгие отдыхи.

Челькут вполне оправдал те отзывы, которые Котику довелось о нем слышать, и он немало поработал руками и ногами, чтобы добраться до его вершины. Тем не менее, он все же проделал это наравне с индейцами в жестокую снежную метель и в глубине души почувствовал большую гордость оттого, что ни разу за все время пути не отстал от них и ничем не проявил своей слабости. Теперь у него появилась новая честолюбивая мечта—стать таким же выносливым и сильным, как индейцы.

Расплатившись с носильщиками и отпустив их, он остался один среди наступающей темноты на вершине хребта, на тысячу футов

выше линии лесов. Промокший до пояса, голодный и измученный, Котик с удовольствием отдал бы в эту минуту весь свой годовой доход за то, чтобы погреться у огня и выпить чашку кофе. Но вместо этого он съел несколько холодных оладий и зарылся в полуразвернутую палатку. Перед сном он успел только со злорадством представить себе, как Джон Беллью станет карабкаться на вершину Чилькута со своими четырьмястами фунтами. Задача Котика была теперь куда легче и проще, несмотря на его две тысячи фунтов багажа; ведь его-то путь лежал теперь под гору!

Утром, с трудом размяв онемевшие от работы и окоченевшие от холода члены, он выполз из палатки, уничтожил фунта два сырой грудинки, привязал к ремням стофунтовый тюк и начал спускаться по скалистой тропинке. На несколько сот ярдов ниже тропа пересекала небольшой ледник и сбегала дальше к озеру Кратер. Какие-то люди переправлялись через ледник, перенося на себе часть груза. Однако, Котик не последовал их примеру. Весь этот день он складывал свои тюки у верхнего края ледника, и незначительность расстояния позволяла ему переносить по сто пятьдесят фунтов зараз. Выполняя эту работу, он с трудом верил собственным глазам и не переставал дивиться своей доблести. За два доллара он купил у индейца три окаменевших морских сухаря и съел их в течение дня с огромным количеством сырой грудинки.

Не умывшись и не согревшись, он свалился в промокшей от пота одежде и проспал, завернувшись в палатку, вторую ночь.

Рано утром Котик разостлал на льду брезент и погрузил на него три четверти тонны. Затем он потащил его по скользкой поверхности. В том месте, где спуск ледника становился круче, груз Котика стал развивать все большую скорость и, наконец, обогнал его. Тогда остроумный изобретатель вскочил на груду тюков и помчался вниз с быстротой пули.

Сотни нагруженных поклажей путников останавливались, чтобы взглянуть на Котика, восседавшего на верхушке своей поклажи. Он кричал во все горло, предостерегая тех, кто находился на его пути, и зазевавшиеся люди, спотыкаясь, отскакивали в сторону, очищая перед ним дорогу. У нижнего края ледника стояла маленькая палатка; она с такой быстротой вырастала перед Котиком, как будто приближалась к нему прыжками. Он свернул с проезжей тропы в том месте, где она отклонялась влево, и понесся по нетронутому снегу. Целое облако морозной пыли окружило его, замедляя скорость движения. Он увидел палатку только в ту минуту, когда врезался в нее, сорвав боковые колышки. И в тот же миг, прорвав лицевое полотнище, Котик, сидя на своем брезенте среди груды мешков с продовольствием, влетел внутрь палатки. Палатка

закачалась, как пьяная, и в облаке морозной пыли Котик увидел перед собой изумленное лицо молодой женщины. Она сидела, завернувшись в одеяла, и он тотчас же узнал в ней ту самую девушку, которая назвала его в Дайэ «чечако».

— Видели вы, какой я поднял дым?—весело осведомился он.

Она окинула его неодобрительным взглядом.

— Рассказывайте после этого о коврах-самолетах,—продолжал Котик.

— Не потрудитесь ли вы убрать с моей ноги этот мешок?—холодно спросила она.

Он осмотрелся и быстро привстал.

— Это не мешок, а мой локоть. Простите.

Эта поправка, однако, нисколько не смягчила молодую женщину, и она произнесла все с той же вызывающей холодностью:

— Спасибо хоть за то, что вы не перевернули печку.

Он проследил за ее взглядом и увидел железную печурку и гревшийся на ней кофейник, за которым присматривала молодая индианка. Котик с наслаждением втянул в себя аромат кофе и снова перевел взгляд на девушку.

— Ведь я чечако,—сказал он.

По презрению, отразившемуся на ее лице, он понял, что это для нее ясно и без слов; но Котик нисколько не смутился.

— Я бросил свой револьвер,—прибавил он.

Только тут она узнала его, и взгляд ее смягчился.

— Не думала, что вы заберетесь так далеко,—заявила она.

Он снова с жадностью втянул воздух.

— Даю голову на отсечение, что это кофе!—Он повернулся к девушке и прямо обратился к ней:—Я отдам свой мизинец—можете отрубить его сейчас же,—я сделаю все, что вы прикажете, я стану вашим рабом на один год и один день или на сколько вы пожелаете,—и все это за одну чашку кофе!

И, прихлебывая горячий кофе, он назвал ей свое имя и узнал, что ее зовут Джой Гастелль. Он узнал также, что она уже давно живет в этой стране. Джой Гастелль родилась на одной из факторий у Большого Невольничьего озера и, еще ребенком, переправившись с отцом через Скалистые горы, спустилась в бассейн Юкона. Девушка объяснила, что путешествует в этот момент со своим отцом. Сначала дела задержали его в Ситтле, а затем он потерпел крушение на злополучном «Чантере» и был доставлен в пролив Пюджет-Саунд подоспевшим на помощь пароходом.

В виду того, что девушка продолжала сидеть закутанная в одеяло, Котик не стал затягивать разговор и, героически отказавшись от

второй чашки, извлек из палатки вместе с собственной персоной три четверти тонны своего груза. Сверх того он вынес с собой оттуда еще несколько выводов, а именно: что у нее прелестное имя и прелестные глаза, что лет ей наверное двадцать, самое большее двадцать два; что отец ее, должно быть, француз, и что она женщина с характером и темпераментом и воспитание получила, несомненно, где угодно, только не здесь, за рубежом культуры.

VI

Тропа проходила по обледенелым скалам над линией лесов и, обогнув озеро Кратер, спускалась по скалистому ущелью к Счастливому Лагерю и первым жалким тощим соснам. Нужно было потратить немало сил и времени, чтобы переправить этим путем тяжелое снаряжение. На озере стояла парусная лодка, которой пользовались для перевозки грузов. «Достаточно будет двух рейсов, которые займут не больше двух часов времени,—рассудил Котик,—чтобы переправить на ту сторону меня самого и тонну багажа». Но Котик был разорен дочиста, а лодочник просил за перевозку багажа целых сорок долларов.

— Для вас, мой друг, эта жалкая лодка—настоящая золотая россыпь,—сказал ему Котик.—Не хотите ли приобрести еще одну такую же?

— Укажите,—заявил лодочник.

— Я укажу вам ее, если вы согласитесь переправить за это мой багаж. Идея превосходная и патент на нее еще не выбран, так что вы сможете взяться за дело, как только я объясню вам, в чем заключается фокус. Идет?

Лодочник согласился; лицо его внушало Котику доверие, и он тут же изложил ему свой проект:

— Прекрасно. Видите вон тот ледник? Берите кирку и отправляйтесь туда. За один день вы прорубите прекрасный жолоб сверху донизу. Смекаете, в чем дело? Чилькутское и Кратеровское Консолидированное Транспортное Общество с ограниченной ответственностью. Вы можете брать по пятьдесят центов за сто фунтов и переправлять по сотне тонн в день. А весь ваш труд будет заключаться только в том, чтобы собирать монеты.

Через два часа Котик со своим грузом был на противоположном берегу, выиграв таким образом целых три дня. Поэтому, когда Джон Беллью нагнал племянника, тот был уже вблизи Глубокого озера, другого вулканического углубления, заполненного ледяной водой.

VII

Последний переход от Долгого озера до озера Линдерманн равнялся трем милям, и тропа—если только это можно было назвать тропой—загибалась кверху, переваливала через тысячефутовый хребет и сбегал вниз по скользким скалам, пересекая по пути широкую полосу болот. Увидев, что Котик привязал за спину стофунтовый тюк и положил на него дополнительный груз—пятидесятифунтовый мешок муки, который должен был упираться в его затылок,—Джон Беллью попробовал запротестовать.

— Будет вам, поклонник выносливости,—огрызнулся Котик.— Вспомните свою медвежатину и единственную смену белья.

Но Джон Беллью покачал головой.

— Боюсь, что я начинаю стариться, Кристоф.

— Вам всего сорок восемь лет. Разве вы забыли, что мой дедушка, а ваш отец, старый Айзек Беллью, в шестьдесят девять лет уложил кулаком человека?

Джон Беллью ухмыльнулся и проглотил пилюлю.

— Между прочим, дядюшка, я должен сообщить вам чрезвычайно важную новость. Несмотря на то, что меня воспитывали, как лорда Фаунтлероя, я могу в любой момент перещеголять вас в выносливости и ходьбе, а также уложить вас на обе лопатки или обработать вот этими кулаками.

Джон Беллью протянул племяннику руку и торжественно произнес:

— Кристоф, мой мальчик, я уверен, что ты говоришь истинную правду. Я убежден, что тебе не понадобится даже снять для этого тюк со спины. Ты изменился к лучшему, мой мальчик, и так сильно, что я никогда не поверил бы этому, если бы не видел этой перемены собственными старыми глазами.

Котик ежедневно покрывал последний переход четыре раза в оба конца, а это значило, что он проделывал ежедневно двадцать четыре мили в гору и двенадцать под гору со стопятидесятифунтовой поклажей на спине. Он был исполнен гордости, бодр и, несмотря на усталость, физически чувствовал себя прекрасно. Он ел и спал, как никогда еще не ел и не спал в своей жизни, и видя, что работа приближается к концу, почти жалел об этом.

Одно только тревожило Котика. Он знал, что уцелеет, если свалится со стофунтовым грузом за спиной, но его мучила мысль о добавочных пятидесяти фунтах, которые, как ему казалось, должны непременно сломать ему при падении шею. Все тропинки, пересекавшие

болото, очень быстро и бесследно затаптывались тысячами путников, и людям приходилось беспрерывно прокладывать все новые дорожки. Прокладывая однажды такую новую тропинку, Котик разрешил свою проблему о добавочных пятидесяти фунтах.

Мягкая топкая поверхность подалась под ним; он пошатнулся и упал ничком. Груз в пятьдесят фунтов вдавил его голову в грязь и шлепнулся в болото, не причинив Котику никакого вреда. Он поднялся на четвереньки со своей стофунтовой поклажей за спиной, но дальше этого дело не шло. Одна рука его тотчас же погрузилась по плечо в трясину, заставив Котика прикоснуться щекой к грязи. Когда он вытащил эту руку, за ней моментально погрузилась по плечо другая. Это лишило Котика возможности освободиться от ремней, а стофунтовая поклажа не давала ему подняться на ноги. Он сделал попытку подползти на четвереньках к тому месту, куда свалился мешок с мукой, но руки его поочередно увязали в топкой грязи, и скоро он выбился из сил, не подвинувшись ни на иоту. При этом топкий травянистый покров прорвался, и в опасном соседстве с его носом и ртом начала образовываться крошечная лужица. Котик попробовал перевернуться на спину так, чтобы тюк оказался под ним, но от этого движения обе руки его погрузились по плечи, и он почувствовал, что тонет. С изумительным терпением он медленно вытащил сначала одну, потом другую руку и положил плашмя на поверхность болота, чтобы создать опору для подбородка. Затем он начал звать на помощь. Через некоторое время он услышал звук шагов, чавкавших по болоту, и догадался, что кто-то приближается к нему сзади.

— Эй, приятель, помогите!—крикнул он.—Бросьте мне веревку или что-нибудь в этом роде.

В ответ он услышал женский голос и тотчас же узнал его.

— Если вы развяжете мои ремни, я сумею сам подняться на ноги.

Стофунтовый груз, громко чавкнув, шлепнулся в грязь, и Котик медленно, с трудом поднялся на ноги.

— Ну и вид у вас!—расхохоталась мисс Гастелль, увидев его покрытое грязью лицо.

— Совсем не плохой,—возразил он весело.—Это мое любимое гимнастическое упражнение. Попробуйте как-нибудь—замечательно укрепляет грудные мышцы и позвоночник.

Он вытер лицо и бодрым движением стряхнул с руки грязь.

— О!—воскликнула она, только тут узнав Котика.—Да ведь это мистер... мистер... Смок Беллью?

— Премного благодарен вам за своевременную помощь и за это имя,—ответил Котик.—Я получил второе крещение. Отныне я

потребую, чтобы меня всегда называли Смок[1]) Беллью. Это славное имя, и я вижу в нем глубокий смысл.

Он остановился, затем заговорил вдруг с неожиданной силой.

— Знаете, что я намерен сделать?—спросил он.—Я вернусь в Штаты, женюсь там и обзаведусь многочисленной семьей. А затем как-нибудь вечерком я соберу вокруг себя детей и расскажу им про те мытарства и испытания, через которые я прошел на этом Чилькутском пути. И если они не заревут,—я повторяю, если они не заревут,—я выколочу из них дух.

VIII

Арктическая зима быстро надвигалась. Выпавший снег лежал шестидюймовым покровом, и спокойные горные озера постепенно затягивались льдом, несмотря на неистово дувшие ветры. Раз в сумерки, под завывание метели, Котик и Джон Беллью помогли кузенам нагрузить лодку и долго следили потом, как она исчезала в снежном вихре.

— А теперь нужно как следует выспаться и завтра встать пораньше,—сказал Джон Беллью.—Если вьюга не задержит нас на вершине, мы придем в Дайэ завтра к вечеру. А если, к тому же, нам посчастливится захватить какой-нибудь пароход, то через неделю мы будем в Сан-Франциско.

— Довольны вы своей прогулкой?—рассеянно спросил Котик.

Их стоянка в эту последнюю ночь у озера Линдерманн имела грустный вид. Все более или менее пригодное для употребления было увезено кузенами. Дырявый брезент, натянутый для защиты от ветра, лишь местами прикрывал их от крутящегося снега. Ужин они сварили на открытом огне, использовав для этой процедуры несколько поломанных и разрозненных лагерных принадлежностей. У них оставались только одеяла и запас пищи на несколько дней.

Проводив лодку, Котик сделался рассеян и задумчив. Дядя заметил в нем эту перемену и приписал ее реакции после сильного напряжения. За ужином Котик произнес только одну фразу.

— Дядюшка,—сказал он вдруг ни с того ни с сего,—я хочу, чтобы отныне вы называли меня Смоком. Я, кажется, порядочно обкурился за это путешествие, не так ли?

Через несколько минут он вышел и направился к палаткам золотоискателей, занятых нагрузкой или постройкой лодок. Котик пропадал несколько часов, и когда он вернулся и лег под одеяло, Джон Беллью давно уже спал.

---

[1]) Смок (smoke) значит — обкуренный.

В темноте бурного утра Котик выполз, отогрел на огне свои замерзшие сапоги, сварил кофе и поджарил грудинку. Это был скудный завтрак, остывший прежде, чем они успели съесть его. Покончив с едой, дядя и племянник связали свои одеяла. Но в тот момент, когда Джон Беллью повернулся, чтобы пуститься в обратный путь по Чилькутской дороге, Котик протянул ему руку.

— До свиданья, дядюшка,—сказал он.

Джон Беллью посмотрел на него и выругался от неожиданности.

— Не забывайте, что меня зовут Смок,—поддразнил его Котик.

— Да что ты задумал?

Котик сделал неопределенный жест в сторону севера, где бушевало озеро.

— Какой смысл возвращаться назад после того, как я уже забрался так далеко?—спросил он.—Я отведал медвежатины, и она пришлась мне по вкусу. Я еду дальше.

— Но ведь у тебя нет ни денег, ни снаряжения,—возразил Джон Беллью.

— Я достал себе работу. Ну, порадуйтесь: ваш племянник Кристоф Смок Беллью наконец нашел себе работу! Теперь он будет прислуживать джентльмену и получать за это сто пятьдесят долларов в месяц и продовольствие. Он отправляется в Даусон с двумя господами и еще одним слугой в качестве походного повара, лодочника и всего такого прочего. А что касается О'Гара и «Волны»—пусть провалятся к чорту. До свиданья.

Но Джон Беллью был так поражен, что мог пробормотать только одно:

— Ничего не понимаю.

— Говорят, что в бассейне Юкона водится много медведей,—объяснил Котик.—А у меня, видите ли, всего одна смена белья, и я отправляюсь за медвежатиной. Вот и все.

МЯСО

I

Ветер то и дело налетал неистовым ураганом, и Смок Беллью с трудом пробирался вдоль берега. В сером предутреннем свете десятки лодок нагружались драгоценным снаряжением, которое люди с таким трудом переносили через Чилькут. Это были неуклюжие, самодельные лодки, сколоченные неумелыми руками. Золотоискатели собственноручно рубили и распиливали молодые сосны на доски, а затем мастерили из них свои незатейливые суда. Одна лодка, нагруженная доверху, как раз отчаливала от берега, и Котик остановился на минуту, чтобы поглядеть на нее.

На озере было довольно тихо, но зато у берега бушевал неистовый ураган, подхлестывавший мелкие злобные волны. Люди с отъезжавшей лодки, обутые в высокие непромокаемые сапоги, вошли в воду, чтобы столкнуть лодку в более глубокое место. Им пришлось проделать это дважды: как только они садились в лодку и брались за весла, ветер снова относил ее назад к берегу. Котик заметил, что брызги на бортах лодки быстро превращались в лед. В третий раз они добились некоторого успеха. Последние два пассажира, влезшие в лодку, были мокры по пояс, но зато лодка тронулась с места. Они изо всех сил налегли на тяжелые весла и стали медленно удаляться от берега. Тогда, ободренные успехом, они поставили парус, сшитый из одеял, но лишь только ветер надул его, как лодку в третий раз отнесло к замерзающему берегу.

Котик ухмыльнулся про себя и пошел дальше. Вот с чем ему придется столкнуться в новой роли слуги джентльмена: ведь ему предстояло не далее как сегодня отплыть в такой же лодке.

На берегу кипела работа; люди трудились не покладая рук, выбиваясь из сил, ибо все понимали, что зима воцарится не сегодня — завтра, и никто не знал — успеет ли он пробраться через цепь озер до ледостава. Тем не менее, когда Котик подошел к палатке господ Спрэг и Стайн, он не заметил там никаких признаков суеты.

У огня, под защитой брезента, сидел, поджав ноги, коротенький толстый человек, куривший папиросу, свернутую из коричневой бумаги.

— Алло,—сказал он.—Так вы, значит, новый слуга мистера Спрэга?

Котик кивнул головой. Ему показалось, будто толстяк сделал ударение на словах мистер и слуга, и он готов был поклясться, что маленький человечек при этом подмигнул ему.

— Так, так! Ну, а я слуга доктора Стайна,—продолжал он.— Во мне пять фунтов и два дюйма росту, и меня зовут Джэком Малышом, для краткости—Малышом, а иногда величают и Джонни На-Все-Руки.

Котик протянул руку и обменялся со своим новым коллегой рукопожатием.

— Выросли, небось, на медвежатине?—осведомился он.

— Разумеется,—ответил тот,—хотя, насколько я помню, в раннем детстве меня кормили больше молоком буйволицы. Присядьте и закусите со мной. Хозяева еще не прочухались.

Котик уселся под брезентом, и, несмотря на то, что утром уже позавтракал, с утроенным аппетитом уничтожил все, что предложил ему Малыш. Тяжелый изнурительный труд, который он нес за последнее время, наделил его волчьим желудком и таким же аппетитом. Он мог съесть все что угодно и в каком угодно количестве, нисколько не заботясь о своем пищеварении. Малыш показался ему разговорчивым, но пессимистично настроенным человеком. Котик получил от него весьма любопытные сведения о хозяевах и выслушал зловещие предсказания относительно предстоящего путешествия. Томас Стэнли Спрэг, новоиспеченный горный инженер, был сыном миллионера. Родители доктора Адольфа Стайна были также очень состоятельные люди.

— Денег у них куры не клюют, уж это я вам говорю,—продолжал Малыш.—Когда они высадились на берег в Дайэ, индейцев было очень мало, и они драли по семьдесят центов за фунт. Случилась там как раз одна компания из Восточного Орегона—настоящие старатели [1]), скажу вам, не нашим чета; сложились это они вместе и наняли несколько индейцев по семьдесят центов за фунт. Индейцы взялись уже за ремни, чтобы забрать снаряжение—около трех тысяч фунтов,—как вдруг появляются Спрэг и Стайн. Они предложили восемьдесят центов, затем девяносто и, наконец, доллар за фунт. Ну, индейцы, разумеется, послали орегонцев к чорту и

---

[1]) Золотоискатели-одиночки (или группы их), работающие самостоятельно, за свой счет и риск.

побросали поклажу. И вот Спрэг и Стайн добрались сюда. Плевать, что это влетело им в три тысячи! А орегонская компания, извольте видеть, до сих пор сидит на берегу. Теперь им не выбраться оттуда до будущего года.

— О, это парни хоть куда—наши с вами хозяева—когда дело касается того, чтобы обойти человека или попросту наплевать ему в лицо. Знаете ли, что они сделали, как только добрались до озера Линдерманн? Плотники на берегу как раз вколачивали последние гвозди в лодку, которую они должны были сдать одной компании из Сан-Франциско за шестьсот долларов. Спрэг и Стайн отвалили им тысячу, и те не задумываясь нарушили договор. Лодка славная, что и говорить, но это сильно подвело тех молодцов. Они перетащили сюда все свое снаряжение, а лодки-то и нет. Хочешь не хочешь, а уж придется застрять здесь до будущего года. Выпейте-ка еще чашку кофе. Поверьте, я не связался бы с этими франтами, если бы меня чертовски не тянуло в этот Клондайк. Что и говорить—подлые люди. Если им понадобится, они не задумываясь вытряхнут любого покойника из гроба. Вы подписали с ними какое-нибудь условие?

Котик отрицательно покачал головой.

— В таком случае, товарищ, мне очень жаль вас. В этой местности продовольствие ценится на вес золота, и они отправят вас на все четыре стороны, как только доберутся до Даусона. Немало народу в эту зиму перемрет там с голоду.

— Они обещали...—начал Котик.

— На словах,—резко оборвал его Малыш.—На ваши слова они ответят словами—вот и все. Ну да ладно, не так страшен чорт... А как вас звать, товарищ?

— Зовите меня Смок,—сказал Котик.

— Ну, Смок, вам придется здорово попотеть, несмотря на то, что у вас только словесный договор. Теперь уже ясно, что нам предстоит. Они умеют сорить направо и налево своими проклятыми деньгами, но не способны ни работать, ни хотя бы даже рано вставать с постели. Нам уже час назад следовало закончить погрузку и отчалить, а они еще и глаз не продрали. Вся тяжелая работа ляжет на нас с вами. Не беспокойтесь, скоро вы услышите, как они начнут ругаться и требовать кофе—подумайте только: эти взрослые бугаи пьют кофе в постели! Вы имеете какое-нибудь представление о лодке? Я ковбой и старатель, но на воде ни чорта не стою, а они уже само собой ничего не смыслят в этом. Ну-ка, выкладывайте, что вы знаете.

— Да не больше вашего,—ответил Котик, плотнее прижимаясь к брезенту, чтобы укрыться от бурного порыва ветра.—Последний

раз я катался на лодке, когда был еще мальчишкой. Но мне думается, что мы справимся.

Ветер сорвал угол брезента и насыпал снегу за ворот Малышу.

— Да уж справишься тут поневоле,—сердито проворчал он.— Велика премудрость, подумаешь. Ребенок, и тот одолеет. Но я готов отдать голову на отсечение, что мы не двинемся сегодня с места. Вот увидите.

Было уже восемь часов, когда из палатки послышалось требование кофе. И прошел битый час, прежде чем хозяева выползли оттуда.

— Алло,—сказал Спрэг, краснощекий, упитанный молодой человек лет двадцати пяти.—Пожалуй, уже время двигаться, Малыш. Вы с...—тут он вопросительно взглянул на Котика.—Я не разобрал вчера как следует вашего имени.

— Смок.

— Так вот, Малыш, вы с мистером Смоком можете начать грузить лодку.

— Просто Смок, без всякого мистера,—поправил Смок.

Спрэг кивнул и зашагал, лавируя между палатками, в сопровождении доктора Стайна, стройного бледного молодого человека.

Малыш бросил красноречивый взгляд на своего товарища.

— Там полторы с лишним тонны продовольствия, а эти лоботрясы и не подумают помочь нам. Вот увидите.

— Это потому, что они платят нам за труды,—весело заметил Котик.—Я уверен, что мы отлично справимся сами.

Перенести три тысячи фунтов на сотню ярдов—дело не легкое, но проделать это в метель, шагая по снежным сугробам, в тяжелых непромокаемых сапогах,—занятие чрезвычайно утомительное и требующее немалой выносливости. Кроме того, нужно было еще свернуть палатку и уложить всякую походную мелочь. Затем началась нагрузка. По мере того как лодка оседала под тяжестью снаряжения, Котик и Малыш все дальше и дальше отталкивали ее от берега, увеличивая таким образом расстояние, которое приходилось проходить по воде. К двум часам все было закончено, и Котик, несмотря на два завтрака, почувствовал, что едва держится на ногах от голода. Малыш, побуждаемый такими же ощущениями, принялся шарить по горшкам и кастрюлям и с торежством извлек порядочный котелок холодных вареных бобов, между которыми виднелись большие ломти солонины. В их распоряжении была только одна ложка с длинной ручкой, и они по очереди погружали ее в горшок. Котик готов был поклясться, что никогда за всю свою жизнь не ел ничего вкуснее.

— Господи,—бормотал он в редкие промежутки, когда рот его освобождался от пищи.—Только здесь, в пути, я понял, что такое аппетит.

В самый разгар пиршества к ним подошли Спрэг и Стайн.

— Чего мы ждем?—недовольно осведомился Спрэг.—Ведь нам давно уже пора двинуться.

Малыш—это была его очередь—зачерпнул ложкой, а затем передал ее Котику, и никто из них не произнес ни единого слова, пока горшок не был очищен до дна.

— Ясно, что мы тут отдыхали,—сказал Малыш, вытирая рукой рот.—Вот и выходит, что мы сидели сложа руки, а вам нечем теперь закусить. Разумеется, это непростительная небрежность с нашей стороны.

— Ничего, ничего,—быстро вставил Стайн,—мы уже поели в одной из палаток у наших друзей.

— Я так и думал,—проворчал Малыш.

— Ну, а теперь, раз вы кончили, пора трогаться,—торопил Спрэг.

— Лодка уже нагружена,—сказал Малыш.—А только интересно, как вы думаете взяться за нее, чтобы отчалить?

— Да просто перелезем через борт и оттолкнем ее. Ну, идем.

Все пошли по воде. Хозяева сели в лодку, а Малыш и Смок начали отталкивать ее от берега. Когда волны стали переливаться через верхушки их сапог, они влезли тоже. Но молодые люди не подумали о том, чтобы во-время взяться за весла, и лодку снова отнесло к берегу. Так повторялось несколько раз, и каждая попытка требовала огромной затраты энергии.

Малыш, придя в полное уныние, уселся, наконец, на планшире, взял щепотку табаку и погрузился в мировую скорбь, в то время как Котик вычерпывал из лодки воду, а хозяева обменивались не совсем любезными замечаниями.

— Если вы исполните в точности мое приказание, мы сдвинем ее с места,—сказал, наконец, Спрэг.

План был недурен, но прежде чем молодой человек успел взобраться в лодку, его окатило до пояса водой.

— Придется высадиться и развести огонь,—сказал он, когда лодку снова отнесло к берегу.—Я совсем замерз.

— Теперь не время бояться насморка,—язвительно усмехнулся Стайн.—Другие же отчалили сегодня, хотя, наверно, промокли побольше вашего. Теперь я займусь лодкой, и вот вы увидите, что мы сдвинем ее.

На этот раз промок Стайн и, стуча зубами, заявил, что необходимо высадиться и развести огонь.

— Чепуха,—мстительно возразил Спрэг,—из-за такой ерунды не стоит задерживаться.

— Малыш,—приказал Стайн,—вытащите мой чемодан с вещами и разведите огонь.

— Малыш, я запрещаю вам делать это!—воскликнул Спрэг.

Малыш переводил глаза с одного на другого, выжидая, чем кончится спор, и не двигался с места.

— Я нанял его для себя, и он должен исполнять мои приказания,—возразил Стайн.—Малыш, берите чемодан и высаживайтесь на берег.

Малыш повиновался, а Спрэг, дрожа от холода, остался в лодке. Котик, не получив никаких распоряжений, спокойно наблюдал за ними, радуясь отдыху.

— Лодка, на которой царит раздор, далеко не уедет,—пробормотал он, рассуждая сам с собой.

— Что такое?—зарычал на него Спрэг.

— У меня привычка разговаривать вслух с самим собой,—ответил Котик.

Хозяин бросил на него злобный взгляд и еще несколько минут продолжал смотреть волком. Наконец, он сдался.

— Вынесите мой чемодан, Смок,—приказал он,—и помогите развести огонь. Мы никуда не тронемся до завтрашнего утра.

II

На следующий день вьюга не унималась. Озеро Линдерманн представляло собой не что иное, как узкое горное ущелье, заполненное водой. По этой воронке проносился порывистый, дувший с гор ветер, который то вздымал в ней огромные волны, то почти затихал.

— Если вы столкнете лодку с места, я, пожалуй, сумею отвести ее от берега,—заявил Котик, когда все было готово.

— Что вы смыслите в этом?—огрызнулся на него Стайн.

— Ну, как знаете,—ответил Котик и сразу осел.

Ему в первый раз приходилось работать по найму, но он быстро усваивал вытекающие отсюда правила дисциплины. Он покорно и весело принял участие в нескольких безрезультатных попытках сдвинуть лодку.

— Как же вы думаете взяться за нее?—спросил его, наконец, Спрэг, задыхаясь и чуть не плача от отчаяния.

— Сядьте все в лодку и отдыхайте, пока не настанет минута затишья, а тогда отталкивайтесь от берега что хватит сил.

Как ни была проста эта мысль, все же она пришла в голову только ему. Сразу же все пошло как по маслу; они прикрепили

к мачте, взамен паруса, одеяло и понеслись по озеру. Стайн и Спрэг тотчас же повеселели. Малыш, несмотря на свой беспросветный пессимизм, никогда не утрачивал бодрости, а что до Котика, то он был слишком заинтересован всем происходящим, чтобы упасть духом. Спрэг около четверти часа мучился с рулем, затем бросил умоляющий взгляд на Котика, и тот сейчас же сменил его.

— Я чуть не вывихнул себе руки от напряжения,—пробормотал Спрэг в оправдание.

— Ведь вы никогда не ели медвежатины, не правда ли?—сочувственно осведомился Котик.

— Что вы хотите этим сказать?

— О, ничего. Мне просто было интересно узнать.

Но когда хозяин повернулся к ним спиной, Котик увидел одобрительную усмешку на лице Малыша, отлично понявшего смысл его слов. Все время, пока они плыли по озеру, Котик с таким искусством управлял лодкой, что молодые люди, с тугими кошельками и отвращением к труду, удостоили его звания опытного рулевого. Малышу это тоже было наруку, и он охотно предоставил заботу о лодке товарищу, взяв на себя хлопоты по части кухни.

Озеро Линдерманн отделялось от озера Беннет небольшим рукавом. Разгруженную лодку ввели в узкий, но бурный поток, соединявший оба бассейна, и тут Котику пришлось немало потрудиться. Зато он многому научился. Когда дело дошло до переноски груза, Спрэг и Стайн куда-то исчезли, а слуги два дня работали как каторжные, чтобы переправить багаж. Та же история повторялась всякий раз, когда они попадали в затруднительное положение,— Котик и Малыш выбивались из сил, а хозяева их ровно ничего не делали и требовали ухода за собой.

Но безжалостная полярная зима надвигалась все ближе, и путников то и дело задерживали в пути самые разнообразные препятствия. В Рукаве Ветров Стайну вздумалось вдруг сменить Котика у руля, и менее чем через час лодку выбросило на бурный подветренный берег. Они потратили целых два дня, чтобы поправить повреждения, и когда на третье утро все четверо спустились к берегу, чтобы двинуться дальше, по борту лодки от носа до кормы тянулась нацарапанная углем надпись—«Чечако».

Котик ухмыльнулся, ибо никогда еще это ненавистное слово не казалось ему более уместным.

— Еще чего,—возразил Малыш, когда Стайн заподозрел в этом деле его.—Я, конечно, грамотный, умею читать по складам и знаю, что чечако значит белоручка, а только не такой уж я ученый, чтобы изобразить этакое головоломное слово.

Оба хозяина в упор уставились на Котика; их жестоко оскорбила эта насмешка; но тот, конечно, и не заикнулся, что накануне вечером Малыш попросил его написать на бумажке это самое слово.

— Это задело их еще почище твоей медвежатины,—поделился с ним позднее Малыш.

Котик насмешливо фыркнул. По мере того как росла его уверенность в собственных силах, презрение к хозяевам все сильнее укреплялось в его душе. Это была даже не неприязнь, а скорее отвращение. Котик попробовал медвежатины, и она пришлась ему по вкусу. На них же он видел, к чему ведет отказ от этой пищи, и благодарил бога, что не создан по их подобию. Его раздражала не столько их придирчивость, сколько полная беспомощность и неспособность к работе. В нем, помимо воли, все больше проявлялись наследственные черты, переданные ему старым Айзеком и всеми остальными мужественными Беллью.

— Знаешь, Малыш,—обратился он однажды к товарищу во время обычной суеты перед отъездом.—Я с удовольствием проломил бы им веслом головы и сбросил бы обоих в реку.

— Руку, товарищ,—одобрил Малыш.—Эти молодчики не охотники до медвежатины. Они больше насчет той самой рыбки, которая водится в мутной воде. Я уверен, что внутри у них одна гниль.

III

Путники подошли к порогам. Сперва им предстояло одолеть ущелье, прозванное Ящиком, а затем пороги Белого Коня. Ущелье Ящик [1]) вполне заслуживало свое название. Это был настоящий ящик-западня. Раз попав в него, нужно было пройти все ущелье до конца: другого выхода не было. С обеих сторон поднимались стены неприступных скал. Река в этом месте сильно суживалась и с ревом прорывалась через мрачный коридор. Она мчалась с такой бешеной быстротой, что вода в середине реки вздымалась горбом на восемь футов выше, чем у скалистых берегов. Хребет этот был увенчан злобными крутыми волнами, которые со стороны казались неподвижными, несмотря на седые шапки пены. Это ущелье справедливо пользовалось дурной славой. И немало золотоискателей, пытавшихся пробраться через него, сложили там свои головы.

Пристав к берегу немного повыше ущелья, в том месте, где уже белело несколько причаливших лодок, все четверо отправились пешком на разведки. Они подползли к самому краю скалы и заглянули вниз на бурлящую воду. Спрэг с содроганием отдернул голову.

---

[1]) Бокс-Кэньон (Box-Canyon).

— Чорт возьми!—воскликнул он.—Никакой пловец не справится с этим течением.

Малыш многозначительно подтолкнул Котика локтем и шепнул ему:

— Животики со страху подвело. Чтоб мне провалиться, если у них хватит духу пробраться через этот Ящик.

Котик едва слышал слова товарища. С самого начала путешествия на лодке он с изумлением приглядывался к необузданной, непостижимой злобе стихий, и картина, развертывавшаяся внизу, подействовала на него как вызов.

— Надо будет во что бы то ни стало держаться хребта,—сказал он,—если мы скатимся с него, то неминуемо разобьемся о скалы...

— И даже не узнаем, обо что мы разбились,—философски изрек Малыш.—Умеешь ты плавать, Смок?

— Уж лучше бы не умел, если нам суждено перевернуться.

— Вот и я так же думаю,—мрачно заметил какой-то человек, заглядывая рядом с ними в ущелье.—Дорого бы я дал, чтобы быть уже по ту сторону.

— А я ни за что не отказался бы от попытки переправиться через эти пороги,—отозвался Котик.

Котик говорил искренно, но при этом хотел и немного подбодрить незнакомца. Он встал и направился к лодке.

— Вы собираетесь провести лодку через это пекло?—спросил незнакомец.

Котик кивнул головой.

— Хотел бы я обладать таким мужеством,—признался тот.—Я уже несколько часов торчу здесь и чем больше смотрю вниз, тем сильнее боюсь отважиться на это. Я моряк липовый, никогда не занимался этим делом, а со мной только племянник, совсем еще мальчик, да жена. Не возьметесь ли вы провести мою лодку, если вам удастся благополучно переправить свою?

Котик посмотрел на Малыша, который медлил с ответом.

— Не забудь, что с ним жена,—напомнил Котик, успевший хорошо изучить своего товарища.

— Правильно,—заявил тот.—Над этим-то я как раз и думал. Чувствую, что есть какая-то причина, чтобы согласиться, а в чем она—хоть убей, сообразить не могу.

Они снова повернулись, чтобы итти, но Спрэг и Стайн не двигались.

— Желаю вам удачи, Смок!—крикнул ему вслед Спрэг.—Я... э...—он запнулся.—Я постою здесь и посмотрю, как вы справитесь.

— Нужно, чтобы в лодке было трое: двое на веслах и один на руле,—спокойно сказал Котик.

Спрэг и Стайн переглянулись.

— Будь я проклят, если сделаю это,—заявил Стайн.—Раз вашей храбрости хватает только на то, чтобы смотреть со скалы, то и я не желаю рисковать бо́льшим.

— Уж кто бы говорил о храбрости...—вызывающе заметил Спрэг.

Стайн ответил в том же тоне, и слуги оставили их в самый разгар перепалки.

— Справимся и без них,—сказал Котик товарищу.—Ты станешь с веслом на носу, а я сяду на руль. Главное, старайся держаться прямой линии. Когда мы тронемся, ты уже не сможешь слышать меня, так вот тебе мой завет: держись прямо, середины.

Они спустили лодку и вышли на середину течения. Навстречу им из ущелья доносился грозный рев, становившийся все сильнее по мере того, как они приближались к ужасной щели западни. Река вливалась в ущелье гладкой упругой струей, напоминавшей расплавленное стекло, и тут-то, под нависшими мрачными скалами, Малыш положил в рот щепотку табаку и погрузил в воду свое весло. Лодка взлетела на первый гребень хребта, и их тотчас же оглушил рев бушующих волн, который гулко отражали близко надвинувшиеся стены скал. Брызги и пена заливали их с головы до ног. По временам облака распыленной воды скрывали от Котика сидевшего на носу товарища. Все путешествие заняло не более двух минут. За это время они успели сделать по хребту три четверти мили и, благополучно выйдя из ущелья, пристали к песчаному берегу.

Малыш выпустил струю табачного сока—от волнения он забыл своевременно сплюнуть его—и заговорил.

— Вот уж медвежатина, так медвежатина,—с восторгом заявил он.—Послушай, Смок, а ведь мы в самом деле молодцы хоть куда. Я должен тебе сказать, дружище, по секрету, что перед тем, как двинуться в путь, я трусил не меньше самого паршивого трусишки по эту сторону Скалистых гор. А теперь, брат, я самый настоящий медвежатник. Ну, идем, мы протащим и вторую лодку.

Возвращаясь назад пешком, они встретили на полпути своих хозяев.

— А вот идут мозгляки,—сказал Малыш.—Держись наветренной стороны!

IV

Котик и Малыш благополучно проделали путь во второй раз и, пристав к берегу, познакомились с женой хозяина лодки—его звали Брек—стройной молодой женщиной; она со слезами на глазах поблагодарила их за помощь. Брек попробовал всунуть Котику пятьдесят долларов и, получив отпор, попытался проделать это с Малышом.

— Послушайте, приятель,—возразил тот.—Я забрался в эту страну, чтобы выкачивать деньги из земли, а не из себе подобных.

Брек порылся в своей лодке и вытащил оттуда полбутылки виски. Малыш протянул было к ней руку, но тотчас же отдернул ее. Он покачал головой.

— Там впереди нас ждет еще проклятый Белый Конь, а он, говорят, будет еще похуже этого ущелья. Пожалуй, лучше воздержаться пока от горячего.

Пройдя несколько миль по течению, они высадились на берег и отправились посмотреть на Белого Коня. Изобиловавшая порогами река отклонилась в этом месте к правому берегу, так как слева ей преграждал путь скалистый риф. Вся масса воды бешено устремлялась в узкий проход и, грозно ускоряя свой бег, вставала на дыбы злобными пенящимися волнами. Это и была ужасная Грива Белого Коня, где смерть пожинала еще большую жатву, чем в западне Ящика. По одну сторону Гривы был пенящийся засасывающий водоворот, а с другой—быстрины, и чтобы благополучно миновать то и другое, нужно было одолеть самую Гриву.

— Да, эта штука почище Ящика,—решил Малыш.

Как раз в то время, когда они разглядывали Гриву, у начала порогов показалась лодка. Это было судно футов тридцати в длину, нагруженное несколькими тоннами снаряжения и управляемое шестью мужчинами. Приближаясь к Гриве, оно то взлетало, то ныряло и подчас совсем скрывалось из виду в облаках пены и брызг.

Малыш искоса взглянул многозначительно на Котика и сказал:

— Гляди, как здорово треплет, а ведь главное-то еще впереди. Они убрали весла. Вот теперь в Гриве! Господи! Погибла! Нет, плывет!..

Несмотря на свои внушительные размеры, лодка совершенно скрылась из виду в вихре водяной пыли между пенистыми гребнями. Но в следующий момент она качалась уже на верхушке волны в самой гуще Гривы. К своему удивлению Котик увидел вдруг, как на ладони, все дно лодки; на какую-то долю секунды лодка повисла в воздухе, но все бывшие в ней люди остались спокойно сидеть на своих местах, кроме одного, стоявшего у руля на корме. Затем лодка нырнула вниз под гребень и снова скрылась из виду. Трижды она взлетала и ныряла таким образом. Как вдруг, в тот самый момент, когда лодка слетала с Гривы, наблюдавшие с берега люди увидели, что нос ее погрузился в водоворот. Рулевой напрасно старался помешать этому, налегая всей своей тяжестью на рулевое весло; убедившись, что делу не поможешь, он сдался и дал лодке завертеться на месте.

Судно трижды описало круг, всякий раз проносясь так близко к скалам, что Котик и Малыш легко могли бы перепрыгнуть в него

с берега. Рулевой, мужчина с рыжеватой, недавно отпущенной бородкой, помахал им рукой. Единственный путь из водоворота вел через Гриву, и лодка, сделав еще один круг, косо врезалась в верхний конец ее. Рулевой, опасаясь, как бы лодку не затянуло в водоворот, замешкался и недостаточно быстро выпрямил ее. Когда он сделал это, было уже слишком поздно. Лодка взлетела вверх и зарылась носом; затем, вонзившись в Гриву, она перевалила через крутую стену водоворота и отлетела на другую сторону реки. На сто футов ниже всплыли ящики и тюки, затем показалось дно лодки и разбросанные по воде головы людей. Двоим из них удалось выбраться на берег. Остальных затянуло в водоворот, и вскоре быстрые воды скрыли из виду все следы крушения. Наступило долгое молчание. Первым заговорил Малыш.

— Пойдем,—сказал он.—Мы достаточно насмотрелись. Можно попробовать хоть сейчас. Если мы останемся здесь дольше, я никогда не решусь на этакий фокус.

— Что ж, придется и нам обкуриться!—усмехнулся в ответ Котик.

— И я уверен, что ты вполне оправдаешь свое имя,—заявил Малыш.—Идемте,—обратился он к хозяевам.

Быть может, рев воды помешал им расслышать это приглашение?

Малыш и Котик побрели по колено в снегу к началу порогов и спустили лодку. Котик боролся между двумя настроениями. С одной стороны, он разделял страх своего товарища, а с другой—его подстегивало сознание, что Айзек Беллью и все остальные представители его рода не раз проделывали такие же вещи в своем победоносном наступлении на Запад. То, что делали они, мог сделать и он. Это было мясо—жесткое мясо, и Котик хорошо знал теперь, что съесть его сможет только сильный человек.

— Теперь твой черед держаться верхушки хребта,—крикнул Малыш, запихивая в рот табачную жвачку, когда лодка, подхваченная стремительным течением, подошла к порогам.

Котик кивнул головой, налег всей тяжестью на рулевое весло и направил лодку на гребень волны.

Несколько минут спустя, лежа на песчаной отмели ниже Белого Коня, Малыш выпустил струю табачного сока и пожал Котику руку.

— Мясо, мясо,—напевал он.—Мы едим его сырым! Мы едим его живым!

На берегу они встретили Брека. Жена его стояла немного поодаль. Котик пожал ему руку.

— Боюсь, что ваша лодка не справится тут. Она много меньше нашей и не очень-то устойчива.

Вместо ответа тот вытащил пачку банковых билетов.

— Я заплачу каждому из вас по сто долларов, если вы проведете ее.

Котик поглядел на вздымающуюся Гриву Белого Коня. Серые сумерки медленно окутывали берег, стало холоднее, и вся местность сразу приобрела дикий и мрачный вид.

— Дело не в этом,—сказал Малыш,—не нужно нам ваших денег. Мы до них и не дотронемся. Но мой товарищ дока насчет лодок, и если уж он говорит, что ваша не совсем безопасна, значит, так оно и есть.

Котик подтвердил это кивком головы, но в этот момент он случайно посмотрел на мистирис Брек. Взгляд ее выражал такую мольбу, какой ему еще ни разу не приходилось читать в глазах женщины. Малыш проследил за его глазами и увидел то же самое. Оба приятеля смущенно переглянулись и не произнесли ни слова. Побуждаемые одним и тем же чувством, они сделали друг другу знак и направились по тропинке, которая вела к началу порогов. Не успели они пройти и ста ярдов, как навстречу им попались Спрэг и Стайн, спускавшиеся вниз.

— Вы куда?—спросил Стайн.

— Провести еще одну лодку,—ответил Малыш.

— Не выдумывайте глупостей. Становится темно, и вы оба должны приготовить нам все для ночлега.

Отвращение Котика было так велико, что он даже не удостоил их ответом.

— Он везет с собой жену,—сказал Малыш.

— Это его дело,—возразил Стайн.

— А также мое и Смока,—заявил Малыш.

— Я запрещаю вам,—резко произнес Спрэг.—Смок, если вы сделаете еще один шаг, я рассчитаю вас.

— И я вас также, Малыш,—добавил Стайн.

— И отправитесь без нас ко всем чертям,—возразил Малыш.— Как вы доставите свою лодку, будь она проклята, в Даусон? Кто будет подавать вам в постель кофе и помогать вам чистить ноготки? Идем, Смок! Они не осмелятся рассчитать нас. Кроме того, у нас есть договор, и если они попробуют сделать это, мы заставим их кормить нас до весны.

Не успели они выплыть на середину течения, как волны начали захлестывать лодку Брека. Правда, волны были невелики, но они служили предвестником того, что ожидало их впереди. Малыш бросил насмешливый взгляд назад и принялся за свою неизменную жвачку, а Котик почувствовал, как в душе его закипает горячая нежность к этому толстому маленькому человечку, который, не

умея даже плавать, все же не желал отступать перед грозящей опасностью.

Пороги становились все круче, и вокруг них уже начала летать пена. В сгущающихся сумерках Котик увидел впереди Гриву и изогнутую линию устремлявшегося в нее течения. В это течение Котик направил лодку и почувствовал удовлетворение, когда нос ее врезался в самую середину Гривы. Затем все смешалось в бесконечных взлетах и ныряньях под ударами злобных хлестких волн. Котик вынес из этого хаоса лишь одно воспоминание: он налег всей своей тяжестью на рулевое весло—и пожалел, что дядя не может увидеть его в этот момент. Они выплыли, едва переводя дух, промокшие до костей и затопленные почти до планшира. Более легкая часть груза плавала на поверхности скопившейся в лодке воды. Несколькими осторожными взмахами весла Малыш отвел лодку от водоворота, и течение мягко пригнало ее к берегу. Мистрис Брек следила за ними сверху. Слезы градом катились по ее щекам.

— Вы должны взять деньги, ребята!—крикнул им вниз Брек.

Малыш попробовал подняться на ноги, но поскользнулся и шлепнулся в воду. Лодка сразу сильно накренилась и зачерпнула боком, но через минуту снова выпрямилась.

— К чертям деньги!—воскликнул Малыш.—Доставайте-ка лучше виски. Теперь, когда все это позади, я чувствую, что продрог до костей. Боюсь, что насморка не миновать.

V

Утром они, как всегда, оказались в самом хвосте отправлявшихся лодок. Брек, несмотря на неисправность своей посудины и на то, что команда его состояла только из жены и племянника, снялся со стоянки, нагрузил лодку и отчалил при первых проблесках зари. Но Стайн и Спрэг не торопились; эти молодчики, казалось, не понимали, что река может стать каждую минуту. Они фокусничали, притворялись больными и всячески мешали Котику и Малышу, увеличивая вдвое их работу.

— Честное слово, я начинаю терять уважение к природе, когда смотрю на эти два недоразумения в человеческом образе,—так выразил Малыш свое отвращение к хозяевам.

— Ну, зато ты самый настоящий человек,—усмехнулся в ответ Котик.—Чем больше я присматриваюсь к тебе, тем глубже становится мое уважение к природе.

— Пожалуй, в этом случае она, действительно, справилась недурно,—сказал Малыш, стараясь под остротой скрыть удовольствие, которое доставил ему комплимент товарища.

Путь лежал теперь через озеро Ле-Бардж, раскинувшееся перед ними на целых сорок миль. Там не было быстрых течений, и это расстояние им предстояло пройти на веслах: время попутного бриза миновало, и навстречу дул ледяной северный ветер. Он поднимал большие волны, которые затрудняли движение вперед. В довершение всех бед поднялась снежная метель, и весла стали так быстро покрываться ледяной корой, что одному из путников пришлось взяться за топорик и специально заняться скалыванием ледяных сосулек. Когда пришла очередь сесть на весла Спрэгу и Стайну, они покорились своей участи, но стали грести кое-как. Котик знал, что значит налегать всей тяжестью на весла, и хотя хозяева его делали вид, будто трудятся изо всех сил, он прекрасно понимал, что они едва задевают воду.

Проработав таким образом около трех часов, Спрэг поднял свое весло и заявил, что им необходимо вернуться обратно в устье реки и отдохнуть. Стайн поддержал его, и пройденные с таким трудом мили пропали даром. Такие же безрезультатные попытки повторились на второй и на третий день. В устье реки скопилось множество лодок, беспрерывно прибывавших со стороны Белого Коня, и из них образовалась целая флотилия в двести с лишним судов. Каждый день к ней присоединялось еще сорок или пятьдесят новых лодок, но только две или три из них добрались до северо-западного берега озера и не вернулись обратно. Быстрины начали постепенно покрываться льдом, который тонким пластом тянулся от одного водоворота к другому, образуя хрупкую ледяную цепь. Со дня на день можно было ждать полного ледостава.

— Мы, несомненно, добрались бы сегодня до того берега, будь с нами настоящие люди, а не эти лоботрясы,—сказал Котик товарищу на третий день вечером, когда они сушили у огня свои мокасины,—надо же им было поворачивать обратно. Еще час-другой, и мы пристали бы к западному берегу. Это... это просто слюнявые младенцы, право.

— Верно,—согласился Малыш. Он протянул к огню свой мокасин и погрузился в короткое раздумье.—Послушай, Смок! До Даусона еще несколько сот миль. Нужно придумать что-нибудь, если мы не хотим замерзнуть тут. Что ты скажешь?

Но Котик только выжидательно смотрел на него.

— В сущности, эти слюнтяи в наших руках,—продолжал Малыш.—Они, правда, могут приказывать нам и сорить деньгами, но все же они, действительно, не больше, чем сопляки. Если мы хотим добраться до Даусона, нужно будет самим позаботиться об этом.

Они обменялись многозначительным взглядом.

— Идет,—сказал Котик, скрепляя договор пожатием руки.

Под утро, задолго до восхода, Малыш подал сигнал к действию.

— Вставайте!—завопил он.—Шевелитесь вы, сони! Вот ваш кофе. Живо глотайте его! Мы сейчас трогаемся в путь.

Как ни ворчали и ни плакались Спрэг и Стайн, их все же заставили сесть в лодку на два часа раньше обычного. Ветер дул еще сильнее, чем накануне, и лица путников вскоре покрылись изморозью, а весла отяжелели от льда. Целых три часа все четверо выбивались из сил—один рубил лед, другой управлял рулем, а двое гребли. Через определенные промежутки они сменяли друг друга. Северо-западный берег казался уже совсем близко, но ледяной ветер задул еще сильнее, и Спрэг положил весло в знак того, что сдается. Малыш подскочил к нему, хотя отдых его еще только начался.

— Рубите лед,—сказал он, протягивая Спрэгу топорик.

— Но к чему это?—заскулил Спрэг.—Все равно ничего не выйдет. Нам придется вернуться.

— Нет, этого не будет,—ответил Малыш.—Мы пойдем вперед. Рубите, а когда вы почувствуете себя лучше, можете выругать меня.

Они прошли через адские муки холода и усталости, но все же добрались до берега; однако, он оказался сплошь загроможденным обломками скал и утесами, так что пристать не было никакой возможности.

— Говорил я вам, что так будет,—захныкал Спрэг.

— И словом не заикались,—возразил Малыш.

— Нужно вернуться.

Никто не произнес ни слова, и Котик направил лодку вдоль негостеприимного берега. Они подвигались вперед очень медленно, а временами два или три удара весел только-только давали им возможность удержаться на месте. Котик прилагал все старания, чтобы вдохнуть бодрость в малодушных молодых людей. Он указывал им на то, что лодки, добравшиеся до этого берега, не вернулись назад. Значит, лодки пристали где-нибудь повыше. Они проработали таким образом еще несколько часов.

— Если вы, ребята, приложите к веслам хоть часть той энергии, с которой вы набрасываетесь по утрам на свой кофе, дело будет в шляпе,—подбодрял их Малыш.—Ведь вы только возите весла по воде, а чтобы приналечь—так ни-ни.

Через несколько минут Спрэг вытащил свое весло.

— Я больше не могу,—сказал он, и в голосе его прозвучали слезы.

— Нам тоже не легко,—ответил Котик; он сам был близок к тому, чтобы заплакать или убить кого-нибудь.—Но мы все же будем работать, пока не доберемся до берега.

— Мы поедем назад. Поверните лодку.

— Малыш, если он не хочет грести, возьми у него весло,—приказал Котик.

— Есть,—отозвался тот,—пусть рубит лед.

Но Спрэг отказался передать ему весло. Стайн тоже перестал грести, и лодку начало относить назад.

— Поворачивайте, Смок,—приказал Спрэг.

И Котик, ни разу в жизни никого не обругавший, сам удивился своему азарту.

— Вы сперва отправитесь в ад ко всем чертям,—ответил он.—Ну, живо, берите весло и гребите.

В минуту полного упадка сил люди обычно сбрасывают с себя все навыки цивилизации. Такой именно момент наступил для всех четверых. Каждый из находившихся в лодке людей чувствовал, что дошел до последней крайности. Спрэг сдернул рукавицу, вытащил револьвер и направил его на рулевого. Для Котика это было совершенно новое ощущение. На него никогда еще не поднимали оружия, и теперь он, к своему удивлению, убедился, что вид смертоносного дула нисколько не действует на него: точно это была самая обыкновенная вещь в мире.

— Если вы не уберете револьвер,—сказал он,—я отниму его у вас и изобью вас этим самым револьвером.

— Если вы не повернете лодку, я застрелю вас,—пригрозил Спрэг.

Тут вмешался в дело Малыш. Он перестал рубить лед и стал позади Спрэга.

— А ну-ка, попробуй,—сказал Малыш, помахивая топориком.—У меня давно уже руки чешутся проломить вашу дурацкую башку. Ну, валяйте же, открывайте представление.

— Но это настоящий бунт!—вмешался Стайн.—Вас наняли, чтобы вы исполняли наши приказания.

Малыш повернулся к нему.

— А с вами я разделаюсь, когда покончу с вашим товарищем, жирная свинячья курица!

— Спрэг,—сказал Котик,—даю вам ровно полминуты, чтобы убрать револьвер и взяться за весло.

Спрэг заколебался, затем с истерическим смешком вложил револьвер в кобуру и согнулся над веслом.

В течение двух часов, отвоевывая дюйм за дюймом, они пробирались вдоль покрытых пеною скал, и Котика начинало уже мучить сомнение, не ошибся ли он. Но в ту минуту, когда он готов был признать себя побежденным и повернуть обратно, сбоку показался узкий проливчик—вход в защищенную бухту, где самые свирепые

ветры вызывали лишь легкую рябь. Это и была та гавань, в которой укрылись лодки, отправившиеся раньше. Котик направил лодку к пологому берегу и вместе с Малышом вытащил ее на песок, в то время как их хозяева в полной прострации лежали на дне ее. Затем оба приятеля развернули палатку, развели огонь и принялись за стряпню.

— Что значит «свинячья курица», Малыш?—спросил Котик.

— А будь я проклят, если я знаю,—последовал ответ.—Но к нему это очень пристало.

Метель постепенно стихала и ночью улеглась совсем. Морозный воздух был неподвижен; небо ясно и холодно. Чашка кофе, которую отставили, чтобы дать ей простыть, через несколько минут покрылась слоем льда в полдюйма толщиной. В восемь часов, когда Спрэг и Стайн уже спали мертвым сном, завернувшись в свои одеяла, Котик отправился взглянуть на лодку.

— Ледостав в полном ходу,—заявил он, вернувшись к стоянке.—Почти весь заливчик уже затянулся ледяной корой.

— Что же ты думаешь делать?

— Выход только один. Первым, разумеется, станет озеро. Благодаря быстрому течению, река еще несколько дней будет судоходной. Все лодки, которые останутся до завтра в озере Ле-Бардж, должны будут зазимовать здесь.

— Ты хочешь сказать, что нам нужно сегодня же ночью двинуться дальше? Сейчас?

Котик утвердительно кивнул головой.

— Эй вы, сони, шевелитесь,—загремел в ответ Малыш и, не долго думая, принялся срывать веревки, которыми палатка прикреплялась к колышкам.

Те проснулись, ворча и жалуясь на боль в затекших членах. Им мучительно хотелось спать, и они едва раздирали слипавшиеся глаза.

— Который час?—спросил Стайн.

— Половина девятого.

— Но ведь совсем темно,—возразил тот.

Малыш сорвал еще несколько веревок, и палатка начала оседать.

— Да не утра, а вечера,—сказал он.—Теперь вечер. Живо вставайте. Озеро замерзает. Нам нужно переправиться через него.

Стайн решительно сел. Лицо его перекосилось от раздражения.

— И пусть его замерзает. Мы не двинемся отсюда.

— Как хотите,—заявил Малыш.—В таком случае мы уедем на вашей лодке.

— Мы наняли вас...

— Чтобы доставить вас в Даусон,—прервал его Малыш.—Что же, разве мы не стараемся исполнить то, за что взялись?

Он подкрепил свой ядовитый вопрос тем, что сорвал половину палатки, приходившуюся как раз над головами хозяев.

Они проложили себе путь по тонкому льду и, выйдя из маленькой гавани, очутились в озере, где тяжелая и холодная вода замерзала на веслах при каждом взмахе. Скоро вся водная гладь покрылась салом, которое сильно затрудняло работу, и блестящие капли воды, скрывавшиеся при взмахах весел, еще в воздухе превращались в сверкающие льдинки. Затем поверхность озера затянулась тонкой корой, и лодка двигалась все медленнее и медленнее.

Впоследствии, когда Котик старался восстановить у себя в памяти эту ночь, и перед ним проходили отрывочные кошмарные воспоминания, он представлял себе, что должны были испытывать тогда Стайн и Спрэг, совершенно неприспособленные к таким жестоким испытаниям! О себе он помнил только одно: что он боролся с жестоким холодом и безмерной усталостью, боролся бесконечно долго, целое тысячелетие, а может быть, и дольше.

Утро застало их на середине озера; лодка стояла неподвижно. Стайн жаловался на отмороженные пальцы, Спрэг—на отмороженный нос; а боль в щеках и носу убеждала Котика, что и он не на шутку пострадал в этом предприятии. По мере того как заря разгоралась, взор их охватывал все большее пространство, и повсюду они видели только одно—беспредельную ледяную гладь. В ста ярдах от них вырисовывался северный берег. Малыш уверял, что видит там устье реки и текучую воду. Только он и Котик были еще в состоянии работать. Они разбивали веслами лед и с трудом двигали лодку вперед. И в тот момент, когда силы готовы были изменить им, судно вошло в быстрое течение реки. Оглянувшись назад, они увидели несколько лодок, всю ночь пробивавшихся по льду вслед за ними и теперь безнадежно застрявших на озере. Их же подхватило течение, и они понеслись вперед со скоростью шести миль в час.

VI

День за днем плыли они по быстрой реке, и день за днем полоса льда у берегов становилась все шире, приближаясь к середине реки. Устраиваясь на ночь, они прорубали во льду полынью для лодки и переносили все необходимое для стоянки на берег, который отделяли теперь от воды несколько сот ярдов льда. Утром же они прорубали лед, образовавшийся за ночь вокруг лодки, и снова

направлялись по течению. Малыш ухитрился поставить в лодке железную печурку, и Стайн и Спрэг не отрывались от нее в продолжение долгих томительных часов плавания. Они смирились, перестали отдавать приказания и мечтали только об одном—поскорее добраться до Даусона. Малыш, настроенный, как всегда, пессимистично, но неутомимый и бодрый, постоянно мурлыкал первый куплет песни, продолжение которой он позабыл. И чем холоднее становилось, тем чаще он напевал:

Как аргонавты в старину,
Покинули мы дом,
И мы бредем, тум-тум, тум-тум,
За золотым руном...

Проходя мимо устьев реки Хуталинквы и рек Большого и Малого Лососей, они увидели, что и эти несут в Юкон сало. Оно скоплялось вокруг лодки и налипало на весла. Теперь им приходилось прорубать лед по вечерам, чтобы выйти из течения, и наутро снова скалывать его, чтобы вывести лодку на середину реки.

В последнюю ночь они устроили стоянку между рекой Белой и Стьюарт. Проснувшись рано утром, они увидели, что широкий, в полмили, Юкон превратился в узкую белую ленту между обросшими льдом берегами. Малыш проклял вселенную—на этот раз без обычной изысканности—и посмотрел на Котика.

— Наша лодка, несомненно, будет последней из тех, что придут в Даусон,—сказал Котик.

— Но ведь воды совсем не видно, Смок.

— Что ж, придется проламывать лед. Идем!

Стайн и Спрэг тщетно пытались протестовать—их безжалостно водворили в лодку. В продолжение получаса Котик и Малыш, работая топорами, старались прорубить путь к быстрому, но надежному течению. Когда им удалось, наконец, выбраться из прибрежного льда, пловучие льдины прогнали лодку на несколько сот ярдов вдоль берега, сорвав при этом половину одного из планширов и произведя еще кое-какие повреждения. У нижнего края излучины они попали, наконец, в течение, которое понесло их к середине реки. Сало к тому времени успело уже смениться крепкими льдинами и сохранилось только в промежутках между отдельными глыбами льда. Однако, и там оно быстро твердело, превращаясь на их глазах в крепкую массу. Отталкивая льдины веслами и иногда вылезая на них, чтобы провести лодку, путники, проработав добрый час, вывели свое судно на середину реки. И через пять минут после этого лодка примерзла ко льду. Вся река останавливалась на ходу. Льдина примерзала ко льдине, и лодка, застряв посреди огромной

глыбы, поплыла вместе с ней. Подчас они шли боком, подчас их поворачивало кормой вперед, и тогда льдины расступались перед ними только для того, чтобы через минуту сомкнуться еще более плотной массой. Проходили томительные часы, а Малыш поддерживал в печке огонь, варил еду и мурлыкал свою неизменную боевую песенку.

Настала ночь. После долгих тщетных попыток они отказались от мысли привести лодку к берегу и, в состоянии полной беспомощности, отдались на волю реки, подвигаясь вперед в полной темноте.

— А что, если мы проедем мимо Даусона?—спросил Малыш.

— Что же, вернемся обратно,—ответил Котик,—если только нас не сотрет до тех пор в порошок.

Небо было чисто, и при свете холодных мигающих звезд они улавливали мрачные очертания гор, поднимавшихся с обеих сторон. В одиннадцать часов снизу донесся глухой скрипучий звук. Лодка стала постепенно замедлять ход, и льдины начали с треском налезать друг на друга, все теснее окружая ее. Река замерзла. Одна из льдин взгромоздилась на глыбу, в которой застряла их лодка, и снесла один из бортов. Судно не потонуло только потому, что его тут же задержали другие льдины, но на мгновение они все же увидели под собой, на расстоянии какого-нибудь фута, черную полосу воды. Однако, через полчаса река снова собралась с силами и тронулась. Целый час она мужественно сопротивлялась грозной мощи полярного холода, и обессилев, остановилась во второй раз. Затем еще раз ей удалось вырваться из оков мороза, и она с неистовым грохотом и треском понеслась вперед в диком стремительном беге. На этот раз они увидели огни на берегу, и в тот же момент река сдалась окончательно и стала на шесть месяцев.

В Даусоне на берегу собралось несколько любопытных, чтобы посмотреть, как замерзает река, и из темноты к ним донесся воинственный напев Малыша:

Как аргонавты в старину,
Покинули мы дом,
И мы бредем, тум-тум, тум-тум,
За золотым руном...

VII

В продолжение трех дней Котик и Малыш перетаскивали на берег полторы тонны снаряжения. Они складывали его в деревянной хижине, которую их хозяева купили на склоне горы, поднимавшейся над Даусоном. К вечеру третьего дня, когда работа была закончена, Спрэг, сидя в теплой хижине, подозвал к себе Котика. Снаружи градусник показывал шестьдесят пять ниже нуля.

— Ваш месяц еще не кончился, Смок,—сказал хозяин.—Но вот вам полностью ваше месячное жалованье. Желаю вам удачи.

— А как же наше условие?—спросил Котик.—Вы знаете, что здесь теперь голод. Человек, у которого нет своего продовольствия, не может получить работы даже на приисках. Ведь мы условились...

— Ни о каких условиях и речи не было,—перебил его Спрэг.—Не правда ли, Стайн? Мы наняли вас помесячно. Вот ваше жалованье. Напишите расписку в получении.

Руки Котика невольно сжались в кулаки, и кровь прилила к голове. Оба хозяина отскочили от него. До этой минуты Котик никогда не поднимал руки на человека, но тут он почувствовал, что способен превратить Спрэга в лепешку, и эта уверенность удержала его руку.

Малыш заметил волнение товарища и поспешил вмешаться.

— Послушай, Смок, я тоже не желаю больше путешествовать с таким поганым грузом. Теперь самое время бросить этих молодчиков. Давай работать вместе. Идет? Ну, забирай свои одеяла и валяй в «Элькгорн». Жди меня там. Я должен привести здесь в порядок свои дела: получить то, что мне причитается, и отдать то, что им причитается. На воде я мало чего стою, но когда под ногами твердая почва—Малыш в грязь лицом не ударит.

Через полчаса Малыш явился в «Элькгорн». По его окровавленным пальцам и расцарапанной щеке можно было смело заключить, что он отдал Спрэгу и Стайну то, что им причиталось.

— Эх, посмотрел бы ты теперь, что творится в их хижине,—с торжеством рассказывал он, стоя с Котиком у стойки бара.—Мало сказать, что там все вверх ногами. Пари держу, что ни один из них целую неделю не высунет на улицу нос. Наше дело теперь ясное. Продовольствие в среднем стоит сейчас полтора доллара фунт. Никакой работы нам не дадут, пока мы не обзаведемся собственным продовольствием. Лосиное мясо продается на рынке по два доллара за фунт, да и то его не достать. У нас достаточно денег, чтобы прокормиться месяц и приобрести все необходимое для охоты—давай-ка заберемся поглубже в бассейн Клондайка. Если нам не удастся встретить лосей, мы пристанем к индейцам и проживем зиму с ними. Но если через шесть недель у нас не будет пяти тысяч фунтов лосятины, я готов вернуться к нашим хозяевам и извиниться перед ними. Идет?

Они пожали друг другу руку. Но тут Котик замялся.

— Я ни чорта не смыслю в охоте,—сказал он.

Малыш поднял свой стакан.

— Зато ты знаешь толк в медвежатине; а всему остальному я тебя научу.

НА БАБИЙ РУЧЕЙ

I

Спустя два месяца Смок Беллью и Малыш, вернувшись с охоты на лосей, снова очутились в салуне [1]) «Элькгорн» в Даусоне. Охота была закончена, мясо доставлено в Даусон и продано по два с половиной доллара за фунт; оба приятеля, таким образом, оказались обладателями трех тысяч долларов в золотом песке и славной упряжки собак. Им очень повезло. Несмотря на то, что толпы золотоискателей загнали дичь за сотню миль в горы, им удалось на полупути от города подстрелить в узком ущелье четырех лосей.

Появление лосей в такой близости от жилья было так же удивительно, как и счастье наших охотников, ибо в тот же самый день Смок и Малыш встретили на пути четыре голодные индейские семьи, которым уже три дня не попадалось никакой дичи. Друзья дали им мяса за полумертвых от голода собак и в продолжение недели откармливали животных; затем запрягли их и повезли мясо на жадный рынок Даусона.

Теперь задача заключалась в том, чтобы превратить золотой песок в продовольствие. Фунт муки или бобов стоил на рынке полтора доллара, но и за эту цену трудно было найти желающего продать их. В Даусоне царил настоящий голод. Сотни людей, с деньгами, но без продовольствия, покидали страну. Многие отправились вниз по реке перед самым ледоставом, а еще больше золотоискателей, обладавших кое-какими жалкими запасами, прошли шестьсот миль по льду в Дайэ.

В жарко натопленном салуне Смок встретил Малыша. Тот ликовал.

— Жизнь ни чорта не стоит без виски и сластей!—с таким приветствием встретил товарища Малыш, срывая с подтаявших усов ледяные сосульки и бросая их на пол.—А я как раз раздобыл целых восемнадцать фунтов этих самых сластей. Дуралей продавец спросил всего по три доллара за фунт. А как идут твои дела?

---

[1]) Салун—бар, кабачок, гостиница.

— Я тоже не зевал,—ответил с гордостью Смок.—Мне удалось купить пятьдесят фунтов муки. А один человек с Адамова ручья пообещал доставить мне завтра еще пятьдесят.

— Славно! Теперь мы несомненно продержимся до тех пор, пока вскроется река. Послушай, Смок, наши-то псы, оказывается, просто клад. Скупщик собак предложил мне тысячу долларов за пять штук, по двести за каждую. Я сказал ему, что дело не пойдет. А все-таки сердце болит, когда скармливаешь псам пищу по два с половиной доллара за фунт. Ну-ка выпьем, товарищ. Я хочу вспрыснуть эти восемнадцать фунтов сластей.

Несколько минут спустя, когда отвешивали на весах из его мешка золотой песок за выпитое, Малыш вдруг хлопнул себя по лбу.

— Совсем из головы вон, что у меня назначено в «Тиволи» свиданье с одним человеком. У него есть испорченная свинина, которую он собирается продать мне по полтора доллара за фунт. Мы сможем кормить ею собак и съэкономим таким образом по доллару в день на каждой кормежке. Ну, до свидания, до скорого.

— До скорого,—ответил Смок.—Я загляну в хижину и вернусь сюда.

Не успел Малыш выйти, как в салун вошел закутанный в меха человек.

Лицо его просияло при виде Смока, это был Брек, тот самый золотоискатель, чью лодку они провели через ущелье Ящик и через пороги Белого Коня.

— Мне сказали, что вы в городе,—торопливо заговорил Брек, пожимая Смоку руку.—Я уже полчаса ищу вас повсюду. Выйдем на улицу, мне нужно поговорить с вами.

Смок кинул грустный взор на гудящую, раскаленную докрасна печь.

— А нельзя ли здесь?

— Нет. Это чрезвычайно важно. Идемте.

Когда они вышли, Смок снял одну из своих рукавиц, зажег спичку и посмотрел на градусник, висевший снаружи на дверях. Он поспешно сунул в варежку обнаженную руку, словно мороз обжег ее. Над головой пламенело северное сияние, а со всех концов Даусона доносился мрачный вой тысяч голодных волкодавов.

— Сколько он показывает?—спросил Брек.

— Шестьдесят [1]) ниже нуля.—Котик плюнул с целью произвести эксперимент, и слюна тотчас же замерзла в воздухе.—А ртуть и не думает останавливаться. Она падает все ниже и ниже. Час назад термометр показывал пятьдесят два. Если разговор будет о том, чтобы двинуться на новые прииски, то лучше молчите.

---

1) По Фаренгейту.

— Вот именно об этом,—прошептал Брек, боязливо оглядываясь, чтобы кто-нибудь не подслушал их.—Слыхали вы о Бабьем ручье? Он вливается в Юкон по ту сторону, на тридцать миль выше.

— Там нечего делать,—заявил Смок.—Его перерыли весь уже много лет назад.

— Но ведь то же самое было и с другими богатейшими ручьями. Поверьте мне. Это замечательное дело. Россыпи всего на глубине от восьми до двадцати футов. Там нет такого участка, в котором лежало бы меньше полумиллиона. Это—величайшая тайна. Два близких друга посвятили меня в это дело. Я сказал жене, что должен непременно разыскать вас, прежде чем двинуться в путь. Ну, до свиданья. Мое снаряжение спрятано на берегу. Дело в том, что друзья взяли с меня слово не трогаться в путь, пока весь Даусон не заснет крепким сном. Ведь вы знаете, что произойдет, если кто-нибудь увидит вас с снаряжением. Возьмите своего товарища и следуйте за нами. Можете занять четвертый или пятый участок от Пробного. Не забудьте же: Бабий ручей, это третий после Шведского ручья.

II

Войдя в маленькую хижину на склоне горы, Смок услышал громкий знакомый храп.

— А-у-у... ложись-ка, брат, спать,—пробормотал Малыш, когда товарищ начал трясти его за плечо.—Я сегодня не дежурный,—заявил он через минуту.—Обратись к буфетчику в баре.

— Живо напяливай свой мундир,—сказал Смок,—мы отправляемся сейчас же: нужно занять два участка.

Малыш сел и начал ругаться. Смок прикрыл ему рот рукой.

— Шш...—предостерег он,—это замечательное дело. Не буди соседей. Весь Даусон спит.

— Да уж разумеется. Разве бывают не замечательные дела! И, конечно, смертельная тайна. Удивительно, право, как все попадаются на одну и ту же удочку!

— Бабий ручей,—прошептал Смок.—Дело верное. Мне сообщил о нем Брек. Очень мелкое ложе. Золото залегает чуть не под ногами. Ну, шевелись же. Мы соберемся налегке и двинемся в путь.

Глаза Малыша закрылись, и он снова захрапел. В следующий момент Смок сдернул с него одеяло и бросил его на пол.

— Если ты не желаешь поддержать компанию, я ухожу один,—заявил он.

Малыш последовал за одеялом и начал одеваться.

— Собак возьмем?—спросил он.

— Нет. Дорога к ручью не протоптана, и мы быстрее справимся без них.

— В таком случае я задам им корму, чтобы хватило до нашего возвращения. Не забудь захватить с собой березовой коры и свечку.

Малыш открыл дверь и, почувствовав жало мороза, отскочил назад, поспешно опуская наушники и натягивая рукавицы.

Через пять минут он вернулся, изо всех сил растирая нос.

— Смок, я решительно против этой прогулки. На улице холоднее, чем было в преисподней за тысячу лет до того, как там развели первый огонь. Кроме того, сегодня пятница и тринадцатое число— все данные за то, что мы останемся с носом.

Привязав за спину легкие походные мешки, они закрыли за собой дверь и стали спускаться с холма. Северное сияние уже не играло на потемневшем небе, и только звезды мигали в застывшем воздухе, сбивая с пути своим неверным светом путников. Малыш свернул с тропинки, провалился в глубокий снег и начал громко ругаться, проклиная число, день, месяц и год, когда он решился на такое безумство.

— Перестань, пожалуйста, и оставь календарь в покое. Ты поднимешь на ноги весь Даусон и направишь его по нашим следам.

— Гм! А видишь свет вон в той хижине, и в той, и там дальше? А слышишь, как хлопнула дверь? О, разумеется, Даусон спит. Огни?—Просто люди хоронят своих покойников. Они и не думают отправляться за золотом, совсем забыли о нем.

Когда они спустились к подножью холма и вошли в самый город, во всех хижинах уже мелькали огни, повсюду хлопали двери, а сзади слышался скрип множества мокассинов по плотно утоптанному снегу. Малыш снова пустился в рассуждения:

— Чортовски много покойников в этом городе.

Они прошли мимо человека, стоявшего у края дороги. Он тревожно звал кого-то вполголоса: «Чарли, а Чарли? Да шевелись же ты!»

— Заметил ты мешок у него на спине, Смок? Кладбище-то, должно быть, здорово далеко, если провожающим приходится брать с собой одеяла.

Когда они вышли на главную улицу, за ними тянулся уже хвост в несколько сот человек, и, пробираясь при неверном свете звезд к берегу, они слышали со всех сторон топот человеческих ног, спешивших вслед за ними. Малыш поскользнулся и слетел с высоты тридцати футов в рыхлый снег. Смок последовал за ним, сбив его снова в тот момент, когда он поднимался на ноги.

— Я нашел первый,—фыркнул Малыш, снимая свои варежки, чтобы отряхнуть с них снег.

А через минуту они делали отчаянные усилия, чтобы выкарабкаться из-под груды тел, посыпавшихся на них сверху. Во время ледостава в этом месте образовался затор, и нагроможденные друг на друга льдины были теперь коварно прикрыты слоем снега. Перекувыркнувшись несколько раз, Смок зажег свечу. Люди, шедшие позади, приветствовали свет громкими криками. Свеча ярко горела в неподвижном воздухе, и путники пошли быстрее.

— Это несомненно поход за золотом,—решил Малыш,—если только все они не лунатики.

— Во всяком случае, мы во главе шествия,—ответил Смок.

— Ну, как знать? Вон там впереди, кажется, светлячок. А может, это все светлячки—вон там, и там, и там. Погляди-ка! Нет, уж поверь мне, дружище: впереди немало таких же умных, как мы.

Чтобы перебраться на западный берег Юкона, нужно было пройти целую милю по нагроможденным льдинам, и свечки мигающей цепью тянулись во всю длину извилистой тропинки. А позади, до самой вершины горы, с которой они только что спустились, мерцали такие же путеводные огоньки.

— Послушай, Смок, это уже настоящий «исход». Впереди нас, должно быть, добрая тысяча, а позади никак не меньше десяти. Послушай разок своего дядюшку, дружок, нюх у меня на этот счет замечательный. Уж если я почую неладное, так оно и будет. Мы напрасно впутались в эту историю. Повернем-ка домой и завалимся на боковую.

— Ты бы лучше поберег свои легкие, если собираешься дойти до конца,—грубо оборвал его Смок.

— Не беспокойся. Хотя ноги у меня короткие, но ходок я заправский и не боюсь никакой усталости. Будь уверен, что ни один из этих молодцов не обгонит меня на льду.

И Смок знал, что это правда; он успел убедиться в феноменальной выносливости своего товарища.

— А я нарочно стараюсь итти медленнее, чтобы ты не отстал,—поддразнил он Малыша.

— Вот потому-то я и наступаю тебе на пятки,—огрызнулся тот.—Если ты не можешь итти быстрее, так пусти меня вперед,—я, пожалуй, поучу тебя, как это делается.

Смок ускорил шаг и вскоре поровнялся с кучкой золотоискателей.

— Ну-ка, Смок, разведи пары,—поощрял его товарищ.—Обгони-ка этих непогребенных покойников. Тут тебе, брат, не похороны. Живо! Чтобы в ушах засвистело!

Смок насчитал в этой группе восемь мужчин и двух женщин; не успели товарищи перебраться через нагроможденные льдины, как обогнали другую партию в двадцать рослых мужчин. На расстоянии

нескольких футов от западного берега тропа сворачивала к югу и тянулась дальше по гладкому ледяному полю. Лед, однако, был покрыт слоем снега в несколько футов толщиной. Этот великолепный санный путь перерезала узкая лента утоптанной пешеходами тропинки шириною в два фута. По обеим сторонам ее поднимались снежные сугробы, в которых люди тонули по колено, а то и выше. Пешеходы, которые шли впереди, очень неохотно уступали дорогу, и Смоку с товарищем часто приходилось сворачивать в глубокий снег и с величайшим трудом обходить их.

Настроение Малыша оставалось мрачным и непримиримым. Когда золотоискатели бранились, не желая пропускать их вперед, он отвечал им в том же духе.

— Куда это вы торопитесь?—спросил один из них.

— Туда же, куда и вы,—ответил Малыш.—Только не везет вам. Вчера туда прошла целая орава золотоискателей с Индейской реки. Они доберутся раньше вашего и не оставят вам ни одного свободного участка.

— Если так, то чего же вы порете горячку?

— Кто? Я? Я не золотоискатель. Я по казенному делу,—правительство послало, вот и тащусь на этот проклятый Бабий ручей, чтобы произвести перепись.

Другой весело приветствовал Малыша:

— Эй, Малыш, куда собрался? Неужели ты и впрямь надеешься занять участок?

— Я?—ответил Малыш.—Я-то и открыл Бабий ручей. Теперь я сделал заявку и возвращаюсь обратно, чтобы какой-нибудь проклятый чечако не зажилил мой участок.

В среднем, идя по ровному месту, золотоискатели проходили в час три с половиной мили. Но Смок и Малыш делали по четыре с половиной, а временами пускались бегом и подвигались еще быстрее.

— Я решил совсем загнать тебя, Малыш,—поддразнивал товарища Смок.

— Что же, посмотрим—кто кого. Боюсь, как бы твои мокассины не протерлись раньше времени. Хотя, сказать правду, торопиться-то не для чего. Я вот всю думаю. Каждая заявка на ручье должна иметь не меньше пятисот футов. Скажем, по десять участков на милю. Впереди нас тысячи золотоискателей, а речонка длиною не больше ста миль. Кому-нибудь придется получить шиш, и мне почему-то кажется, что это будем мы с тобой.

Прежде чем ответить, Смок вдруг прибавил шагу и опередил Малыша на десяток футов.

— Если бы ты поберег дыхание и перестал скулить, мы, пожалуй, обогнали бы кое-кого из этой тысячи,—заявил он.

— Кому ты говоришь это?—Мне? Да если бы ты пустил меня вперед, я давно показал бы тебе, что значит настоящая ходьба.

Смок рассмеялся и снова опередил товарища. Все это приключение представлялось ему теперь в совершенно ином свете. В голове его вертелась фраза безумного философа: «переоценка ценностей». В сущности, его не столько интересовал в этот момент вопрос о богатстве, сколько желание во что бы то ни стало победить Малыша в ходьбе. «В общем,—рассуждал он,—не так привлекателен выигрыш, как самый процесс игры». Его мозг, мускулы, выдержка, его душа принимали участие в этом состязании с Малышом,—человеком, который никогда не заглядывал в книгу, не мог отличить оперы от легкой салонной пьесы или эпоса от газетного фельетона.

— Берегись, Малыш, не сдобровать тебе. С тех пор, как я высадился на берег Дайэ, все клеточки моего организма просто переродились. Теперь мои мускулы гибки, как ремни бича, коварны и жестоки, как жало гремучей змеи. Всего несколько месяцев назад я с удовольствием написал бы эти слова, но тогда они не пришли бы мне в голову. Для этого нужно было сначала вжиться в них; а теперь, когда они сделались реальностью, я не чувствую никакой потребности изображать их на бумаге. Теперь я настоящий человек, закаленный, прожженный до мозга костей. Пусть-ка попробует кто-нибудь из этих чортовых горцев задеть меня—я ему вдвое насыплю. Ну, а теперь—ступай-ка ты вперед на полчасика и покажи свою прыть, а когда настанет мой черед, я покажу тебе, что значит итти быстро.

— Послушай-ка его,—весело усмехнулся Малыш.—С кем ты состязаться-то вздумал? Ну-ка, пропусти своего папашу, сынок,—он покажет тебе, как ходят мужчины.

Через каждые полчаса они сменяли друг друга, по очереди устанавливая рекорд скорости. Говорили они мало. Быстрота движения согревала их, хотя дыхание замерзало у них на лицах, покрывая инеем губы и подбородок. Мороз был так силен, что им почти беспрерывно приходилось растирать варежками нос и щеки. Как только они опускали руки, открытые части лица тотчас же немели, и требовалась удвоенная энергия, чтобы вызвать острое покалывание—признак восстанавливающегося кровообращения.

Часто приятелям казалось, что впереди уже никого нет, но всякий раз они натыкались на новые партии золотоискателей, вышедших из Даусона значительно раньше. Случалось, что некоторые из них делали попытку итти в ногу со Смоком и его товарищем, но, пройдя одну-две мили, неизменно отставали и исчезали в темноте.

— Мы с тобой немало постранствовали нынешней зимой, а эти неженки отлежали себе все бока в теплых хижинах, да туда же

думают угнаться за нами. Если бы еще это были настоящие мужчины! Ведь настоящий мужчина прежде всего должен быть силен в ходьбе.

Раз как-то Смок зажег спичку и взглянул на часы. Больше он не повторял этого; как ни быстро было движение его обнаженных рук, прошло целых полчаса прежде, чем ему удалось привести их в нормальное состояние.

— Четыре часа,—сказал он, натягивая рукавицу,—а мы обогнали уже человек триста.

— Триста тридцать восемь,—поправил Малыш.—Я считаю все время. Эй, приятель, пропусти-ка. Дай пройти тому, кто смыслит в этом деле побольше твоего.

Человек, к которому относились эти слова, был, повидимому, измучен до крайности и, спотыкаясь, тащился по дороге, загораживая им путь. Этот да еще один такой же путник были единственными выбитыми из строя, которые попались им на пути; теперь они были очень близко от головной части потока золотоискателей.

Только спустя много дней они узнали о всех ужасах этой ночи. Выбившиеся из сил люди присаживались отдохнуть на краю дороги и уже больше не вставали. Семеро замерзли окончательно, а нескольким десяткам выживших ампутировали в Даусоновской больнице пальцы, ступни и руки. Ночь великого похода на Бабий ручей была одной из самых холодных в ту зиму. Перед рассветом спиртовые градусники в Даусоне показывали семьдесят ниже нуля, а люди, участвовавшие в «походе», были, за малыми исключениями, новички, не привыкшие к таким холодам.

Второго выбитого из строя человека они заметили несколько минут спустя, при вспышке северного сияния, которое, подобно прожектору, прорезывало по временам небо от горизонта до зенита. Человек этот сидел у дороги на глыбе льда.

— Эй, тетка, вставай!—весело окликнул его Малыш.—Ну-ка, поживее! Если будешь этак присаживаться, мороз живо скрутит тебя.

Человек ничего не ответил, и они остановились, чтобы узнать, что с ним.

— Тверд как кочерга,—заявил Малыш.—Если уронить его—разобьется вдребезги.

— Посмотри, дышит ли он?—сказал Смок, стараясь в то же время прощупать сквозь мех и шерстяные фуфайки сердце несчастного.

Малыш поднял один из наушников и приложил ухо к заледеневшим губам.

— Не дышит,—доложил он.

— И сердце не бьется,—сказал Смок.

Он надел рукавицы и начал с ожесточением бить одну руку о другую. Согрев руки, он опять снял рукавицу и зажег спичку. Перед ними был старик, без всякого сомнения—мертвый. В тот момент, когда спичка вспыхнула, они увидели длинную седую бороду, покрытую до самого носа ледяными сосульками, побелевшие щеки и плотно закрытые глаза с бахромой инея на месте ресниц. Спичка погасла.

— Ну, идем,—сказал Малыш, растирая ухо.—Мы ничего не можем сделать для старика. А я, кажется, отморозил себе ухо. Теперь вся кожа, чтоб ей провалиться, начнет слезать, и целую неделю будет чертовская боль.

Через несколько минут, когда пылающая лента северного сияния залила огнем все небо, они увидели впереди себя на расстоянии четверти мили две человеческие фигуры. Дальше на целую милю не было заметно никакого движения.

— Это и есть самые главари,—сказал Малыш, когда снова воцарилась темнота.—Ну-ка, брат, догоняй их.

Но прошло полчаса, а фигуры все еще были впереди. Малыш пустился бегом.

— Если мы и догоним их, то перегнать уж, во всяком случае, не удастся,—задыхаясь произнес он.—Ну, и жарят же, чорт бы их побрал. Голову дам наотрез, что это не чечако. Будь уверен, что это самые настоящие старожилы.

Когда друзья, наконец, нагнали их, Смок оказался как раз впереди и с удовольствием пошел с ними в ногу. Почти немедленно у него явилась уверенность, что человек, идущий рядом с ним,—женщина. Он сам не мог бы сказать, откуда явилась у него эта уверенность. Закутанная в меха, темная фигура ничем не отличалась от всех других; однако, Смоку почудилось в ней что-то знакомое. Он подождал следующей вспышки сияния и при свете его разглядел маленькие, обутые в мокассины ноги. Но он увидел еще больше—походку. И тотчас же узнал ту самую походку, которую решил однажды никогда не забывать.

— Ну и шагает же,—хриплым голосом произнес Малыш.—Держу пари, что это индианка.

— Как поживаете, мисс Гастелль?—спросил Смок.

— Благодарю вас,—ответила она, быстро повернув голову и окидывая его недоумевающим взглядом.—Слишком темно, я ничего не вижу. А вы кто?

— Смок.

Она рассмеялась на морозном воздухе, и он тотчас же решил, что никогда не слышал такого очаровательного смеха.

— Ну, что же, женились вы, как обещали мне тогда? Много ли успели наплодить ребят?

Но прежде чем он собрался ответить, она спросила:

— Сколько там чечако позади нас?

— Должно быть, несколько тысяч. Мы обогнали больше трехсот, и они здорово торопились.

— Старая история,—ответила она с горечью.—Новички забирают себе богатейшие участки, а старожилы, которые явились в эту страну первыми, страдали здесь и мучились, остаются не при чем. Это старожилы открыли Бабий ручей (как пронюхали об этом чечако, совершенно непонятно!) и сейчас же дали знать старожилам с Львиного озера. Но озеро это находится в десяти милях от Даусона, и пока те доберутся до ручья, все будет уже занято даусоновскими чечако. Такая несправедливость возмущает меня.

— Да, очень плохо,—посочувствовал ей Смок.—Но будь я проклят, если знаю, как вы можете помешать этому. Кто первый пришел, тот первый и взял.

— Я была бы очень счастлива, если бы могла чем-нибудь помочь тут,—горячо отозвалась мисс Гастелль.—Пусть бы они все замерзли в дороге! О, как бы я хотела, чтобы их задержало какое-нибудь ужасное происшествие, пока старожилы с Львиного озера не доберутся до ручья!

— У вас, видно, против нас здоровый зуб?—рассмеялся Смок.

— Не в этом дело,—быстро ответила она.—Я знаю каждого из обитателей Львиного озера и могу сказать, что это настоящие мужчины. Они голодали в этой стране и работали как титаны, чтобы сделать жизнь в ней мало-мальски сносной. Я пережила вместе с ними тяжелые дни на Койокуке, когда была еще девочкой; пережила голодовку на Березовом ручье и на Сороковой Миле. Это настоящие герои, и они имеют право на награду, а между тем тысячи зеленых молокососов оказываются теперь на много миль впереди них. Ну, я умолкаю. Нужно беречь дыхание, потому что вы и ваша компания того и гляди обгоните отца и меня.

В течение часа Джой и Смок не обменялись ни единым словом. Девушка о чем-то переговаривалась с отцом вполголоса.

— Теперь я узнал их,—сказал Малыш Смоку.—Это старый Луи Гастелль, молодчина хоть куда. А девушка, должно быть, его дочка. Он пришел в эту страну так давно, что никто и не помнит точно, когда это было, и привез с собой девочку, тогда она была совсем крошкой. Они с Бэттлсом работали вместе и пустили первый маленький пароходишко по Койокуку.

— Знаешь что, не стоит обгонять их,—сказал Смок,—мы и так впереди всех, а нас только четверо.

Малыш согласился, и в продолжение часа они быстро подвигались вперед в полном молчании. В семь часов северное сияние в последний раз прорезало темноту, и они увидели на западе широкий проход между покрытыми снегом горами.

— Бабий ручей!—воскликнула Джой.

— Ну и молодцы же мы,—ликовал Малыш.—По моему расчету, нам, по крайней мере, нужно было итти еще добрых полчаса. Здорово, видно, я растянул себе ноги.

Как раз в этом месте дорога из Дайэ, заваленная нагромоздившимися друг на друга льдинами, круто сворачивала через Юкон к восточному берегу, и с хорошо укатанной главной тропы они перебрались через затор льдин на узкую, слегка намеченную тропинку вдоль западного берега.

Луи Гастелль, указывавший путь, споткнулся в темноте о льдину и опустился на снег, ухватившись обеими руками за лодыжку. Он с трудом поднялся на ноги и попробовал двинуться дальше, но шаг его сильно замедлился, и он стал заметно прихрамывать. Через несколько минут он остановился.

— Все равно ничего не выйдет,—сказал он дочери.—Я растянул себе сухожилие. Иди вперед и займи участки для себя и для меня.

— Не можем ли мы чем-нибудь помочь вам?—спросил Смок.

Луи Гастелль покачал головой.

— Ей все равно, сделать ли одну заявку или две. А я доползу до берега, разведу огонь и перевяжу лодыжку. Не беспокойтесь обо мне. Иди, Джой. Займи для нас участки повыше Пробного. Чем выше по реке, тем богаче россыпи.

— Вот вам немного березовой коры,—сказал Смок, разделив свой запас поровну.—Мы позаботимся о вашей дочери.

Луи Гастелль рассмеялся хриплым смехом.

— Благодарю вас,—сказал он.—Но она и сама может позаботиться о себе. Идите за ней следом и не упускайте ее из виду.

— Вы ничего не будете иметь против, если я пойду вперед?—спросила Джой Смока.—Ведь я знаю эту местность лучше вас.

— Ведите,—галантно ответил Смок.—Хотя я совершенно согласен с вами, что нам, чечако, не следовало бы обгонять компанию с Львиного озера. Это просто возмутительно. Нельзя ли нам как-нибудь отделаться от этих даусоновских молодцов?

Она покачала головой.

— Не можем же мы скрыть свои следы,—сказала девушка,—а они обязательно пойдут за нами, как стадо баранов.

Пройдя с четверть мили, Джой вдруг круто повернула на запад, и Смок заметил, что они идут по девственному снегу. Однако, ни он,

ни Малыш не обратили внимания на то, что узкая тропинка, по которой они шли до сих пор, вела дальше к югу. Если бы они могли видеть, что делал в этот момент Луи Гастелль, история Клондайка, пожалуй, была бы написана иначе: они увидели бы, как этот старожил, сразу перестав хромать, побежал следом за ними, точно гончая собака; увидели бы, как он принялся расширять и утаптывать тропинку, которую они проложили, свернув на запад, и, наконец, помчался дальше по прежней узкой тропинке, направлявшейся к югу. Но ничего этого они не видели, а потому продолжали спокойно итти следом за Джой. Тропинка к ручью была едва намечена, и путники то и дело теряли ее в темноте. После четверти часа блуждания по снегу Джой Гастелль выразила желание итти сзади и предоставила мужчинам прокладывать дорогу. Задержка передовых позволила всей остальной массе золотоискателей нагнать их, и когда часам к девяти рассвело, они увидели за собой, насколько хватал глаз, бесконечную вереницу людей. При этом зрелище темные глаза Джой засверкали.

— Сколько времени прошло с тех пор, как мы пробираемся к ручью?—спросила она.

— Не меньше двух часов,—ответил Смок.

— Да два часа назад, вот вам и все четыре,—рассмеялась она.—Мои друзья с Львиного озера спасены.

Смутное подозрение пронеслось в голове Смока. Он остановился и посмотрел ей прямо в лицо.

— Я не понимаю,—сказал он.

— Не понимаете? Ну, так я объясню вам. Это—Норвежский ручей. Бабий ручей дальше, к югу.

Смок на минуту онемел.

— Вы сделали это нарочно?—спросил Малыш.

— Я сделала это, чтобы выручить старожилов.

Она презрительно рассмеялась. Мужчины поглядели друг на друга и подошли к девушке.

— Знаете, я с удовольствием перегнул бы вас, как ребенка, через колено да хорошенько нашлепал,—заявил Малыш,—если б здесь, в этой чортовой стране, не были так редки женщины!

— Значит, ваш отец не растянул себе сухожилия, а просто подождал, чтоб мы скрылись из виду, и двинулся дальше?—спросил Смок.

Она кивнула утвердительно.

— А вы сыграли роль приманки?

Она снова кивнула, и на этот раз смех Смока прозвучал вполне искренно и звонко. Это был неудержимый смех мужчины, откровенно признающего себя побежденным.

— Почему вы не сердитесь на меня?—спросила она жалобно.— Или... или... почему вы не побьете меня?

— Ну-с, надо, значит, поворачивать обратно,—сказал Малыш.— Этак того и гляди ноги отморозишь.

Смок покачал головой.

— Итти обратно, значит потерять четыре часа. Мы, должно быть, прошли восемь миль по этому ручью, а он сильно уклоняется к югу. Мы пойдем вдоль Норвежского ручья, затем проберемся через водораздел и выйдем на Бабий ручей где-нибудь повыше Пробного участка.—Он взглянул на Джой.—Не хотите ли пойти с нами? Я обещал вашему отцу присмотреть за вами.

— Я...—она колебалась,—я могу пойти с вами, если вы ничего не имеете против.—Она смотрела прямо в глаза Смоку, и на лице ее уже не было прежнего выражения вызова и насмешки.— Право, мистер Смок, я почти жалею о том, что сделала. Но нужно же было кому-нибудь выручить старожилов.

— Мне кажется, что золотоискательство—своего рода спорт.

— А мне кажется, что вы прекрасно приспособлены к этому спорту,—сказала она; затем прибавила с легким вздохом:—Как жаль, что вы не старожилы!

Два часа они пробирались вдоль замерзшего ложа Норвежского ручья, затем свернули в узкий извилистый приток его, сворачивавший к югу. В полдень они начали подниматься в гору, чтобы перебраться через водораздел. Позади себя они видели длинную темную линию золотоискателей, направлявшихся по их следам. Там и сям поднимались тонкие струйки дыма, указывавшие на то, что усталые путники делают привал.

Для них путь был особенно тяжел. Они то и дело проваливались по пояс в снег и очень часто останавливались, чтобы перевести дух. Малыш первый взмолился об отдыхе.

— Мы уже двенадцать часов в пути, Смок,—сказал он,—и я должен признаться, что здорово устал, да и ты также, я уверен. Но если мы с тобой еще и можем кое-как ползти дальше, то эта бедная девушка несомненно свалится с ног, если не подкрепится чем-нибудь. Давайте разложим здесь костер. Что вы на это скажете?

Они быстро, ловко и умело разбили лагерь, и Джой, следившая за ними недоверчивым взглядом, должна была признаться в душе, что старожилы не могли бы сделать этого лучше. Смок и Малыш натянули одеяла на сосновые ветви и соорудили палатку, в которой можно было отдохнуть и приготовить еду. Однако, сами они старались держаться подальше от огня, пока не растерли основательно свои щеки и носы.

Смок плюнул в воздух, и тотчас же вслед за этим раздался отчетливый и звонкий стук упавшей льдинки.

— Должен признаться,—сказал Смок, покачав головой,—что никогда еще не видел такого мороза.

— Однажды зимой на Койокуке мороз дошел до восьмидесяти шести градусов,—ответила Джой.—Теперь, должно быть, не меньше семидесяти или семидесяти пяти, и я чувствую, что отморозила себе щеки. Они горят, как на огне.

На крутом спуске горы совсем не было льду; поэтому они положили в таз для промывки золота немного твердого чистого кристаллического снега, напоминавшего сахар-рафинад, и растопили его на огне, раздобыв таким образом воду для кофе. Смок поджаривал грудинку и грел сухари у огня, Малыш подбрасывал в огонь ветки, а Джой расставляла столовые приборы; появились из мешка две тарелки, две чашки, две ложки, жестянка, в которой были смешаны соль и перец, и жестянка с сахаром. Третьего прибора не было, и она села рядом со Смоком. Они ели из одной тарелки и пили из одной чашки.

Было почти два часа, когда они перевалили, наконец, через хребет и начали спускаться к Бабьему ручью. Еще раньше, зимой, какой-то охотник на лосей проложил тропу по узкому ущелью—отправляясь на охоту и возвращаясь обратно, он, повидимому, всегда ступал по своим же следам. В результате под слоем выпавшего позднее снега образовалась линия неровных бугров. Всякий раз, как ноги их попадали между буграми, они проваливались в снег и нередко падали. К несчастью, охотник на лосей обладал, повидимому, необыкновенно длинными ногами, и им было нелегко итти по его следам. Джой, которая горячо желала теперь помочь своим спутникам и боялась, что они нарочно замедляют ход, не желая слишком утомлять ее, пошла впереди. Быстрота и ловкость, с которой она ловила коварные следы охотника, вызвали неподдельный восторг Малыша.

— Посмотри-ка на нее!—воскликнул он.—Ну и молодчина! Уж она наверное ела медвежатину. Посмотри, как скользят ее мокассины. Это тебе не высокие каблуки. Ноги ей хорошо служат. Вот настоящая жена для медвежатника.

Она обернулась и посмотрела на него с улыбкой, которая предназначалась отчасти и для Смока: улыбка была простая, товарищеская, но Смок ясно почувствовал, что в ней было и много женского.

Дойдя до Бабьего ручья, они оглянулись назад и увидели длинную прерывистую линию золотоискателей, которые с трудом спускались по склону. Джой Гастелль и ее спутники спустились к ложу ручья, промерзшего до самого дна. Ручей, двадцати-тридцати

футов ширины, тянулся между илистыми наносными берегами от шести до восьми футов вышины. Ничья нога не ступала еще по девственному снегу, который покрывал его лед, и они сообразили, что вышли немного выше Пробного участка и заявок, занятых старожилами с Львиного озера.

— Берегитесь родников,—предостерегающе крикнула Джой, когда Смок повел их вниз по ручью.—При семидесятиградусном морозе вы останетесь без ног, если провалитесь в один из них.

Такие родники часто встречаются в клондайкских реках и никогда не замерзают. Вода стекает с берегов и скопляется небольшими лужицами, которые защищаются от холода замерзшей поверхностью ручья и выпавшим снегом. Вот почему человек, ступающий по сухому снегу, может легко продавить кору льда в полдюйма толщины и провалиться по колено в воду. Если в течение пяти минут он не сумеет стащить промокшие мокассины, то останется без ног.

Было три часа пополудни, но долгие серые полярные сумерки уже начали окутывать землю. Путники искали глазами на берегах дерева с отметкой, которая указала бы им, где сделана последняя заявка. Джой, искавшая ее с особенным волнением, первая заметила зарубку. Она бросилась вперед и крикнула Смоку:

— Кто-то уже был здесь. Поглядите на снег! Посмотрите на зарубку! Вот она! Вот на этой сосне!

И в этот момент она по пояс провалилась в снег.

— Вот и я попалась!—жалобно произнесла она. Затем воскликнула:—Не подходите ко мне, я сама выберусь!

Шаг за шагом, то и дело проваливаясь через тонкий лед, скрытый под сухим снегом, она прокладывала себе путь к твердой почве. Смок не стал ждать. Он бросился к берегу, где лежали сухие ветви и сучья, вынесенные на берег во время весенних разливов. Это был готовый костер, который только ждал спички. К тому времени, как Джой добралась до него, первые языки пламени уже поднимались в воздух.

— Садитесь,—приказал Смок.

Она послушно опустилась на снег. Он сбросил со спины свой мешок и разостлал под ее ногами одеяло.

Сверху раздавались голоса искателей, следовавших за ними.

— Пусть Малыш сделает заявку,—торопила Джой.

— Иди, Малыш,—сказал Смок, принимаясь за ее мокассины, уже покрывшиеся льдом.—Отмерь тысячу футов и поставь в центре два заявочных столба. Угловые мы поставим позже.

Смок разрезал ножом шнурки и кожу мокассинов. Они успели так сильно промерзнуть, что визжали и скрипели под ножом. Сивашские носки и толстые шерстяные чулки превратились в

ледяную кору. Казалось, будто ступни и икры девушки вложены в железный футляр.

— Ну, как ноги?—спросил он, продолжая работать.

— Совсем онемели. Я не чувствую пальцев и не могу шевельнуть ими. Но все сойдет прекрасно. Огонь великолепный. Смотрите, как бы вы еще не отморозили себе руки. Судя по вашим движениям, мне кажется, что они уже онемели.

Смок надел варежки и в течение нескольких минут с ожесточением хлопал себя по бедрам. Почувствовав, что кровообращение восстановилось, он снова снял рукавицы и принялся резать, рвать и пилить промерзшую обувь. Наконец, показалась белая кожа одной ноги, затем другой, и обе они были выставлены теперь на семидесятиградусный мороз, что соответствует ста двум градусам ниже точки замерзания по Фаренгейту.

Затем Смок принялся растирать ей ноги снегом с таким неистовым усердием, что Джой скоро зашевелила пальцами и радостно пожаловалась на боль.

Он почти дотащил ее до огня и положил ее ноги на одеяла, как можно ближе к спасительному теплу.

— Теперь вам придется самой заняться ими на минутку,—сказал он.

Она сняла рукавицы и начала растирать ноги, следя за тем, чтобы огонь лишь постепенно согревал ее замерзшее тело. Тем временем Смок занялся собственными руками; снег уже не таял на них, и его светлые кристаллы рассыпались по коже точно песок. Очень медленно восстанавливалось в замерзшем теле кровообращение. Согрев, наконец, руки, Смок поправил огонь, снял легкую котомку со спины Джой и достал оттуда все, что нужно для того, чтобы обуться.

Малыш вернулся, наконец, по ложу ручья и поднялся к ним по крутому берегу.

— Будьте спокойны, я отмерил полных тысячу футов,—заявил он.—Номер двадцать седьмой и двадцать восьмой. Хотя, нужно вам сказать, не успел я еще забить верхний столбик двадцать седьмого номера, как столкнулся с первым молодцом из тех, что шли сзади. Он заявил мне, что он не даст мне занять двадцать восьмой номер. Тогда я сказал ему...

— Ну, ну!—воскликнула Джой.—Что же вы ему сказали?

— Я так прямо и заявил ему, что если он не попятится сейчас же на все пятьсот футов, то я превращу его отмороженный нос в сливочное мороженое и шоколадные эклеры. Он предпочел немного попятиться, и я поставил заявочные столбы на двух полных, честно отмеренных участках вдоль ручья, по пятьсот футов каждый. Он занял следующий участок, и я полагаю, что теперь вся эта

компания уже разделала Бабий ручей до устья и даже тот берег. Но наше дело верное. Сейчас слишком темно, но завтра утром мы сможем поставить угловые столбы.

III

Проснувшись, они убедились, что за ночь сильно потеплело. Малыш и Смок, еще не вылезая из-под своего общего одеяла, определили температуру в двадцать градусов ниже нуля. Мороз сдал. На их одеялах лежал слой снежных кристаллов в шесть дюймов толщины.

— С добрым утром! Как ваша нога?—спросил Смок, смотря через остатки костра на Джой Гастелль, которая, сидя в своих спальных мехах, стряхивала с себя снег.

Малыш развел костер и принес льду с ручья, а Смок принялся готовить завтрак. Когда они покончили с едой, взошло солнце.

— Пойди-ка поставь угловые столбы, Смок,—сказал Малыш.— В том месте, где я нарубил льду, есть песок, и я хочу растопить в нашем тазу воды и промыть, на счастье, немного песку.

Смок отправился, захватив топор, чтобы вырубить колышки. Начав с нижнего (по течению) центрального столба на участке «номер двадцать семь», он направился под прямым углом по узкой долине к краю участка. Он проделывал все это методически, почти машинально: мысли его были полны воспоминаний об истекшей ночи, ему почему-то казалось, что он приобрел власть над нежными линиями и твердыми мускулами этих ножек, которые он растирал снегом, и эта власть как будто распространялась и на всю женщину. Чувство обладания наполняло его каким-то неясным сладостным ощущением. Ему казалось, что теперь остается только подойти к Джой Гастелль, взять ее за руку и сказать: «Идем!»

Среди этих мыслей он наткнулся вдруг на нечто, заставившее его забыть о власти над белыми ножками. Он не поставил углового столба у края долины. Он даже не дошел до ее края, ибо наткнулся на другой ручей. Смок приметил сломанную иву и большую, бросающуюся в глаза одинокую сосну. Затем снова вернулся к ручью, где стояли центральные заявочные столбы. Он пошел берегом ручья, изогнутого в виде лошадиной подковы, и убедился в том, что тут не два ручья, а один. Затем он дважды пробрался по снегу от одного края долины до другого, в первый раз начав от нижнего столба «номера двадцать седьмого», а во второй раз от верхнего столба «номера двадцать восьмого», и убедился окончательно, что *верхний столб последнего участка находится ниже нижнего столба первого*. В сумеречной полутьме Малыш занял оба участка

на излучине ручья в виде подковы, врезывающейся глубоко в долину.

Смок уныло побрел обратно к маленькой стоянке. Малыш, кончивший промывку песка, встретил его восторженными восклицаниями.

— Вот оно!—крикнул он, протягивая товарищу таз.—Вот, посмотри. Золото, чистое золото. Здесь двести долларов, ни на цент меньше. Оно так и валяется на самой поверхности. Я видел кое-что на своем веку, но никогда в жизни не встречал еще такого богатства.

Смок бросил равнодушный взгляд на золото, налил себе чашку кофе и присел у огня. Джой почувствовала что-то недоброе и посмотрела на него нетерпеливым, беспокойным взглядом. А Малыш почувствовал себя оскорбленным равнодушием товарища.

— Что это ты как будто не радуешься?—спросил он.—Ведь это настоящее счастье. Может быть, ты так богат, что плюешь на двести долларов?

Прежде чем ответить, Смок отхлебнул кофе.

— Скажи мне, Малыш, чем наши участки похожи на Панамский канал?

— Это еще что за новость?

— Видишь ли, восточный вход в Панамский канал находится западнее его западного входа. Вот и все.

— Валяй дальше,—сказал Малыш.—Я еще не раскусил, в чем дело.

— Коротко говоря, Малыш, ты занял наши два участка на большой луке, напоминающей лошадиную подкову.

Малыш опустил таз на снег и вскочил на ноги.

— Дальше, дальше,—повторил он.

— Верхний столб двадцать восьмого на десять футов ниже нижнего столба двадцать седьмого.

— Ты хочешь сказать, что у нас ничего нет, Смок?

— Хуже того. У нас на десять футов меньше, чем ничего.

Малыш бегом пустился к берегу. Через пять минут он вернулся. В ответ на вопросительный взгляд Джой маленький человечек печально кивнул. Не говоря ни слова, он подошел к поваленному дереву и, опустившись на него, стал пристально разглядывать снег, покрывавший его мокассины.

— Ну, что ж, снимемся с лагеря и марш обратно в Даусон,—сказал Смок, начиная складывать одеяла.

— Мне очень жаль, Смок,—прошептала Джой,—все это моя вина.

— Пустяки,—ответил он,—все придет в свое время.

— Но это моя вина, только моя,—настаивала она.—Отец сделает для меня заявку там, около Пробного участка, и я отдам ее вам.

Смок отрицательно покачал головой.

— Малыш!—взмолилась девушка.

Малыш в свою очередь покачал головой и вдруг разразился неистовым смехом. Это был неудержимый, гомерический хохот. Маленький человечек то задыхался, то грохотал.

— Это не истерика,—объяснил он.—У меня бывают иногда такие припадки веселости.

Взгляд его упал случайно на таз с золотом. Он подошел к нему и величественным движением отшвырнул ногой, рассыпав вокруг намытое золото.

— Это не наше,—сказал он.—Оно принадлежит тому малому, которого я прогнал давеча на пятьсот футов. И меня больше всего злит, что четыреста девяносто из них—форменное богатство... его богатство. Ну, идем, Смок, вернемся в Даусон. Впрочем, если у тебя есть желание убить меня, я и пальцем не пошевельну, чтобы защищаться.

МАЛЫШ ВИДИТ СНЫ

I

— Странно, однако, что ты никогда не играешь,—сказал Малыш однажды ночью Смоку в «Элькгорне».—В крови этого у тебя нет, что ли?

— Как же, есть,—отвечал Смок.—Но в голове у меня статистика. Я предпочитаю равные шансы во время игры.

Вокруг них, в огромном помещении бара, слышалась трескотня, стук, звон: это за двенадцатью игорными столами пробовали свое счастье люди в мехах и мокассинах. Смок сделал рукой движение, как бы охватывая всех их.

— Взгляни на них,—сказал он,—ясно, как дважды два четыре, что проигрыш за сегодняшнюю ночь будет больше, чем выигрыш. Большинство из них сейчас уже проигрались.

— Ты, конечно, здорово силен в цифрах,—с восхищением пробормотал Малыш,—и в общем ты прав. Но только факты остаются фактами. И один из таких фактов—это полоса счастья. Выпадает полоса, когда всякий дурак выигрывает, это мне хорошо известно; я принимал участие в такой игре, и на моих глазах лопался не один банк. Чтобы выиграть в азартной игре, надо выждать, пока на тебя накатит такая полоса счастья, и потом уже играть во-всю.

— Как просто,—скептически заметил Смок.—Так просто, что прямо кажется непонятным, каким образом люди могут проигрывать.

— Вся беда в том,—возразил Малыш,—что большей частью люди ошибаются, думая, что им начинает везти. И я тоже давал маху на своем веку. Надо пробовать, нащупывать.

Смок покачал головой.

— И это тоже ясно, как дважды два четыре, Малыш. Большинство игроков ошибаются в своих предчувствиях.

— Неужели же у тебя никогда не бывало такого чувства, что ты должен поставить деньги и обязательно выиграть? И больше от тебя ничего не требуется

Смок засмеялся.

— Я слишком боюсь, что статистика будет против меня. Но вот что я хочу сказать тебе, Малыш. Кину-ка я сейчас один доллар на высшую карту, и посмотрим—заработаем ли мы с тобой хоть на стаканчик.

Смок направился, было, к столу, за которым играли в «фаро», как вдруг Малыш схватил его за руку.

— Постой! На меня как раз накатило предчувствие. Ставь этот доллар в рулетку!

Они подошли к столу с рулеткой, поместившемуся у самого бара.

— Подожди ставить, пока я не скажу тебе,—проговорил Малыш.

— Какой номер?—спросил Смок.

— Выбирай сам. Но только погоди, пока я не скажу тебе, что пора начинать.

— Уж не считаешь ли ты, что у меня за этим столом шансы равные?—заметил Смок.

— Как у каждого игрока.

— Но все-таки не как у банка?

— Подожди, увидишь,—стоял на своем Малыш.—Ну! Теперь начинай!

Крупье как раз в эту минуту бросил шарик из слоновой кости; шарик, кружась, покатился по гладкому борту вращающегося колеса. Смок на нижнем конце стола потянулся через какого-то игрока и, не глядя, бросил доллар. Он покатился по гладкому зеленому сукну и остановился на «34».

Шарик остановился, и крупье объявил:

— Тридцать четвертый выиграл!

Крупье сгреб со стола деньги и к доллару Смока придвинул тридцать пять долларов. Смок забрал деньги, и Малыш хлопнул его по плечу.

— Вот это и есть то самое, что называется счастьем, Смок. Откуда я это узнал? Да я и сам не знаю. Я просто почувствовал, что ты должен выиграть. И если бы твой доллар упал на какой-нибудь другой номер, ты все равно выиграл бы. Раз предчувствие у тебя верное, ты должен выиграть во что бы то ни стало.

— Ну, а предположи, что вышло бы двойное зеро?—сказал Смок, когда они направлялись в бар.

— Тогда твой доллар остановился бы на двойном зеро,—отвечал Малыш.—Тут уж ничего не поделаешь. Повезет—так повезет. Вот оно как. Пойдем-ка назад к столу. После того как я дал тебе возможность выиграть, мне кажется, что и я сорву несколько номеров.

— Ты играешь по системе?—спросил Смок через десять минут, после того как его компаньон проиграл сто долларов.

Малыш с негодованием покачал головой; он расставил свои марки на «3», «11», «17» и бросил одну марку на «зеленое».

— Ад и так набит дураками, играющими по системе,—объявил он.

Занятый наблюдениями, Смок стоял точно загипнотизированный и внимательно следил за подробностями игры, начиная с того момента, когда бросали шарик, и кончая ставками и уплатой выигрышей. Он не играл и довольствовался только наблюдением. И он так увлекся, что Малышу, закончившему игру, с трудом удалось оторвать Смока от стола.

Крупье вернул Малышу его мешок с золотым песком, который находился у крупье в виде залога, и выдал Малышу вместе с мешком клочок бумажки, где было нацарапано: «Взять триста пятьдесят долларов». Малыш направился через всю комнату к весовщику, сидевшему за большими весами для взвешивания золота. Весовщик отсыпал из мешка Малыша на триста пятьдесят долларов песку и всыпал его в свой ящик.

— Твое счастье также можно отнести под ту же рубрику статистики,—подтрунил над Малышом Смок.

— Мне надо было сыграть, чтобы убедиться в этом, не так ли?—отрапортовал Малыш.—И я пострадал только из желания доказать тебе, что полоса счастья существует.

— Ничего, Малыш,—засмеялся Смок.—А вот на меня сейчас нашло наитие...

Глаза у Малыша засверкали, и он крикнул:

— Ну так в чем же дело? Валяй! Ставь!

— Нет, Малыш, это не то. Мое наитие говорит мне, что я в один прекрасный день выработаю систему, которая в пух и прах разобьет этот стол.

— Система!—завопил Малыш, с сожалением глядя на своего товарища.—Смок, послушайся доброго совета. и брось ты систему. Система—это верный проигрыш. При системе не бывает наития.

— Вот за это самое я и люблю систему,—отвечал Смок.—В системе есть расчет. Если ты нападешь на верную систему, ты не можешь проиграть. В этом-то и заключается разница между системой и счастьем. Ты не знаешь, когда твое предчувствие обманет тебя.

— Но зато я знаю целый ряд систем, которые обманывали, и мне никогда не приходилось видеть, чтобы кто-нибудь выигрывал по системе.—Малыш помолчал и со вздохом добавил:—Знаешь, что я тебе скажу, Смок? Если ты собираешься ломать себе голову над системами, то тебе здесь не место, и нам лучше отправиться в путь-дорогу.

II

В течение нескольких ближайших недель во взглядах и намерениях двух товарищей замечалось некоторое расхождение. Смок был расположен проводить все свое время в наблюдениях за игрой в рулетку в «Элькгорне», а Малыш настаивал на том, чтобы двинуться в путь. Когда же началось движение золотоискателей на Юкон,—пронесся слух, что в двухстах милях вниз по реке открылось золото,—Смок решительно отказался принять участие в этой экскурсии.

— Вот что, Малыш,—сказал он,—я не пойду. Эта история займет десять дней, а к тому времени я надеюсь окончательно выработать свою систему. Я и сейчас мог бы уже выигрывать, играя по ней. С какой стати ты будешь зря таскать меня повсюду?

— Смок, я должен заботиться о твоем благе,—отвечал Малыш.—Ты свихнешься. Я готов тащить тебя к чорту на рога, или на северный полюс, лишь бы мне оторвать тебя от игорного стола.

— Все это прекрасно, Малыш. Но не забывай, что я взрослый и вполне зрелый мужчина, и опять же не забудь про медвежатину. Если тебе придется что-нибудь т а щ и т ь, так это только золотой песок, который я буду выигрывать при помощи моей системы, и на это тебе понадобится целая собачья упряжка.

В ответ на это Малыш только вздохнул.

— И я не хочу, чтобы ты играл за свой счет,—продолжал Смок.—Мы будем делить выигрыш пополам, и мне для начала понадобятся все наши деньги. Система эта еще молода, и очень может быть, что я вначале дам несколько промахов.

III

В конце концов, после долгих часов и дней, проведенных в наблюдениях за игорным столом, настал вечер, когда Смок объявил, что он готов. Малыш, мрачный и печальный, с видом человека, присутствующего на похоронах, отправился вместе со своим товарищем в «Элькгорн». Смок купил стопочку марок и занял место в конце стола, возле крупье. Десятки раз вертелся шарик; другие игроки выигрывали и проигрывали, а Смок все не решался поставить хотя бы одну марку. Малыш начал уже терять терпение.

— Да ставь же, ставь!—торопил он его.—Кончай скорей эту погребальную церемонию. В чем дело? Или ты струсил?

Смок покачал головой. Он выжидал. Двенадцать раз уже крупье пускал рулетку, когда Смок вдруг поставил десять марок по доллару на «26». Номер выиграл, и Смоку было выплачено триста пятьдесят долларов. Затем прошло еще двенадцать, двадцать, тридцать туров,

прежде чем Смок снова поставил десять долларов на «32». И опять он выиграл триста пятьдесят долларов.

— Вот это называется везет!—громким шопотом сказал ему на ухо Малыш.—Ставь дальше!

Прошло полчаса, в продолжение которых Смок воздерживался от игры, после чего он поставил десять долларов на «34» и выиграл.

— Ну и везет!—прошептал Малыш.—Вот так полоса!

— Совсем не то,—шопотом же отвечал ему Смок.—Это моя система. Что, хороша, не правда ли?

— Ладно, рассказывай,—возразил Малыш.—Просто полоса такая, а ты воображаешь, что это система! А она тут не при чем. Систем вообще нет и не может быть.

Смок переменил игру. Он ставил теперь чаще, одиночными марками, и чаще проигрывал, чем выигрывал.

— Кончай,—посоветовал ему Малыш.—Забирай деньги. Ты три раза поймал номер, и у тебя уже около тысячи. Полоса твоя кончилась.

В эту минуту шарик завертелся, и Смок поставил десять марок на «26». Шарик остановился на «26», и крупье выплатил ему триста пятьдесят долларов.

— Раз уж тебе так чертовски везет, ставь высшую ставку,—сказал Малыш.—Поставь следующий раз двадцать пять!

Прошло четверть часа, в течение которых Смок выигрывал и проигрывал мелкие ставки. Потом решительным жестом он поставил двадцать пять долларов на «двойное зеро», и крупье заплатил ему восемьсот семьдесят пять долларов.

— Разбуди меня, Смок, я вижу сон!—взмолился Малыш.

Смок улыбнулся, заглянул в свою записную книжку и углубился в какие-то вычисления. Он то и дело вынимал из кармана записную книжку и записывал в нее разные цифры.

Около стола собралась большая толпа, и игроки старались ставить на те же номера, что и Смок. И вот тут-то в его игре произошел перелом. Десять раз под ряд он ставил по десять долларов на «18» и проигрывал. Тут уже и самые отважные его последователи отступились от него. Он переменил номер и выиграл еще триста пятьдесят долларов. Сейчас же игроки вернулись к нему, и им пришлось снова бросить его после целого ряда проигрышей.

— Кончай, Смок, кончай!—просил его Малыш.—И самая длинная полоса счастья не бесконечна. А твоя уже кончилась. Крупных выигрышей больше не жди.

— А я собираюсь взять еще один, прежде чем кончу,—отвечал Смок.

Некоторое время он ставил с переменным счастьем мелкие ставки на разные номера, потом бросил двадцать пять долларов на «двойное зеро».

— А теперь рассчитаемся,—сказал он крупье, выиграв и на этот раз.

— Незачем показывать мне счет,—сказал Малыш, когда они направлялись к весовщику.—Я все время следил. Тебе причитается что-то около трех тысяч шестисот. Верно?

— Три тысячи шестьсот тридцать,—отвечал Смок.—А теперь тебе придется тащить домой песок. Ведь мы так условились!

IY

— Не испытывай своего счастья,—сказал Малыш на следующий день вечером, когда Смок собрался итти в «Элькгорн».—Твоя полоса была очень длинна, но ты доиграл ее до конца. Если ты опять начнешь играть, ты наверняка, спустишь все.

— Но я же сказал тебе, Малыш, что тут нет никакой полосы счастья. Это статистика. Система! Я и при желании не могу проиграть.

— Провались она к чорту, эта система! Нет никаких систем. Раз как-то я выиграл в железку семнадцать раз под ряд. Что же это было, по-твоему, система? Просто бешеное счастье. Но только я струсил тогда. Если бы я не снялся после семнадцатой карты, я выиграл бы больше тридцати тысяч. А заложил-то я в банк знаешь сколько? Два доллара!

— Что бы там ни было, Малыш, а у меня настоящая система.

— Гм! Так покажи мне ее!

— Я уже показывал тебе. Пойдем со мной, и я покажу еще раз.

Когда они пришли в «Элькгорн», все взоры обратились на Смока. Стоявшие возле стола игроки расступились, когда он направился на свое прежнее место возле крупье. На этот раз игра его совершенно не походила на игру, которую он вел в прошлый раз. В течение полутора часов он поставил только четыре ставки, но каждая была по двадцать пять долларов, и каждая выиграла. Он забрал три тысячи пятьсот долларов, и Малыш доставил золото в хижину.

— Теперь самая пора бросить игру,—советовал Малыш, сидя на краю своей койки и снимая мокассины.—Ты забрал семь тысяч. Надо быть дураком, чтобы еще дольше испытывать свое счастье!

— Малыш, только сумасшедший бросит на середине такую систему, как у меня.

— Смок, ты парень хоть куда. Ты обучался в колледже. Ты в одну минуту можешь узнать больше, чем я в сорок тысяч лет.

И все-таки ты ошибаешься, здорово ошибаешься, называя свою полосу счастья системой. Я помотался по свету и видел всякие виды—и должен сказать прямо, начистоту, что нет такой системы, которая могла бы победить в азартной игре.

— Но, однако, я предъявил тебе именно такую систему.

— Нет, Смок, ты ошибаешься. Это сон. Я сплю. Сейчас я проснусь, разведу костер и стану готовить завтрак.

— В таком случае, мой неверующий друг, вот тебе песок. Пощупай его.

С этими словами Смок бросил на колени своему товарищу увесистый мешок с золотом. Он весил тридцать пять фунтов, и Малыш почувствовал значительную тяжесть, когда мешок прикоснулся к его коленям.

— Самый что ни на есть реальный,—сказал Смок.

— Гм! В свое время я видывал самые реальные сны. Во сне все бывает возможно. А в жизни система невозможна. Конечно, я не был в колледже, но только я прав, считая всю эту нашу азартную оргию сном.

— «Закон бережливости» Гамильтона? [1])—засмеялся Смок.

— Я что-то ничего не слыхал об этом старикашке, но он, должно быть, прав. Я вижу сон, Смок, и в этом сне ты все время преследуешь и мучишь меня своей системой. Если ты меня любишь, если ты действительно меня любишь, то ты сейчас крикнешь: «Малыш! Проснись!» И я проснусь и начну готовить завтрак.

V

На третью ночь, когда Смок поставил первую ставку, крупье придвинул ему обратно пятнадцать долларов.

— Вы можете ставить только десять,—сказал он.—Ставка понижена.

— Обеднели?—проговорил с насмешкой Малыш.

— Кто не хочет играть, пусть не играет,—отвечал крупье.— Я прямо скажу при всем честном народе, что нам было бы приятнее, если бы ваш товарищ вовсе не играл за нашим столом.

— Испугались его системы, а?—вызывающе спросил Малыш, когда крупье выплачивал Смоку триста пятьдесят долларов.

— Я не говорю, что верю в его систему; я не верю ни в какие системы. Не было еще такой системы на свете, которая могла бы побить рулетку или другую какую-нибудь азартную игру. Но

---

[1]) Гамильтон—государственный деятель САСШ (1757—1804). Упорядочил финансы, расстроенные после войны за национальную независимость.

все-таки мне приходится наблюдать непонятную полосу счастья, и я не могу допустить, чтобы банк был сорван; я должен предупредить это.

— Струсили?

— Азартная игра такое же дело, как и всякое другое, мой друг. Мы не филантропы.

Ночь за ночью Смок продолжал выигрывать. Он разнообразил свой метод игры. Среди толпы, осаждавшей стол, знатоки рулетки записывали его ставки и номера, тщетно пытаясь разгадать его систему. Они приходили в отчаяние оттого, что не могли уловить нити, и клялись, что это просто полоса счастья,—правда, счастья необыкновенного, такого, какого им до сих пор не приходилось видеть.

Их сбивало с толку разнообразие его игры. По временам он изучал свою записную книжку, иногда углублялся в длинные вычисления, и проходил целый час, в течение которого он не ставил ни одной ставки. А иногда он ставил три максимальных ставки и выигрывал по тысяче долларов в пять или десять минут. Или же его тактика сводилась к тому, что он, ко всеобщему удивлению, разбрасывал по всему столу щедрой рукой отдельные марки. Это продолжалось от десяти до тридцати минут, потом вдруг, неожиданно, когда шарик, вертясь, делал свой последний круг, он ставил высшую ставку на колонну, цвет и номер и брал все три выигрыша. Однажды, для завершения смятения в умах тех, кто пытался разгадать его тайну, он проиграл под ряд сорок высших ставок на номера; но каждую ночь, как бы Смок ни разнообразил свою игру, Малыш приносил домой три тысячи пятьсот долларов.

— Это вовсе не система,—разглагольствовал Малыш во время одной из бесед перед сном.—Я все время слежу за тобой и никак не могу разобраться во всем этом. Ты никогда не играешь два раза подряд одинаково. И вся твоя игра заключается в том, что ты выигрываешь, когда хочешь; а когда не хочешь, то ты и не выигрываешь.

— Может быть, ты ближе к истине, чем думаешь, Малыш. Иногда мне нужно проигрывать. Это входит в мою систему.

— Система, чорт бы ее побрал! Я говорил со всеми игроками в городе, и все до последнего согласны с тем, что систем не существует.

— И несмотря на это, я им все время демонстрирую систему.

— Послушай, Смок,—Малыш замер над свечкой, собираясь погасить ее.—Меня это страшно волнует. Может быть, ты думаешь, что это свечка? Нет, это не свечка! И я—не я. Я нахожусь где-то в пути, лежу на спине, с открытым ртом, завернувшись в одеяла, и вижу все это во сне. И со мной разговариваешь не ты, точно так же, как эта свечка—не свечка.

— Страшно, каким же образом и я вижу те же сны?—настаивал Смок.

— Нет, это не ты. Ты часть моего сна—вот и все. В моих снах разговаривает много народу, и я их слышу. Вот что я хочу сказать тебе, Смок. Я скоро свихнусь окончательно, я сойду с ума. Если этот сон будет еще продолжаться, то я перекушу себе жилы и завою не своим голосом.

VI

На шестую ночь игры в «Элькгорне» ставку понизили до пяти долларов.

— Прекрасно,—сказал Смок крупье.—Мне, как всегда, требуется сегодня три тысячи пятьсот, и вы только заставите меня дольше играть. Мне придется угадать вдвое больше номеров, вот и все.

— Почему вы не хотите перейти к какому-нибудь другому столу?—злобно спросил крупье.

— Потому что мне нравится именно этот.—Смок покосился на гудевшую печку в нескольких футах от него.—Потому что здесь нет сквозников, здесь тепло и уютно.

На девятую ночь, когда Малыш принес домой песок, с ним сделался припадок.

— Больше я не могу, Смок! Больше я не могу!—начал он.—Я дошел до точки. Это не сон. Я не сплю. Системы не существует, и в то же время у тебя система! Тройного правила нет. Календаря не существует. Все перевернулось вверх дном. Законов природы не осталось больше и в помине. Таблица умножения полетела к чорту. Два—это восемь, девять, одиннадцать, а дважды два это будет восемьсот сорок шесть с половиной. Кое-что—это все, ничего—это все; а дважды все—чепуха на молоке и коленкоровые лошади. Ты придумал систему. Цифры побивают цифры. То, чего нет,—есть; и чего не может быть—будет. Солнце встает на западе; луна—золотой блин; звезды—банки из-под консервов; цынга—благословение божие, и тот, кто умирает—снова воскресает. Скалы плавают, вода—это газ, я—не я, ты—кто-то другой, и может быть—мы близнецы, если мы вообще не картофель, жареный в свинцовых белилах. Разбуди меня! Разбудите меня кто-нибудь! О! Разбудите же меня!

VII

На следующее утро в хижину явился посетитель. Смок знал его. Это был Гарвей Моран из «Тиволи», где ему принадлежали все игорные столы. В его низком грубом голосе звучали умоляющие нотки, когда он начал излагать свою просьбу.

— Дело вот в чем, Смок,—начал он.—Вы всем нам задали загадку. Я пришел от имени девяти владельцев салунов в нашем городе. Мы решительно ничего не понимаем. Мы знаем, что в рулетке не существует системы. И все математические головы в колледжах говорили нам то же самое. Они говорили, что рулетка сама по себе уже является системой, единственной системой, и что поэтому никакая другая система не может побить ее. Иначе вся арифметика полетела бы к чорту.

Малыш энергично закивал головой.

— Если система может побить систему, то в таком случае системы нет,—продолжал гость.—И в таком случае все возможно: одна и та же вещь может быть в двух местах одновременно, или две вещи—на одном и том же месте, где может поместиться только одна.

— Что же, вы видели мою игру,—вызывающе сказал Смок.—Если вы считаете, что это только счастье, то из-за чего же вам беспокоиться?

— В том-то и беда, что мы не можем не беспокоиться. У вас система, и вместе с тем мы знаем, что ее быть не может. Я следил за вами пять ночей под ряд, и все, что я мог уловить, это то, что вы отдаете предпочтение нескольким номерам, и на них вы и выигрываете. И вот мы, десять владельцев салунов, сговорились и хотим сделать вам одно предложение. Мы хотим устроить рулетку в задней комнате «Элькгорна», заложить банк и предложить вам играть против нас. Все это будет сделано негласно. Только Малыш, вы да мы. Что вы на это скажете?

— А я скажу вот что,—отвечал Смок.—Приходите вы ко мне. Я буду играть сегодня в «Элькгорне», в помещении бара. Если желаете, можете притти туда смотреть мою игру.

VIII

В эту ночь, когда Смок занял свое обычное место за столом, крупье прекратил игру.

— Игра прекращается,—сказал он.—Так приказал хозяин.

Но не так-то легко было запугать собравшихся в баре других владельцев салунов. Через несколько минут они заложили банк, вложив каждый по тысяче, и заняли стол.

— Ну, пожалуйте!—предложил Смоку Гарвей Моран, когда крупье пустил шарик по кругу.

— Дайте мне предельную ставку двадцать пять,—попросил Смок.

— Отлично, идет.

Смок сейчас же поставил двадцать пять марок на «двойное зеро» и выиграл.

Моран отер пот со лба.

— Продолжайте,—сказал он,—в банке у нас десять тысяч.

Через полтора часа десять тысяч перешли к Смоку.

— Банк сорван!—объявил крупье.

— Довольно с вас?—спросил Смок.

Банкометы переглянулись. Они были преисполнены благоговейного ужаса. Они, эти разжиревшие любимцы закона, управляющего слепым счастьем, были побиты. Они имели против себя человека, который был ближе к этим силам, или которому удалось вызвать какие-то еще более могучие, неведомые силы.

— Мы кончили,—заявил Моран.—Не так ли, Бэрк?

Большой Бэрк, которому принадлежала рулетка в салунах М. и Г., кивнул в знак согласия.

— Невозможное случилось,—сказал он.—Этот самый Смок, которого вы видите перед собой, придумал систему. Если мы позволим ему продолжать, то мы все обанкротимся. На мой взгляд, единственное, что нам остается, чтобы сохранить наше дело, это—понизить ставку до одного доллара или до десяти центов, а то и до одного цента. С такими ставками он не очень-то много выиграет за ночь.

Все посмотрели на Смока. Он пожал плечами.

— В таком случае, господа, мне придется нанять целую артель людей, которые будут играть за всеми вашими столами. Я буду платить им по десять долларов за четырехчасовую смену и заработаю свой выигрыш.

— Тогда нам придется прикрыть свое дело,—проговорил Большой Бэрк,—если только...—он в нерешительности замолчал и окинул взглядом своих товарищей, как бы желая убедиться в том, что они согласны с ним,—... если только вы не согласитесь на одну комбинацию. За сколько вы согласны были бы продать вашу систему?

— За тридцать тысяч долларов,—отвечал Смок.—Это выйдет по три тысячи на человека.

Они посовещались и согласились.

— И вы откроете нам вашу систему?

— Да, конечно.

— И вы обещаете никогда больше не играть в рулетку у нас, в Даусоне?

— Нет, этого я не обещаю,—решительно отвечал Смок,—я обещаю только не играть больше по этой системе.

— Боже мой!—воскликнул Моран.—Надеюсь, у вас нет в запасе еще другой системы?

— Стойте!—крикнул Малыш.—Мне надо поговорить с моим товарищем. Отойдем в сторонку, Смок.

Смок последовал за ним в отдаленный угол комнаты, между тем как сотни глаз с любопытством устремились на него и на Малыша.

— Послушай-ка, Смок,—хриплым голосом зашептал Малыш,—может быть, это и не сон, и в таком случае ты очень продешевил. Ведь это дело миллионами пахнет. Поприжми-ка их хорошенько.

— Ну, а если это сон?—спросил Смок тихо.

— Тогда во имя этого самого сна и нагрей их, голубчиков, как следует! Какая же радость от сна, если он не приводит тебя к верному и приятному концу?

— К счастью, это не сон, Малыш.

— В таком случае я тебе никогда не прощу, если ты продашь свой секрет за тридцать тысяч.

— Если я продам его за тридцать тысяч, ты бросишься мне на шею, проснешься и убедишься в том, что ты вовсе и не спал. Это не сон, Малыш. Через две минуты ты увидишь, что ты все время бодрствовал. Имей в виду, что если я продаю, то, значит, необходимо продать.

Вернувшись к столу, Смок объявил, что его предложение остается в силе. Хозяева салунов протянули ему расписки, каждый на три тысячи.

— Требуй лучше песок,—предупредил его Малыш.

— Должен сказать вам, что мне хотелось бы иметь эти деньги в песке,—сказал Смок.

Владелец «Элькгорна» взял расписки и отсыпал Малышу на тридцать тысяч долларов золотого песку.

— Ну, вот, теперь мне и просыпаться не надо!—воскликнул он, взвешивая на руке драгоценные мешки.—Если подсчитать, то в общем сон этот принес нам семьдесят тысяч. И теперь мне было бы чертовски невыгодно раскрывать глаза, вылезать из-под одеял и приниматься за приготовление завтрака.

— Какова же ваша система?—спросил Большой Бэрк.—Мы заплатили и желаем знать.

Смок направился к столу.

— Теперь, господа, слушайте внимательно. Эта система не простая. Она едва может называться законной, но в ней есть одно большое достоинство: она дает хорошие результаты. У меня явились некоторые подозрения, но пока я еще ничего не скажу. Следите за мной. Пожалуйста, пустите шарик! Видите, я собираюсь выиграть на «26». Я ставлю на этот номер. Приготовьтесь, крупье... Пустите!

Шарик завертелся.

— Вы обратили внимание,—продолжал Смок,—что номер «9» был как раз напротив?

Шарик остановился на «26».

Большой Бэрк выругался где-то в недрах своей груди, и все ждали, что будет дальше.

— Для того, чтобы выиграть на «двойном зеро», необходимо, чтобы «11» было напротив. Попробуйте сами, и вы увидите.

— Ну, хорошо. А система?—нетерпеливо спросил Моран.—Мы знаем, что вы мастер забирать деньги и угадывать номера. Но как вы это делаете?

— Путем наблюдения за последовательностью выигрышей. Совершенно случайно я два раза заметил, что шарик был брошен, когда «9» находилось напротив. И оба раза выиграло «26». Затем я обратил внимание, что это повторялось еще раз. Тогда я стал искать случаи других совпадений и нашел их. «Двойное зеро» напротив дает выигрыш на «32», а «11» дает выигрыш на «двойном зеро». Это бывает не всегда, но о б ы ч н о это удается. Вы обратили внимание, я сказал—о б ы ч н о? Как я уже говорил вам, у меня есть кое-какие подозрения, но пока что я молчу.

Большой Бэрк, которого внезапно осенило вдохновение, вскочил, остановил колесо и внимательно стал его осматривать. Головы девяти остальных компаньонов наклонились вперед и присоединились к изучению колеса. Большой Бэрк выпрямился и покосился на печку.

— Чорт возьми,—произнес он,—да тут и не было вовсе никакой системы! Стол стоит возле самой печки, и это проклятое колесо от нагревания затирает. Мы попали впросак. Немудрено, что он так полюбил этот стол. За другим столом он не выиграл бы даже и кислых яблок.

Гарвей Моран испустил вздох облегчения и вытер лоб.

— Что же, прекрасно,—сказал он,—в конце концов нам дешево обошлось открытие, что тут и не было никакой системы.—Лицо его повеселело, он расхохотался и хлопнул Смока по плечу.—Ну, и поводили же вы нас за нос, Смок! А мы-то из кожи лезли, чтобы сплавить вас! Вот что, я получил настоящее шампанское. Идемте все в «Тиволи», и я его откупорю.

Позже, у себя в хижине, Малыш молча разбирал и взвешивал туго набитые мешки с золотым песком. Наконец, он сложил их все на столе и, усевшись на край скамьи, начал снимать мокассины.

— Семьдесят тысяч,—повторил он.—Они весят триста пятьдесят фунтов. И все это благодаря нагреванию какого-то колеса и зоркому глазу. Смок, ты слопал их сырьем, ты слопал их живьем, ты чуть ли не под водой колдуешь, ты довел меня до белой горячки—и

все-таки я уверен, что это сон! Только во сне бывают такие приятные вещи. Мне страсть как не хочется просыпаться. И я надеюсь, что никогда не проснусь.

— Успокойся,—сказал Смок.—Ты и не проснешься. Существует кучка философов, которые уверяют, будто люди всю жизнь проводят в сонных грезах. Ты попал в прекрасное общество.

Малыш встал, подошел к столу, выбрал самый тяжелый мешок и прижал его к своей груди, точно маленького ребенка.

— Пускай я буду лунатиком,—заявил он,—но ты правду сказал, я действительно нахожусь в самом лучшем обществе.

ЧЕЛОВЕК НА ДРУГОМ БЕРЕГУ

I

Это произошло прежде, чем Смок Беллью занял анекдотический городской участок возле Тра-Ли, проделал историческую спекуляцию с яйцами, которая чуть не съела целиком банковского счета Билля с Быстрых Вод, и вышел победителем из состязания на собаках вниз по Юкону на приз в миллион долларов. Он и Малыш расстались в Верхнем Клондайке. Малыш должен был спуститься по Клондайку в Даусон, чтобы там сделать заявку на несколько участков, которые они заняли.

Смок с упряжкой отправился на юг—разыскиватъ Озеро Неожиданностей и мифические Две Хижины. Его путь лежал через водоем Индейской реки и через неведомую местность, по горам, к реке Стьюарт. Там, по слухам, должно было находиться окруженное зубчатыми горами и ледниками Озеро Неожиданностей, дно которого было выложено чистым золотом. Как говорила молва, золотоискатели-старожилы, имена которых давно были преданы забвению, ныряли в ледяную воду Озера Неожиданностей и выносили оттуда на поверхность слитки золота. В различные времена отдельные партии золотоискателей проникали за неприступную твердыню и обирали золотое дно озера. Но вода в озере была ледяная. Многие умирали в воде, и их вытаскивали уже бездыханными. Другие умирали от чахотки. Оставшиеся в живых предполагали вернуться еще раз сюда, чтобы осушить озеро, но никто из них не выполнил этого намерения. С ними происходили всевозможные несчастья. Один попал в промоину на Юконе ниже Сороковой Мили; другого растерзали и съели его собственные собаки; третьего раздавило упавшее дерево. Так передавала молва. Озеро Неожиданностей превратилось в место, населенное нечистой силой; никто не помнил больше, как можно пройти к нему, и золото попрежнему покрывало его неосушенное дно.

Местонахождение Двух Хижин—не менее мифических, чем Озеро Неожиданностей—указывалось несколько более определенно. На расстоянии «пяти ночлегов» от реки Стьюарт, вверх по реке

Мак-Квестшен, стояли две старые хижины. Они были такие ветхие, что, должно быть, выстроили их еще до того, как первый охотник за золотом появился в бассейне Юкона. Странствующие охотники за оленями, с которыми Смок встречался в пути и разговаривал, уверяли, будто они набрели на эти две хижины несколько лет назад, но напрасно искали те золотые россыпи, которые, по слухам, разрабатывали там прежние искатели приключений.

— Мне хотелось бы, чтобы ты отправился со мной,—задумчиво произнес Малыш, когда они расставались.—Из-за того только, что у тебя в ногах зуд, не стоит ввязываться в разные неприятности. Их не оберешься в этой проклятой стране. А что тут орудует нечистая сила, так это верно, судя по тому, что мы с тобой слышали.

— Хорошо, Малыш. Я немножко проедусь и вернусь обратно в Даусон не позже чем через шесть недель. Путь по Юкону гладок, и первые сто миль или около того по Стьюарту тоже, вероятно, укатаны. Старожилы с Гендерсонова ручья говорили мне, что несколько саней отправилось туда осенью после ледостава. Если я нападу на их след, я буду делать по сорок, а то и по пятьдесят миль в день. Я, наверное, через месяц уже буду здесь, только бы мне добраться!

— Только бы добраться! Вот это и беспокоит меня. Ну, пока до свидания, Смок. Держи ухо востро насчет нечистой силы—это главное. И не смущайся, если тебе придется вернуться без «медвежатины».

II

Неделю спустя Смок очутился среди беспорядочно нагроможденных горных цепей южнее Индейской реки. На хребте между этой рекой и Клондайком он бросил сани и нагрузил своих собак. Шесть громадных собак понесли каждая по пятьдесят фунтов, и на спине Смока была точно такая же ноша. Он шел впереди по рыхлому снегу, утаптывая его лыжами, а за ним вереницей пробирались собаки.

Он полюбил эту жизнь, эту суровую полярную зиму, молчаливую пустыню и беспредельные снежные пространства, по которым не ступала еще нога человеческая. Кругом возвышались ледяные вершины гор, безымянных, незанесенных на карты. Его глаз ни разу не уловил и следов дымка, поднимающегося в неподвижном воздухе долин от охотничьего лагеря. Он шел один среди задумчивого покоя нетронутой пустыни, и одиночество не тяготило его. Он любил все это—и тяготы трудового дня, и грызню волкодавов, и приготовления к ночлегу в долгие сумерки, и мерцание звезд над головой, и пышное зрелище северного сияния.

Особенно же Смок любил свой лагерь к концу дня; в нем он видел картину, которую он мечтал когда-нибудь написать и которую, он знал, никогда не забудет—утоптанная площадка в снегу с разведенным костром; несколько одеял из кроличьих шкурок, брошенные на только что срубленные ветви; натянутый кусок парусины, задерживающий и отбрасывающий назад тепло от костра; почерневший кофейник и котелок на длинном шесте; мокассины, развешанные на жердях для просушки; лыжи в снегу острием вверх, и сквозь пламя костра—волкодавы, льнущие к теплу, голодные и алчные, лохматые, покрытые инеем, с пушистыми хвостами, которыми они заботливо прикрывают себе лапы. А кругом—оттесненная назад стена опоясывающего мрака.

В такие минуты Сан-Франциско, «Волна» и О'Гара казались бесконечно далекими, затерявшимися в незапамятном прошлом—тенями снов, никогда не существовавших. Смоку с трудом верилось, что он когда-то знавал иную жизнь, чем эта жизнь в пустыне; и еще труднее ему было примириться с мыслью, что он когда-то прозябал и болтался среди богемы в городской суете. Один, среди снегов, он много размышлял, и мысли его стали глубже и проще. Его приводила в ужас никчемность городской жизни, дешевая философия книг и школ, рассудочный цинизм артистических студий и редакций, лицемерие дельцов в их клубах. Все люди, живущие в городской суете, не знали как следует ни вкуса пищи, ни настоящего сна, ни ощущения здоровья; им не были знакомы ни томления настоящего аппетита, ни чувство здоровой усталости, ни бушевание кипучей сильной крови, пощипывающей после работы все тело, точно вино.

И этот чудесный разумный спартанский Север существовал во все времена, и Смок не знал этого. Он не мог понять, каким образом он, обладающий внутренним чутьем, ни разу не слыхал его призывного шопота, не отправился на поиски его.

— Понимаешь, Рыжий, я все-таки вырвался на свободу.

Собака, которую он назвал, подняла сначала одну переднюю лапу, потом другую—быстрым, точно успокаивающим движением, снова закрыла их своим пушистым хвостом и усмехнулась ему сквозь пламя костра.

— Герберту Спенсеру было около сорока лет, когда он понял вдруг, чего он хочет и где цель его жизни. Я не так тяжел на подъем. Я не стал ждать и тридцати, чтобы понять себя. Здесь как раз и находятся и моя цель и мои желания. Мне почти хотелось бы, Рыжий, родиться волчонком и быть братом тебе и тебе подобным.

Несколько дней он пробирался среди хаоса ущелий и гор, которые невозможно было подчинить какому-либо топографическому плану. Казалось, их набросал сюда какой-то космический шалун.

Напрасно Смок искал речки или ручья, который должен был течь по направлению к югу, к рекам Мак-Квестшен и Стьюарт. И вдруг разразилась буря в горах, налетел снежный ураган, поднявший настоящий ад в глубине пустынных ущелий. Находясь выше полосы леса, Смок два дня бродил ощупью без огня и искал спуска. На второй день он добрался до края высокой каменной стены. Снег был так густ, что Смок не мог разглядеть основание этой стены; начать спускаться было бы слишком рискованно. Он завернулся в свои одеяла, и собаки окружили его, тесно прижавшись друг к другу в глубине снежного сугроба. Но заснуть он боялся.

Наутро буря стихла, и он выполз из-под одеял на разведки. На расстоянии четверти мили ниже его, вне всякого сомнения, лежало замерзшее озеро, занесенное снегом. Кругом со всех сторон возвышались зубчатые горы. Все соответствовало описанию. Смок нечаянно нашел Озеро Неожиданностей.

— Удачное название,—пробормотал он час спустя, выходя на берег. Деревьев, кроме небольшой группы вековых сосен, здесь не было. Спускаясь к озеру, он споткнулся о три могилы, занесенные снегом, которые можно было узнать по грубо высеченным столбам, стоявшим в головах, с неразборчивыми надписями. Около сосен виднелась небольшая ветхая хижина. Он поднял щеколду и вошел. В углу, на том, что некогда было постелью из сосновых ветвей, лежал скелет, завернутый в грязные меха, превратившиеся теперь в груду лохмотьев. «Последний посетитель Озера Неожиданностей», подумал Смок, поднимая кусок золота величиной в два кулака. Рядом с этим куском стояла банка из-под перца, наполненная самородками величиной с грецкий орех, с шероховатой поверхностью, без всяких следов промывки.

Смок без всяких колебаний решил—настолько сильна была его вера в рассказы про озеро,—что золото это добыто со дна озера. Под слоем льда в несколько футов толщиной оно было недоступно, и Смоку теперь нечего было здесь делать. В полдень он бросил прощальный взгляд с края скалистой стены на открытое им озеро.

— Все в порядке, мой друг Озеро,—проговорил он.—Ты прекрасно сделаешь, если останешься на своем старом месте. Я вернусь сюда, чтобы осушить тебя, если только не попадусь в лапы нечистой силе. Не знаю, как я попал сюда, но я узнаю это по тому, как я отсюда выберусь.

III

В небольшой долине на берегу замерзшего ручья, под благодетельной защитой нескольких сосен Смок четыре дня спустя развел костер.

Где-то там, в белом хаосе, который он оставил позади, должно было находиться Озеро Неожиданностей—где-то, но он не мог уже сказать—где, потому что четверо суток, в течение которых он пробирался вперед, борясь с густым, слепящим глаза снегом, скрыли путь к нему, и Смок не знал, в каком направлении позади оно находилось. У него было такое чувство, точно он только что пришел в себя после кошмара. Он не отдавал себе отчета в том, прошло ли четыре дня или целая неделя. Он спал вместе с собаками, пробирался через бесчисленное множество мелких перевалов, следовал за извилинами страшных ущелий, оканчивающихся тупиками, при чем ему только два раза удалось развести костер и отогреть мороженую оленину. И вот теперь он был сыт и прекрасно отдохнул. Буря прошла, было ясно и холодно. Местность снова приняла самый обычный вид. Речка, по которой он шел, была самая обыкновенная и направлялась, как оно и должно было быть, на юго-запад. Но Озеро Неожиданностей было потеряно для него точно так же, как оно было потеряно для всех исследователей в далеком прошлом.

Полдня пути вниз по речке привели Смока в долину большой реки, которая, по его расчетам, должна была быть рекой Мак-Квестшен. Здесь он застрелил лося, и собаки опять понесли на себе по пятьдесят фунтов мяса. Спустившись по Мак-Квестшен, он набрел на санный путь. Недавно выпавший снег слегка запорошил его сверху, но снизу он был прекрасно укатан. Смок решил, что на Мак-Квестшен были расположены два лагеря, и что этот путь соединял их. Очевидно, Две Хижины были открыты, и он отправился вниз по течению.

Было сорок градусов ниже нуля, когда он расположился на почлег в эту ночь, и он заснул, раздумывая над тем, кто были люди, открывшие Две Хижины, и найдет ли он их на следующий день. С первыми признаками рассвета он пустился в путь, без особого труда следуя по полузанесенной дороге и утаптывая недавно выпавший снег лыжами, чтобы собаки не проваливались.

И тут-то произошло нечто неожиданное,—неожиданность эта подкарауливала его на повороте реки. Ему казалось, что он услышал и почувствовал одновременно. Гул ружейного выстрела раздался справа, и пуля, прорвав плечо его парки и шерстяной куртки, силой удара заставила его перевернуться. Он зашатался на своих лыжах, пытаясь восстановить равновесие, и услыхал второй выстрел. На этот раз стрелявший промахнулся. Смок не стал дольше ждать и бросился по снегу под защиту деревьев, растущих на берегу в ста футах расстояния. Еще и еще раз прогремел выстрел, и Смок сделал неприятное открытие, что по спине у него струится теплая жидкость.

Он вскарабкался на берег, собаки за ним, и углубился в чащу деревьев и кустарников. Сойдя с лыж, он пополз по снегу и осторожно

выглянул. Ничего не было видно. Тот, кто в него стрелял, спокойно лежал в засаде между деревьями на противоположном берегу.

— Если в ближайшие минуты не случится что-нибудь,—пробормотал Смок через полчаса,—то придется выбраться отсюда и развести огонь, а не то я отморожу себе ноги. Рыжий, как бы ты поступил на моем месте, если бы ты лежал на морозе с застывающей в жилах кровью, а перед тобой был бы человек, который во что бы то ни стало хотел бы пустить в тебя пулю?

Он отполз на несколько ярдов назад, утоптал снег, проплясал джигу, от которой кровь снова прилила к его ногам, и устроился так, чтобы выдержать еще полчаса. И вдруг с реки до него донесся звон бубенчиков на собаках. Выглянув, он увидел сани, выехавшие из-за поворота реки. У рулевого шеста бежал человек. Это появление произвело на Смока потрясающее впечатление: это было первое человеческое существо, которое он увидел с тех пор, как расстался с Малышом три недели назад. Вторая его мысль была о человеке, стрелявшем из засады на другом берегу.

Смок предостерегающе свистнул. Человек не слышал его и продолжал бежать. Смок свистнул еще раз, громче. Человек гикнул на собак, остановился и обернулся к Смоку лицом в ту самую минуту, когда грянул выстрел. В следующее мгновение Смок выстрелил по направлению деревьев на звук выстрела. Человек на реке был сражен первым же выстрелом. Сила удара пули была так велика, что он пошатнулся. Его сильно качнуло к саням, он наполовину упал и вытащил из-под упряжи ружье. В то время как он пытался поднести его к плечу, он скорчился, бессильно опустился и принял сидячее положение, прислонившись к саням. Потом внезапно, после того как ружье выстрелило в небо, он опрокинулся назад в угол саней, так что Смоку были видны только его ноги и живот.

С низовьев реки послышался звон новых бубенчиков. Человек не шевелился. Из-за поворота показалось трое саней в сопровождении шести человек. Смок предостерегающе крикнул им, но они уже видели, что с первыми санями случилось что-то неладное, и бросились к ним. На другом берегу выстрелы прекратились, и Смок вышел из засады, позвав собак. Среди новоприбывших раздались возгласы, и двое из них, сбросив с правой руки рукавицы, направили в него свои ружья.

— Поди сюда ты, убийца!—крикнул один из них, человек с черной бородой.—И сейчас же брось ружье в снег!

Смок в нерешительности колебался, потом бросил ружье и пошел к ним.

— Обыщи его, Луи, да отбери у него оружие,—скомандовал чернобородый.

Луи, канадский француз, как решил Смок, исполнил приказание. Он нашел у Смока только охотничий нож, который и был отобран.

— Ну, что вы можете сказать в свое оправдание, незнакомец, пока я не пристрелил вас?—спросил чернобородый.

— Что вы ошибаетесь, думая, будто я убил этого человека,— отвечал Смок.

В эту минуту раздались возгласы. Один из новоприбывших, осматривая дорогу, нашел следы, оставленные Смоком на снегу, когда он свернул к деревьям на берегу реки. Человек по-своему объяснил происхождение этих следов.

— Почему вы убили Джо Кинэда?—спросил человек с черной бородой.

— Я уже сказал вам, что это не я...—начал, было, Смок.

— Нечего зря болтать. Мы поймали вас на месте преступления. Вот здесь вы сошли с дороги, когда услыхали, что он едет. Вы залегли среди деревьев, устроили засаду; вы стреляли в упор. Промаха быть не могло. Пьер, принеси-ка ружье, которое он бросил.

— Дайте мне рассказать,—как все произошло,—проговорил Смок.

— Замолчите,—рявкнул на него чернобородый,—ваше ружье расскажет нам все.

Все принялись рассматривать ружье Смока, вынули и пересчитали патроны и внимательно исследовали дуло и магазин.

— Один выстрел,—решил чернобородый.

Пьер, у которого ноздри раздувались и дрожали, как у животного, понюхал магазин.

— Один выстрел и совсем свежий,—сказал он.

— Пуля попала ему в спину,—заметил Смок.—Он стоял обернувшись ко мне лицом, когда в него выстрелили. Вам не ясно, что стреляли с другого берега?

Одно мгновение чернобородый взвешивал это предположение, потом покачал головой.

— Нет. Не годится. Поверните его лицом к тому берегу. Вот как вы угодили ему в спину. Кто-нибудь из вас, ребята, пробегитесь-ка по дороге и посмотрите, нет ли следов к тому берегу.

Рапорт гласил, что на той стороне снег был нетронут. Даже заячьего следа и то не было. Чернобородый нагнулся над убитым и выпрямился, держа в руках мохнатый шерстистый пыж. Разрезав его, он нашел в самой середине пулю, которая пронзила тело убитого. Передний конец ее расплющился и был величиной с полдоллара, а другой конец, покрытый сталью, был невредим. Он сравнивал ее с патроном, вынутым из патронаша Смока.

— Дело ясное, незнакомец,—слепой, и тот поймет. Нос у нее мягкий, конец стальной; и у вашей нос мягкий и конец стальной.

Калибр ее тридцать три, и у вашей тридцать три. Фирма Оружейной Компании Г. и Т., и ваша изготовлена Оружейной Компанией Г. и Т. Пойдемте-ка вместе с нами на берег и посмотрим, как вы все это проделали.

— На меня на самого напали из засады,—проговорил Смок.— Взгляните на дыру в моей парке.

Пока чернобородый исследовал парку Смока, один из его спутников раскрыл магазин ружья убитого. Судя по всему, из него был сделан один выстрел. Пустой патрон был налицо.

— Досадно, чорт побери, что бедняга Джо не попал в вас,—произнес с горечью чернобородый.—И все-таки недурной выстрел с такой-то дырой в теле, как у него. Ну, пошли!

— Обыщите сначала тот берег,—настаивал Смок.

— Довольно разговаривать, идемте, и пусть факты сами говорят за себя.

Они сошли с дороги в том самом месте, где сошел Смок, и пошли по его следам к берегу, в чащу деревьев.

— Он плясайт тут и согревайт нога,—указал Луи.—Тут он ползать на живот. Тут он поставит локоть и стреляйт...

— Клянусь богом! Вот и пустой патрон!—сделал новое открытие чернобородый.—Ребята, нам остается только одно...

— Прежде спросите меня, почему я сделал этот единственный выстрел,—прервал его Смок.

— Я вобью тебе зубы в самую глотку, если ты будешь мешаться не в свое дело. Ты будешь отвечать, когда тебя будут спрашивать. Вот что, ребята, все мы люди порядочные и уважаем закон, и мы будем действовать по закону, как полагается. Далеко мы, по-твоему, отъехали, Пьер?

— Миль двадцать будет.

— Прекрасно. Мы припрячем наши пожитки и повезем его и беднягу Джо обратно в поселок «Две Хижины». Я думаю, что мы достаточно видели, и наших показаний будет довольно, чтобы его вздернули.

IV

Три часа спустя после наступления темноты Смок и захватившие его золотоискатели вместе с телом убитого товарища подъехали к Двум Хижинам. При свете звезд Смоку удалось рассмотреть около дюжины недавно построенных хижин, ютившихся возле старой хижины, которая была больше их всех и стояла на самом берегу реки. Смока втолкнули в эту хижину, и он увидал, что ее занимал молодой гигант с женой и слепым стариком. Жена, которую муж называл Люси, была статная женщина того типа, который часто можно

встретить на границе. Старик, как потом узнал Смок, был долго охотником на реке Стьюарт и ослеп прошлой зимой. Поселок «Две Хижины», как тоже впоследствии узнал Смок, был разбит прошлой осенью двенадцатью золотоискателями, приехавшими сюда на шести лодках, нагруженных припасами. Здесь они нашли слепого охотника и вокруг его хижины выстроили свои собственные. Более поздние пришельцы, приехавшие по льду на собаках, утроили население. Мяса здесь было достаточно, кроме того, здесь оказался золотоносный пласт, который пришельцы и принялись разрабатывать.

Через пять минут все мужчины поселка «Две Хижины» набились в комнату. Смок, затиснутый в самый угол, среди чужих, неприязненно настроенных людей, со связанными руками и ногами, занимался наблюдениями. Он насчитал тридцать восемь человек—дикая, страшная шайка,—все пограничники из ближайших штатов или искатели приключений из Верхней Канады. Схватившие его люди рассказывали, каждый в отдельности, его историю и составляли центр возбужденной и враждебной Смоку группы. Раздавались восклицания в роде: «Линчевать его, и дело с концом, чего еще ждать!» А одного громадного детину, ирландца, едва удержали: он хотел броситься на беспомощного пленника и избить его.

Пересчитывая собравшихся, Смок вдруг увидел знакомое лицо. Это был Брек, тот самый Брек, лодку которого Смок провел через пороги. Он недоумевал, почему тот не подойдет к нему и не заговорит, но сам он и виду не показывал, что узнал его. Потом, когда Брек исподтишка сделал ему знак, Смок понял.

Чернобородый, которого звали Илай Гардинг, прекратил споры о том, линчевать ли пленника сейчас, или нет.

— Стойте!—прогремел Гардинг.—Не торопитесь! Этот человек принадлежит мне. Я поймал и доставил его сюда. Уж не воображаете ли вы, что я притащил его сюда только для того, чтобы линчевать?— Вовсе нет. Это я мог сделать и сам, когда он попался мне в руки. Я привез его сюда для справедливого и правильного суда, и, клянусь богом, он и получит суд правильный и справедливый. Мы доставили его целым и невредимым. Бросьте его на койку до утра, а завтра мы устроим над ним суд.

V

Смок проснулся. Ледяная струя воздуха сверлила ему плечо в то время, как он лежал на боку, повернутый лицом к стене. Когда его бросили сюда, этой струи не было, а теперь холодный воздух снаружи, проникающий в разгоряченную атмосферу хижины с силой давления в 50° ниже нуля, служил явным доказательством того, что кто-то снаружи вытащил мох, забитый между бревнами. Смок подвинулся,

насколько ему позволяли его узы, вытягивая шею до тех пор, пока ему не удалось приблизить губы к щели между бревнами.

— Кто там?—шопотом спросил он.

— Брек,—услыхал он в ответ.—Осторожно, не шумите. Сейчас я просуну вам нож.

— Не стоит,—проговорил Смок.—Не к чему. Руки у меня связаны сзади и привязаны к ножке койки. Кроме того, вам не просунуть ножа через эту щель. Но что-нибудь нужно сделать. Эти парни, кажется, ничего не имеют против того, чтобы меня повесить, а ведь я не убивал этого человека.

— Вы напрасно мне это говорите, Смок. А если вы и убили, то, значит, у вас были на то основания. Не в этом дело. Мне хотелось бы вас выручить. Здешние люди—народ упрямый. Вы сами видели. Отрезанные от мира, они сочиняют и навязывают всем свои собственные законы через собрания золотоискателей. Они расправились недавно с двумя: оба провинились в краже припасов. Одного они выгнали из поселка без единой унции пищи и без спичек. Он сделал около сорока миль и через два-три дня замерз. Две недели назад они прогнали еще одного. Ему был предоставлен выбор: или уйти совсем без пищи, или получить по десяти ударов плети за дневное пропитание. Он выдержал только сорок ударов. Теперь вы попались к ним в лапы, и они все до последнего вполне уверены, что Кинэда убили вы.

— Человек, убивший Кинэда, стрелял также и в меня. Его пуля задела мне плечо. Попробуйте уговорить их отложить суд до тех пор, пока кто-нибудь из них не исследует берег, где скрывался убийца.

— Бесполезно. Они верят Гардингу и пяти французам, которые были с ним. К тому же они давно никого не вешали, и у них руки чешутся. Надо сказать, что жизнь здесь крайне однообразна. Им не удалось напасть на что-нибудь интересное, а искать Озеро Неожиданностей им уже надоело. В самом начале зимы они устраивали состязания на заявки, но теперь они и это бросили. Среди них появилась цынга, и они жаждут сильных ощущений.

— И, повидимому, мне суждено дать им это ощущение?—заметил Смок.—Скажите мне, Брек, как вы попали в компанию этой проклятой шайки?

— После того как я занял заявки на Бабьем ручье и поставил там на работу нескольких человек, я забрел сюда в поисках Двух Хижин и попал к ним в лапы. Они заставили меня подняться выше по Стьюарту. Вернулся я только вчера, потому что у меня кончились припасы.

— Нашли что-нибудь?

— Мало. Но у меня есть один проект гидравлического сооружения, от которого я жду многого, когда вскроются реки. Или этот проект, или же золоточерпалка.

— Подождите,—прервал его Смок.—Одну минутку. Дайте сообразить.—Он внимательно прислушивался к храпению спящих, обдумывая мысль, мелькнувшую у него в голове.—Скажите, Брек, открыли они тюки с мясом, которые были на собаках?

— Некоторые—да. Это было при мне. Они сложили их в кладовой Гардинга.

— Что там было?

— Мясо.

— Отлично. Разверните тюк, завернутый в коричневую парусину, заплатанную лосиной шкурой. Там вы найдете несколько фунтов золота в самородках. Вы никогда не видали здесь такого золота, да и никто не видел. Вот что вам придется сделать. Выслушайте меня!

Четверть часа спустя, снабженный инструкциями и жалуясь на отмороженные пальцы на ногах, Брек ушел. Смок, чувствуя, что его собственный нос и одна щека застыли от близости щели, целых полчаса тер свое лицо об одеяло, пока щеки у него не загорелись и их не закололо точно иголками.

VI

— Мое убеждение непоколебимо. Нет никакого сомнения в том, что именно он убил Кинэда. Мы слышали всю историю еще вчера вечером. Стоит ли повторять ее сначала? Я голосую: виновен!

Так начался суд над Смоком. Оратор, нескладный и упрямый малый из Колорадо, проявил недовольство и негодование, когда Гардинг остановил его, требуя, чтобы все было сделано по правилам, и предложил одного из присутствующих, Шэнка Уильсона, в судьи и председатели собрания. Население Двух Хижин изображало собой присяжных, а женщина, Люси, после краткого совещания была лишена права голоса.

Между тем Смок, прижатый в угол, подслушал разговор, который шопотом вели между собой Брек и один золотоискатель.

— Не продадите ли вы мне пятьдесят фунтов муки?—спросил Брек.

— У вас нехватит песку, чтобы заплатить мне,—был ответ.

— Я дам двести.

Золотоискатель покачал головой.

— Триста! Ну, триста пятьдесят!

Когда Брек дошел до четырехсот, золотоискатель кивнул головой в знак согласия и сказал:

— Пойдемте ко мне в хижину и отвесим песок.

Оба направились к двери и вышли. Через несколько минут Брек вернулся один.

Гардинг как раз давал свои показания, когда Смок заметил, что дверь слегка приотворилась и в щелку заглянуло лицо того самого золотоискателя, который продал муку. Он гримасничал и усиленно делал знаки кому-то в комнате, пока, наконец, золотоискатель, сидевший у печки, не встал и не пошел к двери.

— Ты куда, Сэм?—спросил Шэнк Уильсон.

— Я сейчас вернусь,—отвечал Сэм.—Мне нужно выйти.

Смоку разрешили задавать вопросы свидетелям, и он только что увлекся перекрестным огнем с Гардингом, как вдруг со двора донесся визг собак и скрип полозьев. Кто-то из сидящих у двери выглянул.

— Это Сэм с товарищем. Они точно сумасшедшие несутся по дороге к Стьюарту,—сообщил он.

С полминуты никто не произносил ни слова, все многозначительно переглядывались, и в переполненной комнате чувствовалось всеобщее волнение. Уголком глаза Смок видел Брека, Люси и ее мужа, которые о чем-то перешептывались.

— Послушайте-ка вы,—грубо сказал Шэнк Уильсон, обращаясь к Смоку.—Сократите ваши вопросы. Мы отлично понимаем, на что вы напираете,—что тот берег не был обыскан. Свидетель это допускает. Мы допускаем это. В этом нет необходимости. К тому берегу не вело никаких следов. Снег был нетронутый.

— Но на том берегу все-таки был человек,—настаивал Смок.

— Не слишком увлекайтесь, молодой человек. Нас не так уж много на Мак-Квестшен, и мы всех знаем наперечет.

— Кто был тот человек, которого вы выгнали две недели тому назад?—спросил Смок.

— Алонзо Мирамар. Мексиканец. Какое отношение имеет к вам этот воришка?

— Никакого решительно. Разве только, что его вы не приняли в расчет, господин судья.

— Он пошел вниз по реке, не вверх.

— Почем вы знаете, куда он пошел?

— Я видел, когда он уходил.

— И это все, что вы знаете о его судьбе?

— Нет, не все, молодой человек. Я знаю, да и все мы знаем, что пищи у него было с собой на четыре дня, и что у него не было ружья, чтобы стрелять дичь. Если бы он не пошел в поселок на Юконе, он бы давно умер с голоду.

— Повидимому, в этой местности у вас все ружья сосчитаны?—ядовито заметил Смок.

Шэнк Уильсон вышел из себя.

— Можно подумать, что обвиняемый я, так вы засыпаете меня вопросами. Следующий свидетель! Куда же делся француз Луи?

Пока француз Луи пробирался вперед, Люси отворила дверь.

— Куда вы?—спросил Шэнк Уильсон.

— А зачем мне здесь сидеть?—отвечала она вызывающе.—Голосовать мне нельзя, а кроме того моя хижина так набита народом, что в ней дышать трудно.

Через несколько минут муж последовал за ней. Когда дверь со стуком затворилась, судья заметил, что кто-то вышел.

— Кто это?—спросил он, прерывая показания Пьера.

— Билль Пибоди,—ответил кто-то.—Он сказал, что ему нужно спросить о чем-то жену, и что он скоро вернется.

Вместо Билля вернулась Люси, сняла свою меховую шубу и уселась на свое место возле печки.

— Я думаю, нам незачем выслушивать показания остальных свидетелей,—решил Шэнк Уильсон, когда Пьер кончил.—Мы знаем, что они подтвердят те же факты, которые нам и так известны. Слушай, Соренсен, пойди и позови Билля Пибоди. Мы сейчас вынесем приговор. Теперь, незнакомец, можете сказать все, что вы хотите. А мы, чтобы не терять попусту времени, пустим по рукам два ружья, патроны и пулю, которой было совершено убийство.

Во время рассказа Смока о том, как он попал в эти края, и в самый разгар описания нападения на него из засады и бегства его на берег, его прервал негодующий голос Шэнка Уильсона:

— Молодой человек, какой смысл в этом вашем рассказе? Вы только зря отнимаете драгоценное время. Понятно, вы имеете право лгать для спасения своей шкуры, но только мы не такие дураки, за каких вы нас считаете. Ружье, патроны, пуля, которой был убит Джо Кинэд, все говорит против вас... Что там такое? Отворите дверь!

Морозное облако ворвалось в комнату; оно приняло определенную форму и субстанцию в жаркой атмосфере, и в отворенную дверь донесся визг собак, который скоро замер вдали.

— Это Соренсен и Пибоди!—крикнул кто-то.—Они погнали собак вниз по реке.

— Какого чорта...—Шэнк Уильсон так и остался с раскрытым ртом и посмотрел на Люси.—Объясните нам, мистрисс Пибоди.

Она покачала головой и сжала губы, и подозрительный и негодующий взгляд Шэнка Уильсона перешел на Брека.

— И я думаю, что тот новичок, с которым вы перешептывались, тоже мог бы объяснить нам кое-что, если бы захотел.

Положение Брека было не из приятных; все взоры устремились на него.

— Сэм сговаривался с ним о чем-то, прежде чем уйти,—заявил кто-то.

— Послушайте, мистер Брек,—продолжал Шэнк Уильсон,—вы прервали наше заседание и поэтому извольте объяснить, в чем дело. О чем вы шептались?

Брек нерешительно откашлялся и отвечал:

— Я хотел купить немного муки.

— На что?

— Понятно, на песок.

— Откуда он у вас взялся?

Брек молчал.

— Он вынюхивал что-то в верховьях Стьюарта,—ответил за него какой-то старатель.—Я наткнулся на его стоянку с неделю тому назад, когда охотился. И должен вам сказать, что он имел очень таинственный вид.

— Песок не оттуда,—сказал Брек.—Там у меня только проект одного гидравлического сооружения.

— Выкладывайте ваш мешок и показывайте песок!—скомандовал Уильсон.

— Уверяю вас, песок не оттуда.

— Все равно, покажите его.

Брек собирался было ослушаться, но со всех сторон его окружали угрожающие лица. Неохотно он начал рыться в своем кармане. В то время как он вытаскивал банку из-под перца, она стукнула обо что-то твердое.

— Выкладывайте все!—прогремел Уильсон.

И тут появился на свет самородок величиною в два кулака и такой желтизны, какой никогда не видал еще ни один из присутствующих. Шэнк Уильсон раскрыл рот от изумления. С полдюжины золотоискателей при виде его кинулись к двери; ругаясь и толкаясь, протискивались они сквозь узкую дверь. Судья высыпал содержимое банки из-под перца на стол, и при виде кусков золота еще шесть человек бросились к двери.

— Куда ты?—спросил Гардинг, когда Шэнк приготовился последовать их примеру.

— За собаками, ясно.

— А вешать его?

— Это отнимет слишком много времени. Подождет, когда мы вернемся. Будем считать, что суд отложен. Сейчас нельзя терять времени.

Гардинг стоял в нерешительности. Он бросил свирепый взгляд на Смока, увидел Пьера, который из-за двери делал знаки Луи, кинул последний взгляд на самородки на столе и окончательно решился.

— Не воображайте, что вам удастся улизнуть!—кинул он через плечо Смоку.—Впрочем, я заберу ваших собак.

— Что случилось?—Опять какая-нибудь проклятая заявка?—спросил слепой охотник странным фальцетом, когда в хижину ворвались голоса людей, лай собак и скрип саней.

— Наверное,—отвечала Люси.—Я никогда не видала такого золота. Возьмите его в руку, дедушка.

Она положила самородок старику в руку. Но он не проявил ни малейшего интереса.

— Какая это была чудесная пушная страна,—сказал он жалобно,—пока не появились эти проклятые золотоискатели и не испортили ее.

Отворилась дверь, и вошел Брек.

— Ну, вот,—сказал он,—от всего лагеря остались только мы четверо. До Стьюарта сорок миль по тому пути, который я проложил, и самые прыткие не вернутся раньше чем через пять-шесть дней. Собирайтесь, Смок, и притом как можно скорее!

Брек перерезал охотничьим ножом ремни, связывавшие Смока, и взглянул на женщину.

— Надеюсь, вы ничего не имеете против?—спросил он с изысканной любезностью.

— Если тут собираются стрелять,—прервал его слепой старик,—то пусть сначала кто-нибудь отведет меня в другую хижину.

— Делайте свое дело и не обращайте на меня внимания,—сказала Люси.—Если я недостаточно хороша для того, чтобы повесить человека, то, вероятно, я не гожусь также и для того, чтобы задержать его.

Смок встал, потирая себе руки в тех местах, где ремни нарушили кровообращение.

— Я приготовил для вас кое-что,—сказал Брек,—провиант на десять дней, одеяла, спички, табак, топор и ружье.

— Отправляйтесь, незнакомец,—прибавила Люси,—и старайтесь держаться возвышенных мест. Поезжайте как можно скорее.

— Перед дорогой мне хотелось бы подкрепиться как следует,—проговорил Смок.—А если я поеду, то поеду я вверх по Мак-Квестшену, а не вниз. Я хотел бы, чтобы и вы отправились со мной, Брек. Мы поищем на том берегу человека, который действительно совершил убийство.

— Если вы послушаетесь меня, то вы поедете вниз по Стьюарту и по Юкону,—заметил Брек.—Когда эта шайка вернется обратно с моей гидравлической установки, к ней лучше не подступайся.

Смок засмеялся и покачал головой.

— Я не могу бежать из этой страны, Брек, у меня тут дела. Мне нужно остаться и все выяснить. Не знаю, поверите вы мне или нет, только я нашел Озеро Неожиданностей. Это золото оттуда. К тому же они угнали моих собак, и я должен дождаться их возвращения. Я знаю, что говорю. На том берегу прятался человек. И он был достаточно близко, чтобы стрелять в меня почти в упор.

Полчаса спустя, сидя перед тарелкой с куском жареного лося и поднося ко рту большую кружку кофе, Смок вдруг приподнялся со своего места. Он первый услыхал шум. Люси отворила дверь.

— Алло, Спайк! Алло, Мэтоди!—приветствовала она двух запушенных инеем мужчин, которые стояли, наклонившись над поклажей в санях.

— Мы из Верхнего Лагеря,—проговорил один из них, в то время как они неверными шагами входили в комнату, внося какой-то завернутый в меха предмет, с которым они обращались с необыкновенной бережностью.—И вот что мы нашли на дороге. Надеюсь, он в сохранности.

— Положите его на эту скамью,—сказала Люси.

Она наклонилась и откинула меха, открыв лицо, на котором, казалось, не было ничего, кроме огромных, широко раскрытых черных глаз.

— Да ведь это Алонзо!—воскликнула она.—Ах он, несчастный, он умирает с голоду!

— Это и есть человек с другого берега,—сказал вполголоса Смок Бреку.

— Мы нашли его, когда он обчищал кладовую, оставленную, должно быть, Гардингом,—пояснил один из прибывших.—Он ел сырую муку и мороженое сало, и когда мы его забрали, он визжал и кричал словно ястреб. Взгляните на него. Он изголодался вконец; ноги и руки у него отморожены. Того и гляди помрет.

Полчаса спустя, когда меха закрыли лицо неподвижной человеческой фигуры на скамье, Смок обратился к Люси:

— Если вы ничего не имеете против, мистрисс Пибоди, я съел бы еще кусок жаркого. Только потолще и не слишком прожаренный.

СОСТЯЗАНИЕ НА ПЕРВЕНСТВО

I

— Гм! Облачаешься в праздничное одеяние?

Малыш наблюдал за своим товарищем с напускным неодобрением, и Смок, делавший тщетные попытки расправить складки на брюках, которые только что надел, был сильно раздражен.

— Они тебе, наверное, узки, не на тебя ведь сшиты!—продолжал Малыш.—Сколько заплачено?

— Сто пятьдесят за весь костюм,—отвечал Смок.—Он был почти с меня ростом, тот человек. Мне показалось, что это весьма сходная цена. Чего ты ворчишь?

— Кто? Я? И не думаю! Я как раз размышлял о том, что и повезло же некоему «медвежатнику», который явился в Даусон верхом на льдине, без припасов, с одной только сменой белья, с одной парой изношенных мокассинов и верхним платьем, которое имело такой вид, будто выдержало несколько крушений на море. А теперь! Прекрасный вид, товарищ! Превосходный вид! Скажи-ка мне...

— Что тебе еще нужно?—спросил Смок недовольно.

— Как ее зовут?

— Да тут вовсе и нет никакой ее, мой друг. Я приглашен на обед к полковнику Боуи, если тебе непременно нужно знать. Я понимаю в чем дело, Малыш! Ты завидуешь, что я приглашен в высшее общество, а ты нет.

— Ты не опоздаешь?—заботливо спросил Малыш.

— Не понимаю, о чем ты говоришь?

— К обеду. Они уже, наверное, будут сидеть за ужином, когда ты до них доберешься.

Смок хотел было ответить с преувеличенным сарказмом, но вдруг заметил особый блеск в глазах собеседника. Он продолжал одеваться, завязывая пальцами, утратившими прежнюю ловкость, галстук виндзорским узлом у ворота своей мягкой бумажной рубашки.

— Экая досада, что я отправил все свое крахмальное белье в прачечную,—сочувственно пробормотал Малыш,—а то я нарядил бы тебя.

В эту минуту Смок старался натянуть на ноги ботинки. Шерстяные носки были чересчур толсты, и он с умоляющим видом посмотрел на Малыша, но тот только покачал головой.

— Нет. Если бы у меня и нашлись тонкие носки, я ни за что не дал бы их тебе. Полезай обратно в мокассины, товарищ. Ты наверное отморозишь себе пальцы в этаких тонких штуках.

— Я заплатил за них пятнадцать долларов, за подержанные,—жалобно произнес Смок.

— Мне сдается, что там не будет ни одной души не в мокассинах,—сказал Малыш.

— Но там будут женщины, Малыш! Я буду сидеть и есть рядом с настоящими живыми женщинами. С миссис Боуи и еще с другими, так мне сказал полковник.

— Ну, что же, мокассины не испортят им аппетита,—решил Малыш.—Хотелось бы мне знать, зачем ты понадобился полковнику?

— Право, не знаю. Может быть, он слыхал об открытии мною Озера Неожиданностей? Осушка его будет стоить целое состояние, а Гуггенхеймы ищут, куда бы пристроить свои капиталы.

— Пожалуй, что оно самое. Говорю тебе, держись мокассинов. Ну! Куртка-то у тебя морщит и чуточку узковата. Будь поосторожнее насчет еды. Если ты будешь много лопать, то она, чего доброго, треснет. И если которая-нибудь из этих самых женщин невзначай уронит платок, пусть себе лежит на полу. Не вздумай поднимать. Что бы там ни было, не наклоняйся!

II

Как подобает специалисту, получающему высокий оклад, и представителю крупной фирмы Гуггенхеймов, полковник Боуи занимал одну из лучших хижин в Даусоне. Выстроенная из четырехугольных, обтесанных грубо бревен, в два этажа, она отличалась такими необыкновенными размерами, что могла похвастать просторной парадной комнатой, предназначенной исключительно для гостей.

На грубом досчатом полу были разложены медвежьи шкуры, на стенах висели рога лосей и оленей. Здесь гудел открытый камин и красовалась печь, отапливаемая дровами. И здесь-то Смок встретился с избранным обществом Даусона—не с какими-нибудь миллионерами от лопаты, но сверх-сливками города золотоискателей, население

которого было собрано со всего света: с мужчинами в роде Уорбэртона Джонса, исследователя и писателя; капитана Консадайна из конной полиции; Хаскелля, комиссара по золотым делам Северо-Западной Территории, и, наконец, барона фон-Шредера, любимца императора, с международной репутацией дуэлиста.

Тут же он встретился с Джой Гастелль, ослепительной в вечернем туалете, с которой он до сих пор встречался только в пути, когда она была закутана в меха и обута в мокассины. За обедом он очутился рядом с ней.

— Я чувствую себя, точно рыба, вытащенная из воды,—признался он.—Все так великолепно здесь. Мне и во сне не снилось, что в Клондайке может существовать такая чисто восточная роскошь. Взгляните, например, на фон-Шредера—он в жакете, а у Консадайна крахмальная рубашка. Я заметил, что у него вместе с тем мокассины. А как вам нравится м о я экипировка?

И Смок повел плечами, как бы охорашиваясь перед Джой.

— Вы производите такое впечатление, будто растолстели с тех пор, как перевалили через Чилькут,—проговорила она со смехом.

— Нет, не угадали. Угадывайте дальше.

— С чужого плеча?

— Отгадали. Я купил его у одного из клэрков акционерной компании.

— Какой позор, что у клэрков такие узкие плечи,—проговорила Джой.—Но вы ничего не сказали еще, как вам нравится м о я экипировка.

— Не в силах!—сказал он.—Я сражен. Я слишком долго прожил здесь, в снегах. Такого рода вещи сражают меня, точно ударом. Я почти забыл, что у женщин есть руки и плечи. Завтра утром, подобно моему другу Малышу, я проснусь в полной уверенности, что это был сон. В последний раз, когда я встретился с вами на Бабьем ручье...

— Я была настоящей бабой?—докончила она.

— Нет, я не то хотел сказать. Я вспомнил, что на Бабьем ручье я сделал открытие, что у вас есть ноги.

— И я никогда не забуду, что вы спасли мне их,—проговорила она.—С тех пор мне хотелось увидеться с вами, чтобы поблагодарить вас...—Он с умоляющим видом пожал плечами.—И вот почему вы сегодня здесь...

— Вы попросили полковника пригласить меня?

— Нет,—миссис Боун. И я попросила ее посадить вас рядом со мной. И это вышло очень удачно. Все заняты разговором. Слушайте меня и не прерывайте. Вы знаете речку Моно?

— Да.

— Оказывается, там скрыты богатства, огромные богатства. Каждая заявка оценивается в миллион долларов и больше. Участки были заняты только на-днях.

— Как же, помню—все ринулись туда.

— Да, речка вся была истыкана столбами и притоки также. И оказывается, что на участок «Номер Три», ниже Пробного, заявки еще не сделано. Речка находится так далеко от Даусона, что комиссар установил шестидесятидневный срок для подачи заявки. На все участки заявки сделаны, кроме «Номера Три». Он был занят каким-то Сайрэсом Джонсоном. Потом этот Сайрэс Джонсон исчез. Умер он или отправился вверх или вниз по реке—этого никто не знает. Как бы то ни было, а через шесть дней наступает срок подачи заявки, и тот, кто займет этот участок и первым придет в Даусон и сделает заявку, получит его в собственность.

— Миллион долларов!—пробормотал Смок.

— Джилькрист, которому принадлежит соседний участок, пониже, промыл на шестьсот долларов в одном тазу. А участок с другой стороны еще богаче. Я знаю.

— Но почему же не все знают об этом?—недоверчиво спросил Смок.

— Понемногу все узнают. Тайна этого участка долго сохранялась и только теперь выходит наружу. За хорошую упряжку через какие-нибудь двадцать четыре часа будут платить безумные деньги. Вот что я вам скажу: вы должны уйти, как только кончится обед. Я это устроила. За вами придет индеец с письмом. Вы прочитаете его, сделаете вид, будто у вас есть какое-то дело, извинитесь и уйдете.

— Я... гм... я... нет, я не уйду.

— Глупости!—воскликнула она, понижая голос.—Вы сегодня же ночью должны позаботиться о собаках. Я знаю две упряжки. Упряжка Хансона—семь больших гудсоновских собак; он расценивает их по четыреста за каждую. Для сегодняшнего дня это цена высокая, но не для завтрашнего. И еще у Ситки Чарлея есть восемь малемутов, за которых он просит три тысячи пятьсот. Завтра он засмеется, если ему предложат пять тысяч. Кроме того, ваши собственные собаки. Придется вам купить еще несколько упряжек. И все это надо сделать сегодня же ночью. Постарайтесь раздобыть самых лучших. Исход этого состязания в одинаковой мере зависит как от собак, так и от людей. Всего сто десять миль, и подставы надо разместить как можно чаще.

— О, я вижу, вы хотите впутать меня в эту историю,—протянул Смок.

— Если у вас нет денег на собак, то я...

Она запнулась, но прежде чем она успела договорить, Смок сказал:

— Нет, я могу купить собак. Но, гм... вы не боитесь, что это предприятие рискованное?

— После ваших подвигов в «Элькгорне»,—возразила она,—мне кажется, вам нечего бояться. Это своего рода спорт, состязание на миллион и притом с лучшими погонщиками собак во всей стране. Сейчас они еще не являются вашими соперниками, но завтра в это время они уже будут ими, и собаки будут стоить дороже, чем может заплатить за них самый богатый человек. Большой Олаф уже в городе. Он приехал сюда из Серкл-Сити месяц назад. Он один из самых замечательных погонщиков собак во всей стране, и если он примет участие, то он будет вашим самым опасным соперником. Потом еще Билль из Аризона. Он долгие годы был профессионалом-перевозчиком и почтовым курьером. Если и он будет состязаться, то весь интерес будет сосредоточен на нем и на Большом Олафе.

— И вы хотите выпустить меня в качестве никому не известной лошаденки?

— Вот именно. В этом есть свои хорошие стороны. Никому и в голову не придет заподозрить в вас серьезного соперника. В конце концов за вами до сих пор еще сохранилась репутация чечако. Вы не прожили здесь еще и года. Никто не обратит на вас никакого внимания до той минуты, пока вы не станете обгонять соперников на обратном пути.

— И вот тут-то лошаденке и придется показать себя, не так ли?

Она кивнула головой и продолжала серьезно:

— Имейте в виду, что я не прощу себе того, что сделала с вами на Бабьем ручье, если вы не выиграете этой заявки на Моно. И если вообще кто-нибудь может выйти победителем в состязании со старожилами, так это только вы!

Все дело было в тоне, каким она это произнесла. Смок почувствовал, как горячая волна прилила к его сердцу и к голове. Он кинул на нее быстрый пытливый взгляд, и когда взоры их встретились, ему казалось, что он прочел в ее глазах нечто гораздо более важное, чем известие о том, что Сайрэс Джонсон не сделал заявки на свой участок.

— Хорошо,—сказал он,—я приду первым!

Радостный блеск в ее глазах, казалось, сулил ему бо̀льшие богатства, чем все золото на Моно. Он уловил движение ее руки, лежавшей у него на коленях, и, под прикрытием скатерти, протянул свою и встретился с женской рукой, крепко пожавшей его руку. И от этого пожатия по его телу пробежала новая горячая волна.

«Что-то скажет на это Малыш?»—неожиданно мелькнуло у него в голове, когда он отнял свою руку. Он ревнивым взглядом скользнул

по лицам фон-Шредера и Джонса и втайне подивился, как это они не разгадали до сих пор, какая замечательная и чудесная женщина сидит возле него.

Он пришел в себя при звуках ее голоса и сообразил, что она ему что-то говорит.

— Дело в том, что Билль из Аризона белый индеец,—говорила она.—А Большой Олаф, этот охотник на медведей и король снегов,— настоящий дикарь. Он может забить любого индейца своей выдержкой и выносливостью, он не знает никакой другой жизни, кроме этой жизни среди пустыни и холода.

— О ком это вы говорите?—вмешался в разговор капитан Консадайн с другого конца стола.

— О Большом Олафе,—отвечала она.—Я рассказывала мистеру Беллью про его замечательную выносливость в пути.

— Да, вы правы,—загудел голос капитана,—Большой Олаф—это самый замечательный ходок на Юконе. Я готов ставить за него против самого нечистого, когда дело касается продвижения среди снегов и льдов. В 1895 году он доставил казенную почту после того, как два курьера замерзли на Чилькуте, а третий утонул около Тридцатой Мили.

III

Смок не торопясь ехал на ручей Моно, чтобы не утомить собак перед состязанием. Кроме того, он знакомился с каждой милей пути и с расположением подстав. Набралось так много желающих принять участие в состязании, что сто десять миль представляли собой сплошь населенную местность. Повсюду вдоль дороги были расставлены подставы. У фон-Шредера, участвующего в состязании исключительно ради спорта, было не менее одиннадцати упряжек—по свежей смене на каждые десять миль. Билль из Аризона удовольствовался восемью. У Большого Олафа было семь,—столько же, сколько у Смока. В общем участников состязания было свыше сорока человек. Не каждый день, даже на Золотом Севере, миллион долларов выставлялся призом на собачьих бегах. Страна лишилась всех своих собак. Ни одно животное, отличавшееся скоростью бега и выносливостью, не миновало зубьев частого гребня, который расчесал все ущелья и равнины, выискивая собак, и цены на них выросли вдвое, даже вчетверо во время этой ожесточенной спекуляции.

«Номер три», ниже Пробного участка, находился на расстоянии десяти миль вверх по Моно от устья. Остальные сто миль нужно было проделать по замерзшему руслу Юкона. На «Номере Три» было раскинуто пятьдесят палаток и стояло свыше трехсот собак. Старые столбы, вбитые шестьдесят дней тому назад Сайрэсом Джонсоном,

все еще были на своих местах, и каждый из участников то и дело переходил на территорию заявки, потому что состязанию на собаках должно было предшествовать состязание в беге с препятствиями. Каждый должен был сам занять заявку, а это означало, что он должен был вбить два столба посередине, четыре по углам и дважды перебежать через речку, прежде чем он мог отправиться в Даусон на собаках.

Кроме того, не должно было быть «выскочек». К занятию участка полагалось приступить в ночь на пятницу. Первый столб полагалось вбить только тогда, когда пробьет полночь. Таково было распоряжение комиссара по золотым делам в Даусоне, и капитан Консадайн выслал отряд конной полиции для наблюдения за исполнением этого распоряжения. Возник спор по вопросу о различии между временем по солнцу и полицейским временем, но капитан Консадайн распорядился, чтобы в расчет было принято полицейское время, и именно по часам лейтенанта Поллока.

Дорога по Моно вдоль ровного русла речки была менее двух футов ширины и напоминала жолоб. По бокам стеной стояли высокие сугробы снега, нанесенные в течение многих месяцев. Вопрос о том, каким образом сорок с лишним саней и триста собак уместятся в этом узком жолобе, занимал все умы.

— Знаешь что,—сказал Малыш,—тут заварится такая дьявольская каша, какой свет еще не видывал. По-моему, Смок, остается только одно: пустить в ход силу и кулаки и пробиваться вперед. Если бы вся речка была покрыта чистым льдом, то на ней нехватило бы места и дюжине упряжек в ряд. И мне только что пришло в в голову, что тут завяжется здоровая свалка, прежде чем сани вытянутся вереницей. Если и мы попадем в эту свалку, то позволь мне расправиться с ними и пустить в ход кулаки.

Смок расправил плечи и засмеялся, видимо, не соглашаясь с этим.

— Нет, нет!—крикнул Малыш в сильном волнении.—Что бы ни случилось, ты не должен вмешиваться. Ты не сможешь целых сто миль править собаками сломанной рукой, а это так и будет, если ты заедешь кому-нибудь в челюсть.

Смок кивнул.

— Ты прав, Малыш. Рисковать страшно.

— И еще запомни,—продолжал Малыш,—что я буду пробивать тебе путь первые десять миль, а ты сиди спокойно, и не волнуйся. Я доставлю тебя на Юкон, будь покоен. А там уж дело за тобой и за собаками. Знаешь, что придумал Шредер? Первая упряжка будет стоять у него за четверть мили вниз по речке, и он узнает ее по зеленому фонарю. Но мы его перехитрим. Я всегда предпочитал красный цвет.

IV

Днем было ясно и холодно, но облачная завеса задернула небо, и ночь спустилась теплая и темная, предвещая снег. Термометр показывал пятнадцать градусов ниже нуля, а для зимы в Клондайке пятнадцать градусов—это очень тепло.

За несколько минут до наступления полуночи Смок оставил Малыша с собаками в пятистах ярдах вниз по речке и присоединился к остальным участникам состязания за «Номер Три». Сорок пять человек ожидали начала состязания на приз в миллион долларов, которые Сайрэс Джонсон оставил нетронутыми в мерзлой земле. У каждого из участников было по шесть столбов и по деревянному молотку. Одеты они были в напоминающие рубашку парки, но не из меха, а из грубой домотканой материи.

Лейтенант Поллок в тяжелой медвежьей шубе смотрел на часы при свете костра. До полуночи оставалась одна минута.

— Готовься!—скомандовал он, поднимая в правой руке револьвер и следя за секундной стрелкой.

Сорок пять капюшонов от парк были отброшены назад. Сорок пять пар рук сбросили рукавицы и сорок пять пар мокассинов крепко уперлись в утоптанный снег. Потом сорок пять столбов опустились в снег и такое же количество молотков было поднято в воздух.

Грянули выстрелы, и молотки ударили. Право Сайрэса Джонсона на миллион было утеряно. Чтобы избегнуть сутолоки, лейтенант Поллок настоял на том, чтобы сначала был вбит нижний центральный столб, потом юго-западный, и так далее по всем углам, и затем уж под конец верхний центральный столб возле самого пути.

Смок вбил свой столб и побежал в числе первых двенадцати человек. По углам горели костры, и у каждого костра стоял полисмен со списком в руке, отмечая имена состязающихся. Каждый из участников должен был назвать свое имя и показать полисмену свое лицо. Это делалось для того, чтобы столбы не вбивались подставными лицами, в то время как настоящие участники мчались вниз по реке.

В первом углу, возле столба Смока фон-Шредер вбил свой. Их молотки ударили одновременно. Когда столбы были вбиты, сзади подоспели другие участники, и они бежали с такой беспорядочной стремительностью, точно нарочно хотели помешать друг другу и создать драку и толкотню. Пробившись среди давки и назвав свое имя полисмену, Смок увидел, как один из участников налетел на барона, сбил его с ног, и тот повалился в снег. Но Смок не остановился. Впереди него были еще другие. При свете гаснущего костра ему показалось,

что он видит неясные очертания спины Большого Олафа, и в юго-западном углу он и Большой Олаф вбили свои столбы рядом.

Этот предварительный бег с препятствиями был нелегким делом. Границы участка в общем составляли около мили, и большая часть ее представляла собой неровную поверхность, покрытую снегом. Кругом со всех сторон люди спотыкались и падали, и несколько раз Смок сам падал вперед на руки и на колени. Однажды впереди него Большой Олаф упал так близко, что Смок повалился на него.

Нижний центральный столб был вбит у самого спуска к берегу, и золотоискатели бросились вниз по замерзшему руслу речки на противоположный берег. Здесь, когда Смок карабкался вверх, чья-то рука схватила его за ногу и сбросила вниз. При мерцающем свете отдаленного костра не было никакой возможности увидеть, кто сыграл с ним такую штуку. Но Билль из Аризона, которого постигла та же судьба, поднялся на ноги и ударил обидчика прямо в лицо кулаком, так что раздался хруст. Смок видел и слышал это, поднимаясь на ноги. Однако, прежде чем он успел двинуться к берегу, новый удар кулака повалил его в снег, наполовину оглушив. Он, шатаясь, встал, нашел того человека и размахнулся, чтобы треснуть его по челюсти, потом вспомнил наставление Малыша и удержался. В следующее мгновение чье-то падающее тело ударило его по коленям, и он снова скатился вниз.

Все это было как бы предвкушением того, что должно было произойти после, когда люди доберутся до своих упряжек. Люди потоком устремлялись на противоположный берег и вливались в общую давку. Они кучками карабкались на берег и кучками же стаскивались вниз своими нетерпеливыми товарищами. Сыпались удары, проклятия вырывались из тяжело дышащих грудей, тех, кто еще мог дышать, и Смок, перед глазами которого непонятным образом стояло лицо Джой Гастелль, молил только о том, чтобы не были пущены в ход деревянные молотки. Сбиваемый с ног, попадая под ноги другим, роясь в снегу в поисках за своими столбиками, он в конце концов выбрался из этой давки и вскарабкался на берег немного в стороне. Другие проделали то же самое, и, на счастье Смока, несколько человек бежало впереди него, направляясь к северо-западному углу.

На полдороге к четвертому углу он споткнулся и, падая, уронил свой последний столбик. Целых пять минут он шарил в темноте, прежде чем нашел его, и все время мимо него, тяжело дыша, пробегали соискатели. На пути от последнего угла к речке он начал обгонять тех, для которых пробег в одну милю был не по силам. Внизу на речке царил настоящий бедлам. Около дюжины саней были сбиты в кучу и опрокинуты, и около сотни собак сцепились в ожесточенной драке. Среди них суетились люди, стараясь разнять

вцепившихся друг в друга животных, осыпая их ударами дубин. Окинув беглым взором это зрелище, Смок задал себе вопрос, есть ли среди гротесков Дорэ что-нибудь похожее на эту картину.

Спускаясь прыжками с берега в стороне от скользкого спуска, он выбрался на утоптанный санный путь и благодаря этому выиграл время. Здесь на утоптанных стоянках по сторонам узкой дороги сани и люди стояли в ожидании отставших соискателей. Вдруг сзади послышался визг и лай собак. Смок едва успел отскочить в сторону в глубокий снег. Мимо него пронеслись сани, и он разглядел человека, стоявшего в них на коленях и испускавшего дикие крики. Но не успели сани промелькнуть мимо, как остановились со страшным треском. Разъяренные собаки на одной из стоянок, завидев пробегавшую мимо упряжку, вырвались и набросились на конкурентов.

Смок пробрался вперед. Он увидел зеленый фонарь фон-Шредера и пониже его, рядом, красный огонь, который указывал на место стоянки его собственной упряжки. Двое охраняли собак фон-Шредера; сторожа стояли с короткими дубинами в руках между ними и дорогой.

— Смок, сюда! Сюда, Смок!—услыхал он взволнованный голос Малыша.

— Иду!—крикнул он.

При свете красного фонаря он увидел, что снег весь изрыт и истоптан, и по тяжелому дыханию своего товарища он понял, что тут происходило сражение. Он бросился к саням и во мгновение ока очутился в них. Малыш взмахнул бичом и крикнул:

— Пошли! Эй вы, дьяволы! Живо!

Собаки натянули постромки, и сани бешено сорвались с места и понеслись. Это были большие животные,—гудсоновская призовая упряжка Хансона,—и Смок выбрал ее для первого перегона—десять миль по речке Моно, трудный переход через отмель возле устья и, наконец, первые десять миль по Юкону.

— Сколько впереди?—спросил он.

— Молчи и береги дыхание,—отвечал Малыш.—Го! Эй вы, черти! Пошевеливайтесь! Вперед, вперед!

Он бежал за санями, держась за короткую веревку. Смок не мог видеть его; не видел он также и саней, в которых лежал, растянувшись во весь рост. Огни остались позади, и они неслись, прорывая стену мрака со скоростью, на какую только были способны собаки. Окружающий мрак был почти осязаем и производил впечатление чего-то плотного и вещественного.

Смок почувствовал, как сани, делая невидимый поворот, наехали на что-то впереди, и вслед за тем послышалось рычание собак, проклятия и ругань. Это место впоследствии было известно под названием Теснины Барнея и Слокума. Здесь упряжки этих двух со-

искателей столкнулись, и в них на полном бегу врезались семь огромных собак Смока. Возбуждение этой ночи довело этих полуприрученных волков до состояния исступления. Клондайкские собаки, которыми правят без вожжей, останавливаются обычно только окриком, и не было никакой возможности прекратить грызню, которая завязалась на узкой дороге. Сзади одни сани за другими врезывались в свалку. На людей, которым почти удалось освободить свои упряжки, катилась лавина новых собак, хорошо накормленных, отдохнувших и рвавшихся в бой.

— Ну, теперь пора приниматься за дело и пробиваться вперед!— прокричал Малыш на ухо своему товарищу.—Смотри, береги свои кулаки! Лежи спокойно, я расправлюсь один.

Что случилось в следующие полчаса, в этом Смок так никогда и не мог дать себе отчета. Но в конце концов он выбрался из всего этого, совершенно обессиленный, задыхающийся, с разбитой челюстью, с болью в плече от удара дубиной, чувствуя, как по одной ноге у него струится теплая кровь из раны, нанесенной собачьим клыком; оба рукава его парки были изодраны в клочья. Точно во сне, в то время как позади них еще бушевало сражение, он стал помогать Малышу перепрягать собак. Одну, умирающую, они вырезали из упряжки и в темноте ощупью исправляли поврежденную упряжь.

— Теперь ляг и отдышись хорошенько!—скомандовал Малыш.

И собаки понеслись в темноту—вниз по Моно, пересекли устье и выехали на Юкон. Здесь, при слиянии Моно с великой рекой, кто-то развел костер, и тут Малыш распрощался со Смоком. При свете костра, когда сани понеслись, увлекаемые мчавшимися собаками, Смок запечатлел в своей памяти вторую незабываемую картину Севера: это была фигура Малыша, который шел, шатаясь и прихрамывая, по снегу и посылал Смоку вдогонку бодрящее напутствие; один глаз у него почернел и закрылся, из руки, изодранной собачьими клыками, лилась кровь.

V

— Сколько человек впереди?—спросил Смок, бросая своих усталых гудсоновских собак и перескакивая в ожидавшие его сани на первой подставе.

— Кажется, одиннадцать!—крикнули ему вдогонку, потому что он уже пронесся дальше на своих новых собаках.

Они должны были везти его пятнадцать миль, до следующей смены, которая в свою очередь доставит его до Белой реки. Собак было девять, но эта была его самая слабая упряжка. Двадцать пять миль между Белой рекой и Шестидесятой Милей были разделены

на две смены из-за заторов льда, и тут его ждали две самые сильные, выносливые упряжки.

Он лежал ничком в санях, вытянувшись во весь рост, держась обеими руками за сани. Когда собаки замедляли свой стремительный бег, он поднимался на колени и, крича и гикая, слегка придерживаясь одной рукой, замахивался на них бичом. И как ни плоха была его упряжка, ему удалось обогнать двое саней до Белой реки. Здесь во время ледостава глыбы льда образовали барьер, оставивший на протяжении мили незамерзшее пространство воды, которое потом покрылось гладким льдом. Эта ровная поверхность давала возможность состязающимся менять собак на ходу, и здесь вдоль всего пути стояли наготове свежие смены собак.

Переехав барьер и спустившись на гладкую поверхность, Смок полетел во весь опор и крикнул громким голосом:

— Билли! Билли!

Билли услыхал его и ответил. И при свете нескольких костров на льду Смок увидел сани, которые вынырнули со стороны и понеслись к нему. Собаки были свежие и нагнали его. Когда сани поровнялись, он перепрыгнул в них, и Билли быстро отъехал.

— Где Большой Олаф?—крикнул Смок.

— Впереди!—раздался в ответ голос Билли, и костры остались позади, и Смок снова летел вперед сквозь непроницаемую стену мрака.

Среди ледяных заторов на этом перегоне, где путь шел через хаос навороченных ледяных глыб, Смок соскочил с передка саней и, ухватившись за конец веревки, бежал за коренником. Таким образом, он обогнал трое саней. Повидимому, случилось какое-то несчастье, и он слышал, как люди вырезали из упряжек собак и исправляли сбрую.

Среди ледяных заторов следующего короткого перегона на пути к Шестидесятой Миле он обогнал еще две упряжки. И как бы для того, чтобы дать ему понять, что произошло с ними, его собственная собака вывихнула себе плечо, не в силах была удержаться на ногах и запуталась в сбруе. Ее товарищи, разъярившись, набросились на нее, пустив в ход свои клыки, и Смок принужден был усмирить их тяжелой рукояткой своего бича. Когда он вырезал из упряжки искалеченное животное, он услыхал позади себя лай собак и человеческий голос, который показался ему знакомым. Это был фон-Шредер. Смок крикнул, чтобы предупредить столкновение, и барон, гикнув на своих собак и размахивая шестом, объехал его на расстоянии каких-нибудь двенадцати футов. Мрак был так непроницаем, что Смок слышал, как тот обогнал его, но ничего не видел.

На гладкой поверхности льда возле фактории у Шестидесятой Мили Смок нагнал еще двое саней. Все только что переменили собак,

и в течение пяти минут неслись бок-о-бок. Люди стояли на коленях, осыпая обезумевших животных криками и ударами бича. Смок основательно изучил эту часть пути и во-время заметил большую сосну на берегу, которая едва виднелась при свете нескольких костров. У подножия этой сосны не только царил мрак, тут внезапно обрывалась и гладкая ледяная поверхность. В этом месте, он знал, дорога суживалась до ширины одних саней. Нагнувшись вперед, он схватился за веревку и на бегу притянул сани к кореннику. Затем он ухватил животное за задние ноги и потащил его к себе. С яростным рычанием собака пыталась вонзить в него свои клыки, но была увлечена вперед остальными собаками. Ее тело сыграло роль тормоза, и две другие упряжки, которые все еще шли рядом, ринулись вперед, в темноту узкого прохода.

Смок услыхал оглушительный треск и грохот столкновения, выпустил коренника, схватил шест и погнал свою упряжку вправо, в рыхлый снег, где собаки проваливались по самое горло. Это было страшное мучение, но зато он обогнал столкнувшиеся две упряжки и благополучно выбрался на укатанный путь.

VI

На Шестидесятой Миле Смок получил опять слабую упряжку и хотя дорога была недурна, тем не менее он сократил этот перегон до пятнадцати миль. Две последние упряжки должны были доставить его в Даусон к заявочной конторе, и Смок выбрал для этих последних двух перегонов лучших своих животных.

Ситка Чарлей ожидал его с восемью малемутами, которые должны были перебросить Смока на двадцать миль вперед, а для финиша, с перегоном в пятнадцать миль, была предназначена его собственная упряжка,—упряжка, с которой он не расставался всю зиму и ходил на поиски Озера Неожиданностей.

Те двое, которые столкнулись у Шестидесятой Мили, так и не нагнали его, но, с другой стороны, и его собственная упряжка не могла нагнать ни одного из трех человек, шедших впереди. Его собаки старались изо всех сил, хотя им недоставало выдержки и быстроты, и почти не было необходимости понукать их, чтобы они шли полным ходом. Смоку оставалось только лежать ничком и держаться за сани. Время от времени он вылетал из темноты в кольцо света около пылающего костра, ловил мимолетную картину закутанных в меха людей, стоявших возле запряженных и выжидающих собак, и снова погружался в темноту. Миля за милей он мчался вперед и в его ушах раздавался только визг и лай собак. Почти машинально он удерживался в санях, когда они ныряли и поднимались вверх или

раскатывались на поворотах реки. Три лица, одно за другим, поочереди, без всякой видимой связи и последовательности, вставали в его воображении: лицо Джой Гастелль, улыбающееся и вызывающее; лицо Малыша, изувеченного и замученного в драке на Моно; и, наконец, лицо Джона Беллью, покрытое морщинами, суровое, точно вылитое из стали—так неумолима была его суровость. Временами Смоку хотелось громко закричать и затянуть песнь ликующего торжества, когда он вспоминал редакцию «Волны», свой фельетон из жизни Сан-Франциско, который так и остался неоконченным, и всю никчемность той пустой, бессодержательной жизни.

Брезжил серый утренний рассвет, когда он сменил своих усталых собак на восемь свежих малемутов. Они были легче гудсоновских, могли развить еще большую скорость и неслись с неутомимостью истых волков. Ситка Чарлей назвал ему по порядку имена шедших впереди: Большой Олаф во главе, вторым Билль из Аризона и третьим фон-Шредер. Это были лучшие гонщики во всей стране. Еще до того, как Смок уехал из Даусона, при заключении пари общественное мнение ставило их именно в этом порядке. Они состязались на один миллион, а пари на них были заключены на полмиллиона. Ни один человек не ставил на Смока, который, несмотря на несколько его известных всем подвигов, все-таки считался еще чечако, которому нужно многому поучиться.

Когда рассвело, Смок заметил впереди сани, и через какие-нибудь полчаса его упряжка нагнала их. И лишь тогда, когда человек в санях обернулся, чтобы обменяться приветствиями, Смок узнал в нем Билля из Аризона. Очевидно, фон-Шредер обогнал его. Хорошо укатанная дорога была чересчур узка, по бокам лежал рыхлый снег, и Смоку пришлось еще с полчаса ехать позади. Потом они достигли ледяного затора, за которым начиналось ровное пространство с целым рядом стоянок, где снег был утоптан на довольно большое расстояние. Поднявшись на колени, размахивая бичом и громко крича на собак, Смок выехал вперед. Он заметил, что правая рука у Билля из Аризона висела точно плеть, и что он держал бич в левой руке. У него не было третьей руки, которой он мог бы держаться, и ему постоянно приходилось бросать бич и хвататься за сани, чтобы не быть выброшенным. Смок вспомнил драку на речке у «Номера Три», ниже Пробного, и все понял. Малыш дал ему прекрасный совет.

— Что такое с вами?—спросил Смок, обгоняя Билля из Аризона.

— Право не знаю,—отвечал Билль из Аризона.—Должно быть, я вывихнул себе плечо в драке.

Он медленно начал отставать, и когда впереди показалась следующая подстава, он отстал на целых полмили. Дальше, впереди, виднелись рядом Большой Олаф и фон-Шредер. Снова Смок поднялся

на колени и развил в своих замученных собаках резвость, какую способен был развить лишь человек, обладающий чутьем настоящего погонщика собак. Он подъехал вплотную к задку саней фон-Шредера, и в таком порядке трое саней выехали на гладкую поверхность ниже затора, где стояли в ожидании люди с собаками. Даусон был в пятнадцати милях.

Фон-Шредер с его десятимильными подставами сменил собак за пять миль отсюда и должен был переменить собак в следующий раз через новых пять миль. Он несся вперед, погоняя своих собак полным ходом. Большой Олаф и Смок на ходу переменили свои упряжки, и их свежие собаки сейчас же обогнали барона. Большой Олаф шел впереди, Смок следовал за ним по узкому пути.

«Хорошо, но не так уж хорошо», перефразировал про себя Смок Спенсера.

Фон-Шредер, который теперь шел позади, не был ему страшен. Но впереди шел лучший погонщик собак во всей стране, и обогнать его казалось невозможным. Снова и снова несколько раз под ряд Смок подгонял своего вожака, и каждый раз Олаф делал движение и уходил от него. Смок удовольствовался тем, что не отставал и мрачно следовал за ним. Состязание еще не проиграно—на протяжении пятнадцати миль многое может случиться.

За три мили до Даусона действительно случилось нечто. К великому удивлению Смока, Большой Олаф встал, стараясь выжать проклятиями и ударами бича последнюю унцию сил из своих собак. Это была мера, которая обычно приберегалась на последние сто ярдов и никогда не практиковалось за три мили до финиша. Несмотря на то, что это была явная гибель для собак, Смок последовал его примеру. Его собственная упряжка была прямо великолепна. Ни одна упряжка на Юконе не была так хорошо тренирована и не содержалась в лучших условиях. Помимо этого, Смок работал вместе с ними, ел и спал вместе с ними, хорошо знал индивидуальность каждой собаки, знал, как лучше использовать ум каждой из них и как лучше вытянуть из них последний запас сил.

Они поднялись на новый ледяной затор и затем спустились на ледяную поверхность. Большой Олаф шел впереди на расстоянии каких-нибудь пятидесяти футов. Вдруг сбоку показались сани и направились прямо к нему, и тут Смок нашел объяснение для крутой меры Олафа. Он хотел выйти вперед до новой смены собак. Эта свежая подстава, которая должна была доставить его в Даусон, была своего рода сюрпризом для всех. Даже люди, ставившие на него, и те ничего не знали о ней.

Смок напряг все свои силы, чтобы опередить противника, пока тот менял собак. Пустив своих собак во всю мочь, Смок покрыл

отделявшее их друг от друга расстояние. Взмахами и ударами бича он заставил их взять в сторону, и его вожак поровнялся с коренником Большого Олафа и побежал рядом. С другой стороны, вровень с ними, шли сани для смены. При той скорости, с какой они шли, Большой Олаф не решался перескочить на ходу. Если бы он промахнулся и упал, Смок вышел бы вперед, и состязание было бы проиграно.

Большой Олаф сделал еще одно усилие, чтобы выдвинуться, и великолепно выбросил своих собак вперед, однако, вожак Смока продолжал итти вровень с его коренником. С полмили трое саней неслись рядом. Гладкое пространство подходило к концу, когда Большой Олаф решился, наконец, попытать счастье. Когда сани на полном ходу приблизились друг к другу, он прыгнул и очутился на коленях, гиканьем и взмахами бича погоняя свежую упряжку. Открытое пространство переходило в узкую дорогу, и, погнав своих собак, он въехал на этот путь, опередив своего соперника на какой-нибудь ярд.

«Человек не считается побежденным, пока он не побежден», решил Смок, и как ни старался Большой Олаф, он так и не мог оторваться от Смока. Ни одна из упряжек, которыми в эту ночь управлял Смок, не могла бы выдержать бешеной резвости, которую развила свежая смена собак,—ни одна упряжка, кроме его собственной. И, тем не менее, эта скорость в конце концов доконала и ее, и когда он огибал утес возле Клондайк-Сити, он почувствовал, что последние силы оставляют его собак. Незаметно они стали отставать, и фут за футом Большой Олаф стал уходить вперед, пока не ушел на целых двадцать ярдов.

Население Клондайк-Сити, собравшееся на льду, встретило их восторженными криками. В этом месте Клондайк впадает в Юкон, и в полумиле отсюда на северном берегу находился Даусон. Снова послышался взрыв громких криков, и Смок заметил сани, которые летели прямо к нему. Он узнал великолепных собак: это были собаки Джой Гастелль. И сама Джой Гастелль правила ими. Капюшон ее кожаной парки был откинут назад, и овал ее лица, напоминающий камею, вырисовывался на фоне густой массы волос. Рукавицы были сняты, и она обнаженными руками сжимала бич и край саней.

— Прыгайте!—крикнула она, когда ее вожак поровнялся с вожаком Смока.

Смок прыгнул в сани позади нее. Сани покачнулись от тяжести его тела, но она устояла на коленях, размахивая бичом.

— Эй, вы! Пошевеливайтесь! Чук! Чук!—кричала она, и собаки визжали и лаяли, горя желанием обогнать Большого Олафа.

А потом, когда ее вожак поровнялся с санями Большого Олафа и ярд за ярдом выдвигался вперед, огромная толпа народа на берегу

Даусона окончательно обезумела. Толпа и в самом деле была огромная, потому что все золотоискатели побросали свои инструменты на берегу речек и явились сюда, чтобы присутствовать при исходе состязания.

— Когда вы выйдете вперед, я соскочу!—крикнула Джой через плечо Смоку.

Смок попытался было протестовать.

— И не забывайте крутого поворота!—предупредила она его.

Обе упряжки бежали теперь рядом, отделенные шестью-семью футами. Большому Олафу удалось подогнать свою упряжку бичом и криками. Но постепенно, по дюйму, вожак Джой стал выдвигаться вперед.

— Готовьтесь!—крикнула она Смоку.—Сейчас я оставлю вас! Берите бич!

И в тот самый момент, когда он менял руку, чтобы взять бич, раздался предостерегающий крик Большого Олафа. Но было уже поздно. Его вожак, разъяренный тем, что его перегоняют, ринулся в атаку и вонзил свои клыки в бок вожаку Джой. Затем все собаки вцепились друг другу в горло. Сани наехали на дерущихся собак и опрокинулись. Смок с трудом поднялся на ноги и бросился поднимать Джой, но она оттолкнула его, крикнув:

— Бегите!

Впереди на расстоянии пятидесяти футов уже бежал Большой Олаф, твердо решивший выйти победителем из состязания. Смок повиновался, и когда оба противника добрались до начала подъема на Даусон, Смок настиг своего соперника. Поднимаясь на крутой берег, Большой Олаф сделал усилие, рванулся вперед и выиграл около двенадцати футов.

За пять кварталов по главной улице находилась заявочная контора. Улица была запружена народом, точно на параде. Не так-то легко было Смоку нагнать своего гиганта-соперника, а когда он его нагнал, то опередить его было уже невозможно. Бок-о-бок бежали они по узкому проходу среди плотных стен закутанных в меха людей, испускающих возгласы и крики. То один из них, то другой большим судорожным прыжком выдвигался вперед на какой-нибудь дюйм, лишь для того, чтобы сейчас же потерять его.

Если та скорость, с которой они неслись раньше, была убийственна для собак, та скорость, которую они развили теперь, была не менее убийственна для них самих. Но ведь тут дело шло о миллионе долларов и о великом почете на Юконе. Единственное внешнее впечатление, воспринятое Смоком во время последнего бешеного бега, было чувство удивления, что в Клондайке так много народу. До сих пор ему никогда не приходилось видеть всех зараз.

Невольно он замедлил бег, и Большой Олаф рванулся вперед. Смоку казалось, что у него сейчас лопнет сердце, и он уже совершенно не чувствовал под собой ног. Он знал только одно, что ноги летят под ним, но он не отдавал себе отчета, каким образом он заставляет их лететь и как ему удалось сделать над собой усилие воли и заставить их донести себя до своего гиганта-соперника.

Впереди показалась открытая дверь заявочной конторы. Оба соперника сделали последнее, ничтожное и напрасное усилие. Ни один из них не мог опередить другого, и бок-о-бок они подбежали к двери, столкнулись друг с другом и растянулись на полу конторы.

Они сели, но встать были не в силах. Большой Олаф, обливаясь потом, тяжело дышал, ловя воздух раскрытым ртом и тщетно стараясь выговорить что-то. Затем он протянул руку; в значении этого движения нельзя было ошибиться. Смок протянул свою руку, и противники соединились в крепком рукопожатии.

— Ну, и задали же вы жару!—услыхал Смок слова комиссара по золотым делам, но это было точно во сне, и голос был какой-то слабый и далекий.—И я могу сказать одно: вы оба выиграли. Придется вам поделить участок пополам. Вы компаньоны!

Две руки поднялись вверх, потом опустились в знак того, что это решение утверждено. Большой Олаф весьма выразительно закивал головой и забормотал что-то. Наконец ему удалось проговорить:

— Проклятый вы чечако!—прошептал он, но в этих словах звучало восхищение.—Не знаю, как вы это сделали, но все же вы это сделали.

Перед конторой на улице гудела огромная толпа, и помещение конторы было битком набито людьми. Смок и Большой Олаф сделали попытку встать и помогли друг другу. Смок чувствовал в ногах страшную слабость и зашатался точно пьяный. Большой Олаф тоже был нетверд на ногах.

— Мне очень жаль, что мои собаки набросились на ваших.

— Что же вы могли сделать,—ответил Смок.—Я слышал, как вы крикнули, предупреждая меня.

— Послушайте,—продолжал Большой Олаф, и глаза у него заблестели,—славная она—эта девушка,—чертовски славная. Не правда ли?

— Да, чертовски славная девушка!—согласился Смок.

ПОВЕСТЬ О МАЛЕНЬКОМ ЧЕЛОВЕКЕ

I

— Не нравится мне твое упрямство,—проворчал Малыш.—На этот ледник и смотреть страшно. По доброй воле никто на него не полезет.

Смок беспечно рассмеялся и взглянул на сверкающую поверхность ледника, запиравшего вход в долину.

— Сейчас август. Уже два месяца, как дни становятся короче,—заметил он, как бы определяя положение дел.—Ты знаток по части золота, а я этим похвалиться не могу. Я, пожалуй, займусь доставкой продовольствия, пока ты будешь искать главную жилу. Ну, будь здоров... Я вернусь завтра к вечеру.

Он повернулся и пошел.

— Ох, чувствую я,—стрясется беда!—жалобно крикнул ему вдогонку Малыш.

Но Смок только громко расхохотался в ответ. Он спускался в узкую долину, поминутно отирая пот со лба и топча спелую горную малину и хрупкий папоротник, росшие у краев пощаженных солнцем льдин.

Ранней весной он и Малыш поднялись вверх по реке Стьюарт и проникли в страну, где царил первозданный хаос и где, по слухам, находилось Озеро Неожиданностей. Всю весну и половину лета они провели в бесплодных поисках озера, и, наконец, когда решили уже махнуть рукой на всю затею, перед ними замерцала полоска воды—то самое устланное золотом озеро, которое соблазняло и обманывало целое поколение золотоискателей. Они расположились в старой хижине, найденной Смоком еще в первое его посещение, и убедились в трех вещах: во-первых—что дно озера было устлано толстым слоем крупных золотых самородков; во-вторых—что в мелких местах можно было нырнуть за этим золотом, но температура воды была убийственна для человека; и, в-третьих—что осушка озера была совершенно непосильным трудом для двух человек, тем более, что прошло уже больше половины короткого северного лета. Но Смок и Малыш не упали духом и, убедившись по внешнему виду золота, что оно едва

ли совершило продолжительное путешествие, двинулись на поиски главной жилы. Они пересекли большой ледник, хмурившийся на южной окраине озера, и углубились в головокружительный лабиринт крошечных долин и ущелий.

Долина, по которой шел теперь Смок, постепенно расширялась, как и подобает всякой долине; но в нижнем конце она внезапно суживалась в тесный проход между двумя высокими отвесными скалами и упиралась в поперечную стену. У основания этой стены ручей исчезал под грудой развороченных скал и, повидимому, прокладывал себе путь под землею. Смок вскарабкался на скалу и с вершины ее увидел озеро, лежащее у его ног. В отличие от всех горных озер, которые ему приходилось видеть, оно не было синим. Оно было изумрудно-зеленым, и этот цвет свидетельствовал о том, что оно не глубоко, а следовательно, может быть осушено. Вокруг озера громоздились горы причудливых форм, с обледенелыми пиками и снежными шапками: все кругом было хаотично и мрачно, как кошмар Дорэ [1]. Трудно было поверить, что это реальный кусок земной поверхности, а не мрачная фантазия какого-нибудь художника: Смоку показалось все это какой-то космической шуткой. Ущелья были заполнены ледниками—по большей части небольшими, и как раз в ту минуту, когда Смок смотрел на них, один,—самый крупный,—на северном берегу, с грохотом раскололся и разлетелся вдребезги. На другом берегу озера, на глазах—не далее, чем в полумиле, а на самом деле (он знал это) милях в пяти, виднелась группа сосен и хижина. Смок еще раз взглянул в том направлении, чтобы окончательно убедиться в правильности своих расчетов, и вдруг заметил струйку дыма, вившуюся над хижиной. Кто-то устроил ему и Малышу тоже «неожиданность», перехватив у них «Озеро Неожиданностей»,—подумал Смок, приступая к подъему на южную стену ледника.

С вершины этой стены он спустился в маленькую долину, покрытую цветами; повсюду слышалось ленивое гудение пчел; долина вела себя, можно сказать, как всякая разумная долина, и, как и полагалось, спускалась к озеру. Единственно, что было в ней неразумного, это—ее длина, не превышавшая ста ярдов; заканчивалась она крутым обрывом в тысячу футов, с которого низвергался окутанный пенным туманом поток.

Отсюда Смок увидел еще отчетливее дым, лениво подымавшийся из-за выступа скалы и колыхавшийся в теплом воздухе. Завернув за выступ, он услышал позвякивание металла и веселый свист в такт ударам, а затем увидел человека, сидевшего с зажатым между

---

[1]) Дорэ—знаменитый французский художник (1833—1883), обладавший необычайно богатой фантазией.

коленями башмаком; башмак был перевернут, и человек вбивал в подошву шипы.

— Алло!—приветствовал его незнакомец, и сердце Смока немедленно открылось ему навстречу.—Как раз поспели к завтраку! Вот кофе, холодные оладьи и немного вяленого мяса.

— Воспользуюсь, с вашего разрешения,—сказал Смок, присаживаясь.—В последнее время я не слишком баловал себя едой. Зато в хижине продовольствия сколько угодно.

— На той стороне озера? Там, куда я метил!

— Окрестности «Озера Неожиданностей», повидимому, заселяются,—прибавил Смок, опоражнивая кофейник.

— Подите вы! Шутите небось!—изумленно ответил незнакомец. Смок рассмеялся.

— Вот так бывает со всеми! Видите вон те высокие хребты на другой стороне, к северо-востоку? Оттуда я увидел его впервые. Без всякого предупреждения. Оно открылось мне все сразу. Тогда, когда я перестал уже искать его.

— То же было и со мной здесь,—подтвердил незнакомец.—Я уже повернул назад и собрался вчера вечером добраться до Стьюарта, как вдруг увидел озеро. Но если это—«Озеро Неожиданностей», то где же река Стьюарт? И где я бродил все время? И как вы попали сюда? И как вас зовут?

— Беллью. Кит Беллью.

— О! Я вас знаю.—Радостная улыбка заиграла на лице и в глазах незнакомца.—Я много слышал о вас.

— Читаете полицейскую хронику,—скромно заметил Смок.

— Нет.—Незнакомец рассмеялся и покачал головой.—Просто новейшую историю Клондайка. Я бы немедленно узнал вас, если бы вы не обросли бородой. Я следил за вами, когда вы обрабатывали рулетку в «Элькгорне». Меня зовут Карсон—Энди Карсон. Я, право, не могу высказать, как я рад встрече с вами.

Карсон был маленький, но крепкий, жилистый человечек с быстрыми черными глазами; от него исходило какое-то магнетическое дружелюбие.

— Так, стало быть, это и есть Озеро Неожиданностей?—недоверчиво пробормотал он.

— Оно самое.

— И дно у него вымощено золотом?

— Да. Вот вам образчик!—Смок сунул руку в карман куртки и достал с полдюжины зерен.—Вот оно какое. Все, что от вас требуется, это нырнуть на дно, хотя бы вслепую, и набрать полную горсть таких орехов, а потом пробежать с полмили, чтобы восстановить кровообращение.

— Здорово! Лопни мои глаза, если вы не убедили меня!—Карсон говорил шутливым тоном, но разочарование явно слышалось в его голосе.—А я-то думал, что вычерпаю себе кучу золота. Но все-таки было забавно побывать здесь.

— Забавно?—воскликнул Смок.—Да если мы с вами доберемся до дна озера, то Рокфеллер по сравнению с нами будет нищим!

— Но оно ведь ваше,—заметил Карсон.

— Так что же, приятель? Поймите, подобной заявки не было за всю историю золотоискательства. Здесь хватит и вам, и мне, и моему компаньону, и всем нашим друзьям. Если свалить Бонанцу и Эльдорадо в одну кучу, то они будут не богаче, чем здешние пол-акра. Задача в том, как осушить озеро. Это будет стоит миллионы. Одного я боюсь. Здесь так много золота, что если мы не будем регулировать выпуск его на мировой рынок, оно окончательно обесценится... демонетизируется, как говорят...

— И вы говорите мне...—Карсон онемел от изумления.

— Я рад, что встретил вас. Понадобится года два и все наши деньги, чтобы осушить озеро. Это осуществимо. Но для этого потребуется поставить на работу все население страны, всех, кто захочет работать как рабочий, за плату. Нам нужна армия рабочих, и как раз сейчас мы нуждаемся в подходящих людях для основного ядра. Согласны войти в нашу группу?

— Согласен ли я? А вы разве не видите? Я уже до такой степени чувствую себя миллионером, что начинаю побаиваться перехода через этот ледник. Было бы весьма некстати сломать теперь себе шею. Хотел бы я иметь побольше таких шипов! Я как раз вколотил последний из моего запаса, когда вы подошли. А ваши как? Покажите-ка!

Смок поднял ногу.

— Подошва гладкая, как скэтинг-ринг!—воскликнул Карсон.— Вы, верно, здорово побродили. Подождите минутку, я выдеру для вас несколько штук моих шипов.

Но Смок воспротивился.

— Сойдет и так,—сказал он,—у подножия ледника у меня припрятано около сорока футов веревки. Мы с приятелем уже однажды пользовались ею при переходе через ледяной мост. Переход нетрудный.

II

Но подъем был мучительно тяжел. Солнце ослепительно сверкало на поверхности льда, и путники карабкались вверх, обливаясь потом, задыхаясь и выбиваясь из сил. Попадались места, изрезанные вдоль и поперек бесчисленными расщелинами, и после часа мучительного и

опасного карабканья они продвигались вперед не более чем на сто ярдов. К двум часам пополудни они добрались до большой лужи посреди льда, и Смок предложил сделать привал.

— Приложимся-ка к этому вяленому мясу,—сказал он.—Я все время был на голодном пайке, у меня дрожат колени. Самое худшее уже позади, мы можем отдохнуть. Через триста ярдов мы доберемся до скал,—путь довольно легкий, если не считать двух подлых небольших расщелин и одной большой, по которой мы спустимся. Там есть скверненький ледяной мост; но мы с Малышом все-таки справились с ним.

Уничтожая вяленое мясо, спутники знакомились друг с другом; Энди Карсон разоткровенничался, и Смок узнал историю всей его жизни.

— Я знал, что найду Озеро Неожиданностей,—говорил Карсон с набитым ртом.—Я должен был найти его. Я проворонил Французскую Гору и Большой Скукум и Монте-Кристо, так что мне оставалось—либо Озеро Неожиданностей, либо полный прогар. Поэтому я здесь. Моя жена знала, что я доберусь. Она—молодец, бой-баба, завоевательница с головы до ног, единственная для меня женщина; чистая голубая кровь, и никаких примесей. Никогда не вешает носа, хватка у нее мертвая и все такое. Взгляните-ка.

Он открыл часы: на внутренней их крышке была наклеена маленькая фотография, изображавшая белокурую женщину, по обеим сторонам которой улыбались два детских личика.

— Мальчики?—спросил Смок.

— Мальчик и девочка,—гордо ответил Карсон.—Мальчишка старше на полтора года.—Он вздохнул.—Они могли бы быть постарше, да нам пришлось ждать. Жена, видите ли, была больна. Легкие. Но она ни за что не хотела сдаваться болезни. Разве мы имеем понятие об этих штуках? Когда мы поженились, я был конторщиком на Чикагской железной дороге. Вся ее родня была больна чахоткой. В те времена врачи знали не бог весть как много. Говорили, что это наследственность. Передавалось, дескать, из поколения в поколение. А просто заражались друг от друга, сами того не зная. Думали, что родились с этим. Судьба. Первые два года мы жили вместе с родными. Я не боялся. В моей семье отроду не бывало чахотки. Вот и схватил ее. Тогда я призадумался. Стало быть, заразно. Я схватил ее оттого, что дышал одним с ними воздухом.

Поговорил я с женой, турнул домашнего врача и пошел к опытному специалисту. И тот сказал мне то, до чего я и сам додумался, и прибавил, что самое подходящее для нас место—это Аризона. Мы снялись и покатили,—ни денег, ничего. Нанялся я в пастухи—овец

пасти, а ее оставил в городе—в «легочном городе». Битком набит был легочными.

День и ночь находясь на чистом свежем воздухе, я стал уже поправляться. Иногда я проводил в степи целые месяцы. И каждый раз, когда возвращался в город, находил ее все в худшем состоянии. Никак не могла она выкрутиться. Но мы уже кое-чему научились. Я вытащил ее из этого города, и она отправилась пасти овец вместе со мной. Четыре года под ряд, летом и зимой, в холод и жару, в дождь, снег, мороз и прочее такое—мы ни разу не спали под крышей и все время кочевали с места на место. Вы бы посмотрели на нас тогда—коричневые, как жареные кофейные зерна, тощие, как индейцы, заскорузлые, как недубленная кожа. Потом мы решили, что выздоровели, и махнули в Сан-Франциско. Оказывается, поторопились. На второй месяц мы опять харкали кровью. Полетели обратно в Аризону, к овцам. Еще два года такой жизни. Полное излечение. А семья ее вся вымерла. Не хотела слушаться нас.

Тогда мы окончательно распрощались с городской жизнью. Болтались по тихоокеанскому побережью. Приглянулся нам Южный Орегон. Поселились в долине реки Рог,—яблоки. Огромная будущность, только никто об этом не знает. Добыл я себе там кусок земли—в рассрочку, конечно,—по сорок за акр. Через десять лет будет стоить пятьсот.

Оказывается, мы опять поторопились. Надо денег, а у нас, знаете ли, ни цента, чтобы начать,—а тут надо строить дом и амбар, покупать лошадей, плуги и все такое. Жена нанялась на два года учительствовать в школе. Потом родился мальчик. Вы бы посмотрели на деревья, которые мы посадили,—сто акров засадили ими, теперь это уже крупные деревья. Но дохода мало; все шло на уплату по закладной. Вот я и попал сюда. Жена тоже отправилась бы, если бы не ребята и деревья. Она работает там, а я тут,—первоклассный миллионер в будущем!..

Карсон посмотрел блаженным взглядом через искрящийся на солнце лед на зеленую полоску воды у далекого берега озера, в последний раз взглянул на фотографию и пробормотал:

— Она—замечательная маленькая женщина. Удивительно цепкая! Ни за что не хотела умирать, хоть от нее остались кожа да кости, когда она отправилась пасти овец. О, она и сейчас худенькая! Никогда не будет жирной. Но это чудеснейшая худоба, какую мне когда-либо приходилось видеть, и когда я вернусь, и деревья начнут приносить плоды, а ребята станут ходить в школу, мы с ней отправимся в Париж. Я-то не бог весть какого мнения об этом городе, но она мечтает о нем всю жизнь.

— Ну и чудесно! Вот вам и золото на расходы,—уверенно сказал Смок.—Надо только достать его со дна озера.

Карсон кивнул головой. Глаза его сияли.

— Я вам говорю, эта наша ферма—прелестнейший уголок на всем тихоокеанском побережье. И климат божественный. Уж там наши легкие никогда не заболеют опять. Бывшим легочным надо, знаете, беречься. И если вы вздумаете осесть, то прежде чем решить что-либо, загляните в нашу долину. А рыбная ловля! Скажите-ка, приходилось вам вытягивать шестиунцовой удочкой тридцатипяти-фунтового лосося?

III

— Я легче вас на сорок фунтов,—сказал Карсон.—Пустите меня вперед.

Они стояли на краю огромной старой расщелины футов в сто шириной, с покатыми (а не острыми, как это обыкновенно бывает) краями, отполированными временем. Через расщелину вел мост, образовавшийся из огромной глыбы затвердевшего снега, наполовину превратившегося в лед. Нижний край этого моста не был им виден; не видели они и дна пропасти. Мост постепенно крошился, подтаивал и ежесекундно грозил обвалиться. Судя по свежим следам, некоторые части его уже сорвались вниз перед самым их приходом, да и теперь, в то время как они молча созерцали его, глыба в полтонны сорвалась и полетела в пропасть.

— Н-да, вид не утешительный,—заметил Карсон, многозначительно качая головой.—Если бы я не был миллионером, он бы меня не так пугал.

— И все же мы должны рискнуть,—сказал Смок.—Мы уже почти перебрались. Мы не можем вернуться и не можем ночевать на льду; а другого пути нет. Мы с Малышом исследовали всю местность на милю кругом. Правда, мост был в лучшем состоянии, когда мы проходили через него.

— Ну ладно! Двинемся по-одному. Я вперед.—Карсон взял у Смока часть свернутой веревки.—Вы будете постепенно развертывать ее. Кирку я возьму с собой. Дайте мне вашу руку,—мне легче будет соскользнуть вниз.

Медленно и осторожно он сделал несколько шагов по направлению к мосту и остановился, чтобы как следует приготовиться к рискованному переходу. Мешок с запасами висел у него за плечами. Веревку он обмотал свободно вокруг шеи, прикрепив один конец ее к поясу.

— Я бы сейчас с радостью отдал добрую половину моих миллионов за артель рабочих, строящих мост,—сказал Карсон, веселой

усмешкой опровергая значение своих слов.—Все в порядке,—прибавил он.—Я ведь как кошка.

Подражая канатным плясунам, он горизонтально вытянул кирку и палку, которой пользовался как альпенштоком [1]). Потом попробовал выставить одну ногу, но тотчас же отдернул ее и замер, мучительно борясь с собой.

— Хотел бы я быть каменотесом,—усмехнулся Карсон.—Если я когда-либо перестану быть миллионером, то уж вторично ни за что не стану им. Хлопотливое занятие!

— Не беда,—подбодрил его Смок.—Я уже перебирался через эту штуку. Пустите-ка лучше меня вперед.

— А ваши сорок фунтов?—огрызнулся маленький человек.—Через минуту я буду в порядке. Я уже в порядке.—И действительно, нервы его, повидимому, успокоились.—Ну, на карту поставлены ферма и яблоки!—сказал он и выдвинул ногу. На этот раз он не только не отдернул ее, но и вынес другую. Очень медленно и осторожно он продолжал итти вперед, пока не были пройдены две трети пути. Вдруг он остановился, чтобы рассмотреть лежавшее перед ним углубление, на дне которого виднелась свежая трещина. Смок, не сводивший с него глаз, увидел, что он отвел взгляд в сторону, потом посмотрел вниз, в пропасть, и покачнулся.

— Глядите кверху!—резко скомандовал Смок.—Ну! Вперед!

Маленький человек повиновался и уже без остановок совершил остальную часть пути. Словно источенный солнцем, противоположный скат расщелины был скользким, но не очень крутым. Он взобрался на него, повернулся и сел.

— Ваша очередь!—крикнул он Смоку.—Только идите не останавливаясь и не смотрите вниз. Да поторапливайтесь! Вся эта штука висит на волоске.

Балансируя палкой, Смок двинулся вперед. Было ясно, что мост вот-вот обвалится. Он почувствовал, что у него под ногами что-то скрипит все громче и громче и что вся глыба слегка колеблется. Затем раздался страшный треск. Он понял, что за его спиной что-то случилось. Ему не нужно было оборачиваться—достаточно было видеть напряженное, перекошенное лицо Карсона. Снизу доносилось слабое журчание воды; глаза Смока на мгновение невольно обратились к сверкающей бездне, но он тотчас же заставил себя смотреть прямо перед собой. Две трети пути были пройдены. Он дошел до впадины. Острые края пересекавшей ее трещины, едва тронутые солнцем, свидетельствовали о том, что она совсем недавнего происхождения. Он

---

[1]) Палка с острым железным наконечником, употребляемая туристами для облегчения восхождения на высокие горы.

уже занес ногу, собираясь итти дальше, как вдруг трещина начала медленно шириться, в то же время раздался угрожающий треск. Смок заторопился и сделал прыжок, но стертые гвозди сапог скользнули по краю впадины. Он упал ничком и тотчас же соскользнул вниз, в самую расщелину. Его ноги болтались в воздухе; он повис грудью на палке, которую ему удалось при падении перекинуть поперек расщелины.

Первым его ощущением была тошнота, вызванная перебоем пульса; первой мыслью—удивление, что он не упал глубже. Позади него слышался треск. Снизу, из сердца ледника, донесся мягкий и глухой грохот—сорвавшиеся глыбы достигли дна. И все же мост, оторвавшийся от одного берега и провалившийся посередине, продолжал держаться у другого берега, хотя та часть его, которую только что прошел Смок, свисала под углом в двадцать градусов. Он видел Карсона, который сидел над обрывом и, упираясь ногами в талый лед, сматывал веревку с шеи на руку.

— Подождите!—крикнул он.—Не двигайтесь, а то рухнет вся глыба!

Быстрым взглядом он смерил расстояние, сорвал с шеи шарф, привязал его к концу веревки, потом вынул из кармана еще один шарф и привязал к первому шарфу.

Веревка, сплетенная из санных ремней и коротких кусков сырой кожи, отличалась крепостью и легкостью. Первый бросок оказался, к счастью, удачным—Смок пальцами поймал конец веревки и хотел сделать попытку выбраться из расщелины. Но Карсон, обвязавший веревку вокруг своей талии, остановил его.

— Сначала обвяжитесь как следует,—сказал он.

— Если я сорвусь, я сдерну и вас,—возразил Смок.

Внезапно гнев охватил маленького человека.

— Молчите, чорт вас возьми!—крикнул он.—Одного звука вашего голоса достаточно, чтобы вся глыба обрушилась.

— Если я сорвусь...—начал Смок.

— Молчите! Вам незачем срываться. Делайте, что вам велят. Так—под плечи. Покрепче! Ну! Трогайтесь! Легче! Легче! Я буду принимать конец. Вы только ползите. Вот так! Легче! Легче!

Смок был на расстоянии двенадцати футов от цели, когда началось окончательное крушение моста. Бесшумно мост все ниже сползал в бездну.

— Живо!—крикнул Карсон, поспешно сматывая конец веревки по мере приближения Смока.

Когда раздался грохот, пальцы Смока уже впивались в твердую поверхность стены, в то время как тело его падало вниз вместе с рыхлым мостом. Карсон сидел, упираясь широко раставленными

ногами в лед, и изо всех сил тянул веревку. Ему удалось-таки отбросить Смока к боковой стене, но одновременно он сам вылетел из своей впадины. Он перевернулся, как кошка, судорожно цепляясь за лед и скользя вниз. А сорока футами ниже, держась за туго натянутую веревку, судорожно карабкался Смок. И прежде чем донесшийся снизу грохот известил их о том, что мост достиг дна пропасти, оба уже нашли точку опоры. Первым нашел ее Карсон. Он из последних сил потянул веревку и остановил падение Смока.

Теперь каждый из них лежал в небольшом углублении, при чем углубление Смока было настолько незначительно, что он неминуемо соскользнул бы вниз, если бы его не поддерживала веревка.

Прямо перед ним вздымался ледяной выступ, заслонявший от него Карсона. Прошло несколько минут, в течение которых оба более или менее освоились с положением и изучили искусство цепляться за мокрый и скользкий лед. Первым заговорил маленький человек.

— Проклятие!—сказал он; а минутой позже:—Если вы можете на мгновение удержаться сами по себе и отпустить веревку, то я перевернусь. Ну-ка, попробуйте.

Смок попробовал; потом снова уцепился за веревку.

— Кажется, могу,—ответил он.—Скажите, когда будете готовы. Только поскорей.

— Тремя футами ниже у меня есть обо что упереться,—сказал Карсон.—Я справлюсь в одно мгновение. Готовы?

Соскользнуть на ярд вниз, перевернуться и сесть было не легким делом; но еще труднее было Смоку распластаться на льду и удерживаться в положении, которое с каждой секундой требовало от него все большего напряжения мускулов. Он почувствовал, что начинает еле заметно скользить вниз, когда веревка снова натянулась. Смок поднял глаза и посмотрел на своего спутника: мертвенная желтая бледность разливалась по обожженному солнцем лицу Карсона. Смок подумал: «А на кого похож я сам в эту минуту?» Вдруг он заметил, что Карсон трясущимися руками ищет нож, и решил, что час его пробил: Карсон поддался панике и собирается перерезать веревку.

— В-в-в-вы не думайте,—лепетал он.—Я не боюсь. Это только мои нервы, будь они прокляты! Ч-ч-через минуту я буду в порядке.

Смок видел, как он перегнулся и, прижав плечи к коленям, охваченный страшной дрожью, придерживал одной рукой конец веревки, а другой вырубал и сверлил во льду дыру для пяток.

Сердце Смока дрогнуло от нежности.

— Слушайте, Карсон. Все, что вам остается, это перерезать веревку. Вы все равно не сможете втащить меня, а пропадать нам обоим нет смысла. Возьмите нож и положите этому конец.

— Да замолчите вы!—возмущенно крикнул тот.—К чему молоть вздор?

И Смок убедился, что гнев оказался прекрасным успокоительным средством для нервов его спутника. Что касается его собственных, то они были напряжены до последней степени; он лежал распластавшись на льду и думал только об одном—как бы удержаться подольше.

Стон и короткий возглас: «Держитесь!»—предупредили его. Припав лицом ко льду, он сделал чудовищное усилие, чтобы удержаться, почувствовал, что веревка ослабла, и понял, что Карсон скользит к нему. Он не решался поднять глаза до тех пор, пока не почувствовал, что веревка снова натягивается, и не понял, что Карсон опять нашел точку опоры.

— Ну и была потеха,—пролепетал последний.—Я сполз на целый ярд. А теперь подождите. Мне надо выковырять новые дыры. Не будь лед таким талым, все было бы в порядке.

Придерживая левой рукой веревку, маленький человек начал правой скрести и долбить лед. Так прошло минут десять.

— Теперь я скажу вам, что я сделал!—крикнул он вниз.—Я вырубил вам отверстия для рук и ног рядом со мной. Я буду потихоньку и полегоньку подтягивать веревку, а вы ползите наверх, только не слишком быстро. Подождите—еще два слова. Я буду подтягивать вас на веревке, а вы избавьтесь от вашего тюка. Поняли?

Смок кивнул и, стараясь двигать рукой как можно осторожнее, развязал ремни тюка; потом движением плеч сбросил его. Карсон увидел, как тюк перелетел через ледяной выступ и скрылся из виду.

— Так, теперь я вырублю дыры для себя самого!—крикнул он Смоку.—Устройтесь поудобнее и ждите.

Пять минут спустя началась борьба за подъем. Смок вытер руки о подкладку рукавов, вцепился в лед и, извиваясь и припадая, пополз наверх, подтягиваемый веревкой. Без веревки он не продвинулся бы ни на шаг. Несмотря на всю силу своих мускулов, он не мог, подобно Карсону, держаться на весу—лишних сорок фунтов мешали ему. Преодолев треть пути и добравшись до места, где склон был круче, а лед значительно крепче, он почувствовал, что веревка ослабла. Он двигался все медленней и медленней. А между тем тут ни в коем случае нельзя было останавливаться. И все же самые отчаянные его усилия не смогли предотвратить неизбежное, и он почувствовал, что снова начинает скользить вниз.

— Я сползаю!—крикнул он наверх.

— Я тоже,—сквозь стиснутые зубы прохрипел Карсон.

— Отпустите тогда!

Смок почувствовал, что веревка натягивается в последнем тщетном усилии, потом скорость падения увеличилась, и скользя мимо

своей прежней позиции и через выступ вниз по скату, он успел увидеть, что Карсон перевернулся и отчаянным движением рук и ног силится преодолеть тянущую его книзу тяжесть. К удивлению Смока, он не ощутил резкого падения, когда миновал ледяной выступ. Веревка удерживала его; он только скользил по крутому скату. Наконец, он застрял в новой впадине перед другим выступом. Карсон окончательно скрылся из виду—теперь он находился на том самом месте, где раньше был Смок.

— Фу!—услыхал Смок его дрожащий голос.

Настало молчание; затем Смок почувствовал, что веревка затрепетала.

— Что вы делаете?—крикнул он.

— Вырубаю новые ямы для рук и ног,—прерывистым голосом ответил Карсон.—Подождите немного. Я в один миг втащу вас сюда. Не обращайте внимания на мой тон. Я возбужден. А вообще я в полном порядке. Подождите! Сами увидите!

— Вы держите меня на весу,—возразил Смок.—Рано или поздно, как только начнет таять снег, вы сползете вниз вслед за мной. Единственное ваше спасение—перерезать веревку. Послушайте,—зачем гибнуть обоим? Вы—самый замечательный маленький человек на свете,—но вы сделали все, что могли. Режьте, говорю я вам!

— А я вам говорю—молчите! Я выдолблю такие дырки, что смогу втащить сюда лошадь с телегой.

— Довольно вы втаскивали меня,—настаивал Смок.—Пустите!

— Когда я втаскивал вас?—послышался суровый вопрос.

— Много раз, слишком много. И оттого все время сами сползали вниз.

— А в это время я многому научился. Я буду держать вас, пока мы оба не выберемся отсюда. Поняли? Создавая меня легковесом, бог, надо думать, знал, что делает. Ну, молчите! Я занят.

Несколько минут прошло в молчании. Смок слышал звенящие удары ножа; время от времени из-за выступа к нему долетали осколки льда. Изнывая от жажды, цепляясь руками и ногами за скользкую поверхность склона, он ловил ртом кусочки льда, ждал, пока они растают, и глотал их.

Вдруг он услышал вздох, перешедший в безнадежный стон, почувствовал, что веревка ослабла, и немедленно опять вцепился в лед. Но веревка снова натянулась. С трудом подняв голову, он увидел, что прямо на него по крутому скату скользит, острием вперед, нож. Он подставил ему щеку, прижал его ко льду, содрогнулся от боли, прижал еще крепче и почувствовал, что нож задержался.

— Я—осёл!—послышался жалобный вопль.

— Ничего, я поймал его,—ответил Смок.

— Да ну? Постойте, у меня в кармане длинная веревка. Я брошу ее вам, а вы пошлите мне наверх нож.

Смок не отвечал. Он боролся с обуревавшими его мыслями.

— Эй, вы! Идет веревка! Скажите, когда поймаете!

Маленький перочинный нож, привязанный к концу веревки в виде груза, скользил по льду. Смок поймал его, открыл большое лезвее зубами и одной рукой и удостоверился в его остроте. Потом привязал большой нож к концу веревки.

— Тяните!—крикнул он.

Напряженным взором следил он за исчезновением ножа. И тут он увидел еще кое-что. Он увидел маленького человека, испуганного, но непоколебимого, дрожавшего, стучавшего зубами, терявшего сознание и все же преодолевавшего все свои страхи, все свое отчаяние: он увидел героя. С тех пор, как он столкнулся с Малышом, он никогда еще так быстро не привязывался к человеку.

— Вот и хорошо!—донесся к нему голос из-за ледяного выступа.—Теперь мы в два счета выберемся отсюда.

Чудовищное усилие сохранить бодрость и надежду, трепетавшее в голосе Карсона, заставило Смока решиться.

— Слушайте меня,—твердо сказал он, тщетно силясь отогнать от себя образ Джой Гастелль.—Я послал вам нож, чтобы дать вам возможность выбраться. Я перережу веревку маленьким ножом. Выхода нет. Или один, или двое. Поняли?

— Двое или никто,—последовал резкий ответ, но в то же время в нем слышалось какое-то колебание.—Если вы продержитесь еще минуту...

— Я и так уже держался слишком долго. Я холост. Меня никто не ждет: ни прелестная худенькая жена, ни ребятишки, ни яблони. Ну, ползите наверх—и дело с концом!

— Подождите! Ради бога, подождите!—взвизгнул Карсон.—Вы не смеете! Дайте мне возможность вытащить вас! Будьте хладнокровны, старый вы одер! Мы все устроим, вот увидите. Я вырою такие ямы, что можно будет втащить целый дом с амбаром.

Смок не отвечал. Медленно и осторожно, не отрывая зачарованного взгляда от веревки, он пилил ее ножом, пока не лопнул один из трех ремней, из которых она была свита.

— Что вы делаете?—отчаянно закричал Карсон.—Если вы разрежете, то я никогда не прощу вам этого,—никогда! Я вам говорю—оба или никто! Мы выберемся! Подождите! Ради бога!

И Смок, глядя на перерезанную в пяти дюймах от его глаз веревку, узнал, что такое страх. Он не хотел умирать; он вспомнил о сверкающей над ним пропасти, и его сознание, охваченное

паническим ужасом, молило об отсрочке. Страх толкнул его на компромисс.

— Ладно!—крикнул он.—Я подожду. Делайте, что можете. Но говорю вам, Карсон, если мы снова начнем скользить, то я перережу веревку.

— Фу! И думать не смейте об этом! Если мы вообще тронемся с места, так только наверх. Я ведь как липкий пластырь. Будь тут вдвое круче, я бы все равно прилепился. Для одной пятки дыра уже готова—и основательная. Ну, тише, дайте мне работать!

Медленно ползли минуты. Смок сосредоточил все свои мысли на оборванном ногте указательного пальца, который причинял ему ноющую боль. «Его следовало обрезать еще утром, он тогда уже болел», подумал Смок, и решил обрезать его немедленно, как только выберется из пропасти. Потом мысли его внезапно приняли другой оборот, и он посмотрел на ноготь и на пальцы с каким-то новым чувством. Через минуту, в лучшем случае через несколько минут, этот палец, так искусно соединенный с ногтем, такой ловкий и подвижной, будет, быть может, частью исковерканного трупа на дне пропасти. Он сознавал, что его мучит страх, и ненавидел себя за это. «Медвежатники» делаются из материала покрепче. Охваченный возмущением против самого себя, он чуть, было, не перерезал веревки.

Крик, сменившийся стоном, и дрожание ослабевшей веревки заставили его опомниться. Он начал скользить, но скользить очень медленно. Веревка была натянута—и все же он продолжал скользить. Карсон не мог больше держать его и скользил сам. Вытянутая нога Смока встретила пустоту, и он понял, что сейчас начнется стремительное падение. А он знал, что в следующий за этим момент его падающее тело увлечет за собою Карсона.

В слепом отчаянии, побеждая безумную вспышку животного страха и любви к жизни силой воли и сознанием долга, Смок ударил ножом по веревке, увидел, как лопаются ремни, почувствовал, что скользит все быстрее и быстрее, и, наконец, упал.

Что было потом, он не мог понять. Он не потерял сознания, но все произошло слишком быстро и неожиданно. Вместо того, чтобы разбиться на-смерть, он почти в то же мгновение коснулся ногами воды, а потом со всего размаха сел в воду, обдавшую его лицо холодными брызгами.

— Зачем вы это сделали?—услышал он сверху жалобный стон.

— Слушайте!—крикнул Смок.—Я в полной безопасности—сижу в луже по самое горло. Здесь оба наших тюка. Сейчас усядусь на них. Здесь хватит места еще для полдюжины людей. Если вы скользите, то цепляйтесь покрепче,—выберетесь! Идите в хижину! Там

кто-то есть. Я видел дым. Достаньте веревку или что-нибудь в этом роде, возвращайтесь и вытаскивайте меня.

— Честно?—недоверчиво спросил Карсон.

— Клянусь! Ну, пошевеливайтесь, а то я умру от простуды.

Смок согревался, прорывая каблуком сапога канал по краю лужи. К тому моменту, когда он закончил прорытие канала, и вода вылилась из углубления, в котором он находился, Карсон криком известил его, что добрался до вершины.

Тогда Смок занялся просушкой одежды. Греясь в теплых лучах вечернего солнца, он выжал ее и разложил вокруг себя. При нем была непромокаемая спичечница; он высушил при помощи спичек щепотку табаку и кусочек рисовой бумаги, чтобы сделать папиросу.

Спустя два часа, сидя нагишом на тюках и покуривая, он услышал сверху голос; мог ли он не узнать его!

— Эй, Смок! Смок!

— Алло, Джой Гастелль,—крикнул он в ответ.—Откуда вы свалились?

— Вы ранены?

— Ни чуточки.

— Отец спускает веревку. Вы ее видите?

— Да, и даже уже поймал,—ответил он,—теперь, пожалуйста, подождите минуты две-три.

— В чем дело?—тревожно спросила Джой через несколько минут.—О, я знаю, вы ранены!

— Да нет же! Я одеваюсь.

— Одеваетесь?

— Ну да! Я купался. Ну, готовы? Тяните!

Сначала он послал наверх оба тюка, получил за это от Джой Гастелль соответствующий выговор и, наконец, поднялся сам.

Джой Гастелль смотрела на него горящими глазами, пока ее отец и Карсон деловито сматывали веревку.

— Как же это вы перерезали ее?—воскликнула она.—Это было... Право же, это было изумительно!

Смок презрительно отмахнулся от комплимента.

— Я все знаю,—настаивала она.—Карсон рассказал мне. Вы решили пожертвовать своей жизнью ради него.

— И не думал ничем жертвовать,—соврал Смок.—Я все время видел под собой эту мелкую лужу для купанья.

КАК ВЕШАЛИ КУЛЬТУС ДЖОРДЖА

I

Дорога круто поднималась по глубокому, рыхлому, нетронутому снегу. Смок возглавлял шествие, утаптывая хрупкие кристаллики своими широкими короткими лыжами. Работа эта требовала богатырских легких и железных мускулов; ему приходилось напрягать все силы. Позади, по утоптанной им тропе, тянулась запряжка из шести собак. Клубы пара, вылетавшие из открытых пастей животных, свидетельствовали о их тяжелой работе и о низкой температуре воздуха. Малыш помогал тянуть, расположившись между коренником и санями и распределяя свои силы между шестом и тягой. Каждые полчаса он и Смок менялись местами: утаптывание снега было еще более утомительным занятием, чем работа шестом.

Все их снаряжение было новым и прочным. На их долю выпал тяжелый труд—проложить зимний путь через горный хребет,—и они добросовестно выполняли его. Напрягая все свои силы, они могли прокладывать в день самое большее десять миль дороги; это считалось у них хорошим результатом. Они держались молодцами, но каждый вечер заползали в свои спальные мешки совершенно разбитыми. Шесть дней прошло с тех пор, как они покинули многолюдный лагерь Муклук на Юконе. Пятьдесят миль наезженной дороги по Оленьему Ручью они покрыли с нагруженными санями в два дня. А потом началась борьба с четырехфутовым девственным снегом, который в сущности был даже не снегом, а кристаллическим льдом—таким рыхлым, что от удара рассыпался как сахарный песок. В три дня они прошли тридцать миль вверх по ручью Минноу и пересекли ряд хребтов, разделявших несколько потоков, которые текли на юг и впадали в реку Сиваш. Теперь они должны были перебраться через горы за Лысыми Камнями и спуститься по руслу Дикобразова Ручья к середине Молочной Реки. Носились упорные слухи, что в верховьях Молочной Реки находятся залежи меди. Туда-то они и стремились—к горе чистой меди, в полумиле направо и вверх по первому ручью, за тем местом, где Молочная Река выбивается из глубокой котловины на поросшую густым лесом равнину.

Они узнали бы это место с первого взгляда. Одноглазый Мак-Кэрти описал его во всех подробностях. Ошибка была невозможна—если только Мак-Кэрти не лгал.

Смок шел впереди. Одинокие низкорослые сосенки попадались на их пути все реже, как вдруг он увидел перед собой одно деревцо, совершенно высохшее и голое. Слова были излишни; он взглянул на Малыша, и тот ответил громовым «Хо!» Собаки немедленно остановились и не двигались все время, пока Малыш развязывал постромки, а Смок обрабатывал сухую сосну топором; потом собаки бросились в снег и свернулись комочком, прикрывая хвостом косматые ноги и заиндевевшую морду.

Путники работали с быстротой, свидетельствовавшей о многолетнем опыте. Скоро в тазу для промывки золота, в кофейнике и в кастрюле уже таял снег,—его надо было превратить в воду. Смок достал из саней замороженные бобы. Сваренные вместе с хорошей порцией свиного сала и ветчины, бобы были заморожены; в этом виде их легко было перевозить. Смок топором разрубил бобы на несколько кусков и бросил их на сковороду, чтобы дать им оттаять. Точно так же поступил он и с замерзшими лепешками из кислого теста. Через двадцать минут с момента остановки обед был готов.

— Больше сорока,—промолвил Малыш, набив рот бобами.—Надеюсь, холоднее не будет,—да и теплее тоже. Самая подходящая погода для путешествия.

Смок ничего не ответил. У него рот был тоже набит бобами, и челюсти усердно работали. Случайно его взгляд упал на собаку-вожака, лежавшую шагах в шести от него. Иззябший серый волкодав смотрел на него с тем бесконечным томлением, с той дикой жадностью, которая так часто вспыхивает в глазах северных собак. Смоку давно уже был знаком этот взгляд, и все же он никак не мог привыкнуть к его неизъяснимой таинственности. Словно желая стряхнуть гипноз, он отодвинул тарелку и чашку, подошел к саням и стал развязывать мешок с сушеной рыбой.

— Эй!—окликнул его Малыш.—Что ты делаешь?

— Нарушаю все путевые законы, обычаи и установления,—ответил Смок.—Собираюсь кормить собак в неурочное время—только один этот раз. Они много потрудились, и им предстоит взобраться еще на один хребет. Кроме того, Брайт сейчас беседовал со мной и сказал мне глазами такое, чего не вложишь ни в какие слова.

Малыш скептически рассмеялся.

— Ну что ж, развращай их! Скоро ты им когти маникюрить будешь. Рекомендую кольд-крем и электрический массаж,—полезнейшая штука для упряжных псов. Не помешает им иногда и турецкая баня.

— Прежде я никогда этого не делал,—защищался Смок.—Да и впредь не буду. Но на этот раз я их накормлю. Пусть это будет моя прихоть.

— Что ж, если это у тебя примета такая, то валяй.—Голос Малыша немедленно смягчился.—С приметами надо считаться.

— Это не примета, Малыш. Просто Брайт каким-то образом подействовал мне на воображение. Он в одну минуту сказал мне глазами больше, чем я мог бы вычитать из книг за тысячу лет. Все тайны жизни светились в его глазах. И представь себе, я почти понял их, а потом снова все забыл. Теперь я знаю не больше, чем знал раньше, а был совсем близко к разгадке всех тайн. Не могу тебе рассказать, в чем тут дело, но глаза этого пса поведали мне, что такое жизнь и эволюция, и звездная пыль, и космическая сила, и все такое,—все вообще.

— То-есть, говоря на человеческом языке, ты суеверен,—настаивал Малыш.

Смок роздал собакам по одной сушеной рыбе и покачал головой.

— А я говорю тебе—это так,—повторил Малыш.—И это серьезная примета, Смок. Еще до конца дня что-то случится. Вот увидишь. И сушеная рыба сыграет свою роль.

— Объясни, как это может быть?—начал Смок.

— Ничего я тебе объяснять не буду. Все придет само собою. Слушай, что я тебе скажу. Твое суеверие—для меня есть тоже примета. Ставлю одиннадцать унций золота против трех зубочисток, что я прав. Я не боюсь смотреть приметам прямо в лицо.

— Ты уж лучше ставь зубочистки, а я поставлю золото,—ответил Смок.

— Нет, это будет неприкрытый грабеж. Я играю наверняка. Мне ничего не стоит разгадать примету. Еще до конца дня что-то случится, и сушеная рыба сыграет свою роль.

— Ерунда,—сказал Смок, обрывая спор.

— И случится что-то пакостное,—продолжал Малыш.—Принимаю еще три зубочистки на прежних условиях, что дело будет препротивное.

— Состоялось,—сказал Смок.

— И я выиграю,—возликовал Малыш.—Заработаю зубочистки из цыплячьих перышек.

II

Спустя час друзья перевалили через хребет и узким ущельем вышли за Лысыми Камнями на крутой открытый склон, сползавший к Дикобразову Ручью. Шедший впереди Малыш внезапно остановился, и Смок немедленно окликнул собак. Под ними по склону горы

взбиралась наверх какая-то странная процессия, растянувшаяся чуть не на четверть мили.

— Ползут словно на похоронах,—заметил Малыш.

— У них нет собак,—сказал Смок.

— Да. Вон двое тащат сани.

— Ты видишь,—один упал? Что-то случилось. Их много.

— Смотри,—они шатаются как пьяные. Вон и второй упал.

— Да тут целое племя! И дети!

— Смок, я выиграл!—провозгласил Малыш.—Примета есть примета, тут уж ничего не поделаешь. Посмотри на них,—они ползут сюда словно загробные тени.

При виде путников индейцы издали дикий радостный вопль и ускорили шаг.

— Однако, их здорово потрепало,—заметил Малыш.—Смотри-ка, они валятся как чурбаны.

— Посмотри, какое лицо у первого, впереди всех,—сказал Смок.— Это голод. Вот в чем разгадка. Они съели своих собак.

— Что мы будем делать? Удерем?

— И оставим сани и собак?—с упреком спросил Смок.

— Они съедят нас, если мы не удерем. Такой у них вид! Эй, ребята, что с вами стряслось? Не смотрите так на наших псов! Им еще рано на сковородку,—поняли?

Индейцы подошли ближе и столпились вокруг путников, воя и причитая на каком-то непонятном наречии. Ужасом повеяло на Смока от этого зрелища. Это был несомненный голод. Лица индейцев со впалыми щеками и кожей, точно присохшей к костям, казались мертвыми. Толпа все росла и росла, пока Смок и Малыш не затерялись в ней окончательно.

— Прочь с дороги! Проваливайте!—заорал Малыш по-английски, после нескольких бесплодных попыток столковаться с ними при помощи тех немногих индейских слов, которые он знал.

Мужчины, женщины и дети продолжали топтаться на месте, дрожа и шатаясь на подгибающихся ногах. Толпа становилась все больше и больше. В безумных глазах вспыхивала жадность. Какая-то женщина, спотыкаясь и кряхтя, зашла в тыл Малышу и повалилась на сани, широко растопырив руки. За ней последовал старик; пыхтя и задыхаясь, он пытался развязать ремни и добраться до лежащих на дне саней мешков с продовольствием. Какой-то юноша ринулся вперед с ножом в руках, но был отброшен Смоком. Толпа напирала на них со всех сторон; разгорелся настоящий бой.

Сначала Смок и Малыш только отталкивали нападающих, но потом пустили в ход рукоятки бичей и кулаки и начали избивать толпу, обезумевшую при виде пищи. Со всех сторон слышались

рыдания и стоны женщин и детей. Там и сям, во многих местах санные ремни были уже перерезаны. Мужчины подползали на животах, и, не обращая внимания на град ударов и толчков, пытались вытащить из саней продовольствие. Их приходилось отрывать от земли и отбрасывать в сторону. Они были так слабы, что валились на землю от первого же толчка. Никто из них не сделал ни одной попытки напасть на людей, оборонявших сани.

Только страшная слабость индейцев и спасла Смока и Малыша от поражения. Через пять минут стена напиравших индейцев была сокрушена и превратилась в груду корчившихся и ползавших по снегу тел. Несчастные выли и стонали, судорожно раздували ноздри и с пеной у рта, остекленевшими, затуманенными глазами впивались в мешки с продовольствием, обозначавшим для них жизнь. И надо всем царил страшный вой женщин и детей.

— Замолчите, замолчите!—орал Малыш, затыкая уши; он задыхался от усталости.—Ах, вот ты как!—взревел он вдруг и, ринувшись вперед, выбил нож из рук человека, подползшего к саням и пытавшегося вонзить нож в горло собаки-вожака.

— Какой ужас!—пробормотал Смок.

— Фу, запарился!—ответил Малыш, отходя от спасенного Брайта.—Что нам делать с этой ходячей амбулаторией?

Смок покачал головой, но тут задача разрешилась сама собой. Какой-то индеец выполз из кучи валявшихся тел и выпучил свой единственный глаз не на сани, а на Смока; в этом страшном взгляде Смок прочел бешеное усилие овладеть собой. Малыш вспомнил, что он только что хватил этого старика по тому глазу, который теперь закрылся и запух. Индеец приподнялся на локте и заговорил:

— Моя Карлук. Моя хороший сиваш. Моя знает много белый человек. Моя много голодный. Все много голодный. Все не знает белый. Моя знает. Моя теперь ест пища. Все теперь ест пища. Мы купит пища. Мы много золота. Нет пища. Лето лосось не ходил Молочная Река. Зима карибу не ходил. Нет пища. Моя говорит весь народ. Моя говорит—много белый человек ходит Юкон. Белый человек—много пища. Белый человек любит золото. Мы берет золото, ходит Юкон, белый человек дает пища. Много золота. Я знает—белый человек любит золото.

Дрожащими пальцами он начал шарить в мешке, который вытащил из-за пояса.

— Слишком много делать шума,—рассеянно перебил его Малыш.—Ты сказать сквау [1]), ты сказать папуз [2]) заткнуть глотки.

---

[1]) Сквау — женщина.

[2]) Папуз — ребенок.

Карлук повернулся и обратился с речью к воющим женщинам. Остальные мужчины прислушались и, властно возвысив голоса, мало-по-малу заставили успокоиться женщин и сгрудившихся около них детей. Карлук перестал шарить в мешке и несколько раз поднял руку с растопыренными пальцами.

— Столько людей сделать мертвый,—сказал он.

Следя за счетом, Смок понял, что семьдесят пять человек из племени умерло от голода.

— Моя купит пища,—сказал Карлук, раскрыв мешок, и вытащил из него большой, тяжелый кусок металла. Остальные последовали его примеру, и со всех сторон появились точно такие же куски. Малыш выпучил глаза.

— Батюшки!—воскликнул он.—Медь! Сырая красная медь! А они думают, что это золото!

— Это золото,—заверил их Карлук, уловив смысл восклицания Малыша.

— Бедняги! Это была их последняя ставка!—пробормотал Смок.— Посмотри-ка! Этот кусок весит сорок фунтов. У них есть сотни фунтов меди, и они все время тащили ее с собою, а сил не было и себя-то тащить. Послушай, Малыш, мы должны накормить их.

— Легко сказать. А как насчет статистики? У нас с тобой продовольствия на месяц, то-есть шесть порций, помноженных на тридцать, стало быть, сто восемьдесят порций. А тут двести индейцев— и аппетит у них изрядный. Мы не можем накормить их даже один раз.

— Есть еще пища для собак,—ответил Смок.—Двести фунтов сушеной лососины помогут нам вывернуться. Мы должны помочь им. Они свято верят в белых, помни это.

— Верно. И разочаровывать их не годится,—согласился Малыш.—Каждому из нас выпало на долю по скверному делу, одно хуже другого. Одному придется пробежаться в Муклук за подмогой, а другой останется здесь, займется этой богадельней и, вероятнее всего, будет съеден. Не забудь, что нам понадобилось шесть дней, чтобы добраться сюда. Даже налегке—быстрее чем в три дня не обернуться.

Смок на минуту задумался, взвесил количество миль и переложил их на единицы времени, измеряемого его выносливостью.

— Я могу быть там завтра вечером,—заявил он.

— Хорошо,—подхватил Малыш.—А я останусь и буду съеден.

— Но я возьму по рыбе на каждую собаку,—прибавил Смок.— И порцию еды для себя.

— Конечно, тебе надо будет проглотить что-нибудь, если ты собираешься быть в Муклуке завтра вечером.

Через посредство Карлука Смок изложил индейцам свой план.

— Зажигать огни, длинные огни, много огни,—закончил он.— Много белый человек жить Муклук. Белый человек много хороший. Белый человек много пища. Пять снов моя притти обратно много пища. Этот человек, его имя Малыш, много хороший друг мне. Он остаться тут. Он большой начальник, поняли?

Карлук кивнул головой и перевел его речь.

— Вся пища остаться здесь. Малыш дать пища. Он начальник, поняли?

Карлук перевел и это. Мужчины закивали головами и разразились гортанными криками одобрения.

Смок оставался в лагере до тех пор, пока не была налажена работа. Те, у кого еще были силы, ползали или ковыляли, собирая топливо. Были разложены длинные индейские костры. Малыш с дюжиной помощников занялся стряпней, стукая короткой дубинкой тянувшиеся к нему со всех сторон жадные руки. Женщины стали греть на огне снег, которым наполнили всю имевшуюся под рукой посуду. В первую очередь все получили по тонкому ломтю ветчины, а потом по ложке сахару, надо было хоть как-нибудь притупить их острый голод. Скоро на кострах, кольцом окружавших Малыша, зашипели горшки с бобами, а сам Малыш жарил и раздавал тончайшие оладьи, пронзая «жуликов» гневным взором.

— Я займусь стряпней,—говорил он Смоку, прощаясь с ним.— А ты лети во весь дух. Всю дорогу туда рысью, а обратно галопом. Сегодня и завтра ты будешь в пути, и раньше чем через три дня не сможешь вернуться. Завтра они съедят последнюю из собачьих рыб и останутся без крошки пищи на целых три дня. Тебе придется поторопиться, Смок. Тебе придется очень поторопиться.

III

Несмотря на то, что сани были нагружены только шестью сушеными рыбами, двумя-тремя фунтами мороженых бобов с салом и меховым мешком для спанья, Смок двигался довольно медленно. Вместо того, чтобы сидеть в санях и подгонять собак, ему приходилось возиться с шестом, бежать рядом с собаками. Кроме того, он много работал в течение дня и чувствовал себя очень усталым. Устали и собаки. Долгие полярные сумерки настигли его, едва только он перебрался через хребет и оставил за собой Лысые Камни.

Путь под гору был уже значительно легче. Время от времени Смок мог позволить себе роскошь вскочить в сани и на протяжении шести миль ограничиться понуканием измученных собак. Ночь застала его в широком русле какого-то безымянного ручья. Ручей вился по долине подковообразными изгибами, и чтобы выиграть время,

Смок решил выбраться из русла и ехать напрямик. Вскоре он сбился с пути и снова вернулся в русло. В течение часа он тщетно пытался взять верное направление и, убедившись, наконец, в бесполезности дальнейших блужданий, развел костер, дал каждой собаке по половине рыбы и разделил на две части свой собственный паек. Потом закутался в спальный мешок, и прежде чем сон сморил его, успел разрешить мучившую его задачу. Последняя пройденная им долина лежала у разветвления ручья. Он отдалился от правильного пути на целую милю. В данный момент он находился в основном русле, ниже того места, где проложенный им с Малышом путь пересекал долину и вел через маленький ручеек на низкий холм, находившийся на другом берегу ручейка.

Как только забрезжило утро, он собрался в путь натощак и поднялся вверх по руслу на милю. Без завтрака и не накормив собак, он ехал восемь часов не отдыхая, пересекая мелкие ручьи, низкие перевалы и спускаясь вниз по ручью Минноу. К четырем часам пополудни он, в сгущающихся сумерках, выехал на хорошо наезженную дорогу вдоль Оленьего Ручья. До конца путешествия ему оставалось еще пять-десять миль. Он сделал привал, развел костер, дал собакам по полрыбы и съел свой фунт бобов. Потом вскочил в сани, крикнул «пошел!» и погнал собак.

— Приналягте, псы!—кричал он.—Добывайте жратву! До Муклука ни крошки! Гоните, волки! Гоните!

IV

Он подъехал к салуну Энни-Майн в четверть первого пополудни. Главный зал был переполнен, в огромных печах трещали дрова и в помещении царила удушливая жара: вентиляции здесь не существовало. Треск фишек и шум за карточными столами сливались в монотонный аккомпанимент монотонному журчанию голосов. Люди беседовали стоя и сидя, по-двое и по-трое. Весовщики ни на минуту не покидали своих весов, ибо ходовой разменной монетой был золотой песок, которым приходилось оплачивать даже выпивку у стойки, стоившую какой-нибудь шиллинг.

Стены комнаты были сколочены из бревен, покрытых корой, при чем щели были законопачены полярным мохом. Из открытой двери танцовального зала доносились бравурные [1]) звуки рояля и скрипки. Только что состоялся розыгрыш китайской лотереи, и счастливчик, которому достался главный выигрыш, пропивал его в обществе полудюжины товарищей-собутыльников. За столом для игры в фаро и

---

[1]) Бравурная музыка — исполненная мастерски, с воодушевлением.

рулетку царило деловитое спокойствие. Точно так же спокойно было за столами для поккера, вокруг которых собралось множество зрителей. Еще за одним столом шла серьезная, сосредоточенная игра в «Черного Джэка». Только со стола для игры в кости доносился шум, так как один из игроков швырял кости на зеленое сукно стола со всего размаха, точно преследуя ускользающее от него счастье. «Эй, четверка!—вопил он.—Да ну, иди же!! Где же ты, четверочка? Иди! Ну, тащи домой закуску!!»

Культус Джордж, рослый, коренастый индеец из Серкл-Сити, неподвижно стоял в стороне, прислонившись к бревенчатой стене. Он был цивилизованным индейцем—если только жить, как живут белые, значит быть цивилизованным. Он чувствовал себя смертельно обиженным, хотя обида эта была очень давнишняя. В течение многих лет он делал все, что делают белые, работал бок-о-бок с ними и зачастую даже лучше, чем они. Он носил такие же брюки, как они, такие же шерстяные толстые рубахи. У него были такие же часы, как у них, он так же, как и они, расчесывал свои короткие волосы на боковой пробор и ел ту же пищу, что они,—бобы, сало и муку. И все же ему было отказано в величайшей награде белых—в виски. Культус Джордж зарабатывал большие деньги. Он находил заявки, продавал и покупал заявки. А сейчас он был погонщиком собак и носильщиком и брал по два шиллинга с фунта за зимний пробег от Шестидесятой Мили до Муклука, а за сало, как это было принято,—три. Его кошель был туго набит золотым песком. Он мог заплатить за сотню выпивок. И все же ни один буфетчик не отпускал ему. Виски—горячий, живительный виски—лучшее благо цивилизации—было не для него. Только из-под полы, таясь и дрожа, по непомерно высокой цене мог он добыть себе выпивку. И он ненавидел эту проклятую межу, отделявшую его от белых,—ненавидел глубоко, много лет. А как раз сегодня он особенно изнывал от жажды, бесился и больше чем когда бы то ни было ненавидел белых, которым он так упорно подражал. Белые милостиво разрешали ему проигрывать добытое им золото за их карточными столами, но ни за какие деньги он не мог получить спиртного за их стойками. Поэтому он был очень трезв, очень логичен, и поэтому же он был необычайно мрачен.

В соседней комнате танцы закончились диким топотом, который не произвел ни малейшего впечатления на трех пьяниц, храпевших под роялем.

— Все пары, променад [1]) к стойке!—раздалась последняя команда распорядителя, когда музыка смолкла. И все пары проследовали в

[1]) Променад — прогулка.

главный зал—мужчины в мехах и мокассинах, женщины в теплых платьях, шелковых чулках и бальных туфельках. Вдруг распахнулась двойная наружная дверь, и в комнату тяжело ввалился Смок Беллью.

— Что случилось, Смок?—спросил Мэтсон, владелец Энни-Майн.

Смок с усилием разжал рот:

— За дверью мои собаки,—загнаны до полусмерти. Пусть кто-нибудь займется ими, а я тем временем расскажу в чем дело.

В кратких словах он обрисовал положение. Игрок в кости, который все еще сидел за столом, разложив перед собой деньги, и никак не мог поймать свою четверку, встал, подошел к Смоку и заговорил первым.

— Мы должны что-то сделать. Это ясно. Но что именно? У вас было достаточно времени на размышление. Каков ваш план?

— Вот что я придумал,—ответил Смок.—Нам надо будет пустить сани совсем налегке. Скажем, по сто фунтов продовольствия на каждую запряжку. Еда для погонщика и для собак—примерно, еще фунтов пятьдесят. Тогда они поедут быстро. Сию минуту выедут, скажем, пять-шесть саней—лучшие беговые запряжки, лучшие погонщики—пожиратели пространства. Выехать надо всем сразу. Как бы мы ни гнали собак, мы приедем на место тогда, когда индейцы будут уже третий день сидеть без единой крошки пищи. А потом, когда мы отправим легкие сани, мы пустим им вслед сани потяжелее. Считайте сами. Два фунта в день на человека—это самое меньшее, что им нужно, чтобы тронуться в путь. Значит, четыреста фунтов в день, а со стариками и детьми мы сможем доставить их в Муклук не раньше чем через шесть дней. Ну, как решаете?

— Устроим сбор и купим продовольствие,—сказал игрок в кости.

— Продовольствие я беру на себя,—нетерпеливо начал Смок.

— Нет,—перебил его тот.—Не вам одному хозяйничать. Мы все войдем в долю. Давайте сюда таз. Мы справимся в минуту. Вот вам почин.

Он вытащил из кармана тяжелый мешок с золотом, развязал его и направил в подставленный таз струю неочищенного песку и зерен. Стоявший подле него мужчина с проклятием отпихнул его и поднял кверху отверстие мешка—золотой поток прекратился. Около шести—восьми унций успело перейти в таз.

— Не хвалитесь!—крикнул он.—Не у вас одного есть золото. Пустите-ка и меня!

— Хо!—фыркнул игрок в кости.—Можно подумать, что тут гонятся за заявкой,—уж больно вы разгорячились.

Толпа сгрудилась; каждый хотел участвовать в сборе, и когда, наконец, все внесли свою долю, Смок приподнял тяжелый таз обеими руками и ухмыльнулся.

— Хватит на прокорм всего племени до самой весны,—сказал он.—Теперь о собаках. Нужно пять легких запряжек с хорошим ходом.

Немедленно была предложена дюжина запряжек; тут же был выбран комитет, который приступил к обсуждению их достоинств.

Как только выбор падал на какую-нибудь запряжку, владелец ее с полудюжиной подручных отправлялся запрягать, чтобы быть наготове и пуститься в путь по первому сигналу.

Одна запряжка была забракована, потому что только накапуне прибыла из утомительного путешествия. Один из присутствующих предложил свою запряжку, но со сконфуженным видом показал на свою забинтованную щиколотку, не позволявшую ему принять участие в походе. Его запряжку взял Смок, не обращая внимания па протестующие крики, что он слишком утомлен и должен остаться.

Долговязый Билль заявил, что хотя запряжка у Толстого Ольсена отличная, но сам Ольсен—настоящий слон. Двести сорок фунтов человеколюбия Толстого Ольсена вознегодовали. Слезы гнева выступили у него на глазах, и поток его красноречия прекратился только тогда, когда его зачислили в тяжелый отряд. Игрок в кости воспользовался случаем и перехватил легкую запряжку Ольсена.

Наконец, пять запряжек были выбраны, и их начали нагружать. Но пока только четыре погонщика удовлетворяли требованиям комитета.

— А Культус Джордж?—крикнул кто-то.—Он пожирает пространство, как никто другой, да и силы у него свежие.

Все взоры устремились на индейца. Но тот молчал, и лицо его было попрежнему бесстрастно.

— Возьмете запряжку?—обратился к нему Смок.

Но рослый индеец не отвечал. Словно электрический ток пробежал по толпе; все почувствовали, что готовится нечто непредвиденное. Люди заволновались, и вскоре вокруг Смока и Культус Джорджа, смотревших друг другу прямо в лицо, образовалось кольцо встревоженных зрителей. Смок понял, что с общего согласия он выступает в роли представителя своих товарищей в том, что совершалось, и в том, что должно было совершиться. Он был раздражен. Он не понимал, как может найтись хоть одно живое существо, не увлеченное общим порывом и отказывающееся принять участие в задуманном деле. Ему и в голову не приходило, что индеец отказывается по причине, не имеющей ничего общего с корыстолюбием и эгоизмом.

— Вы конечно, возьмете запряжку?—сказал Смок.

— Сколько?—спросил Культус Джордж.

Лица золотоискателей исказились, и страшный рев разнесся по комнате.

— Постойте, ребята!—крикнул Смок.—Может, он не понимает. Дайте-ка я объясню ему. Слушайте, Джордж. Разве вы не видите, что тут никто никого не нанимает? Мы отдаем все, что у нас есть, чтобы спасти двести индейцев от голодной смерти.

— Сколько?—сказал Культус Джордж.

— Да постойте же, ребята! Слушайте, Джордж. Мы хотим, чтобы вы нас поняли. Голодают ваши же сородичи. Они из другого племени, но они тоже индейцы. Вы видите, что делают белые люди? Они отдают свой песок, своих собак, свои сани, наперебой предлагают свои услуги, просят взять их с собой. С первыми санями могут ехать только избранные. Посмотрите на Толстого Ольсена. Он готов был полезть в драку, когда ему не позволили ехать. Вы должны гордиться тем, что вас считают первоклассным погонщиком. Тут дело не в «сколько», а в «как скоро».

— Сколько?—сказал Культус Джордж.

«Убить его!» «Прошибить ему череп!» «Дегтю и перьев!» слышалось в дикой кутерьме, поднявшейся вслед за его словами. Дух человеколюбия и товарищеской спайки мгновенно превратился в дикое исступление.

А в центре урагана неподвижно стоял Культус Джордж. Смок отпихнул самого яростного из золотоискателей и крикнул:

— Стойте! К чему кричать?—Крики стихли.—Принесите веревку,—спокойно закончил он.

Культус Джордж пожал плечами; мрачная, недоверчивая усмешка исказила его лицо. Он знал белых. Достаточно долго путешествовал он с ними, достаточно много бобов, сала и муки съел с ними, чтобы не знать их. Они поклонялись закону. Он прекрасно знал это. Они наказывали человека, нарушающего закон. Но он не нарушал закона. Он знал их законы. Он жил по ним. Он никогда не убил, ничего не украл и не солгал. Закон белых людей не запрещал запрашивать цену и торговаться. Они все запрашивали цену и торговались. А он ничего другого не сделал, и этому они сами научили его. И кроме того, если он не был достоин пить с ними, то он, конечно, не был достоин заниматься вместе с ними и благотворительностью и принимать участие в прочих их нелепых развлечениях.

Принесли веревку. Долговязый Билль Хаскелль, Толстый Ольсен и игрок в кости очень неловко, дрожащими от гнева руками накинули индейцу на шею петлю и перебросили другой конец веревки через перекладину под потолком. Человек двенадцать зашли на другую сторону и стали сзади, готовясь тянуть.

Культус Джордж не сопротивлялся. Он знал, что это блефф. Насчет блеффов белые—мастера. Не поккер ли их излюбленная игра? Не блефф ли все их дела—купля, продажа, торговля?

— Стойте!—скомандовал Смок.—Свяжите ему руки. А то он будет цепляться.

«Опять блефф», решил Культус Джордж и безропотно позволил связать себе руки за спиной.

— Ваш последний шанс, Джордж,—сказал Смок.—Берете вы запряжку?

— Сколько?—сказал Культус Джордж.

Удивляясь самому себе, своей способности совершить подобную вещь, и в то же время возмущенный чудовищным корыстолюбием индейца, Смок подал знак. Не менее изумлен был и Культус Джордж, когда почувствовал, что петля у него на шее затягивается и отрывает его от пола. В то же мгновение его упорство было сломлено. По его лицу пробежала быстрая смена переживаний—удивления, испуга и боли.

Смок жадно следил за ним. Сам он никогда не подвергался повешению, а потому чувствовал себя новичком в этом деле. Тело индейца судорожно корчилось, руки силились разорвать путы, из горла вырывались хрипы. Смок поднял руку.

— Отпустите!—приказал он.

Те, что тянули веревку, были, повидимому, недовольны краткостью экзекуции,—они заворчали, но все же опустили Культус Джорджа на пол. Глаза у него вылезли из орбит, ноги подкашивались, он шатался из стороны в сторону и все еще судорожно шевелил руками. Смок понял в чем дело; резким движением просунул он палец между веревкой и шеей индейца и, рванув веревку, ослабил петлю. Культус Джордж вздохнул полной грудью.

— Возьмете запряжку?—спросил Смок.

Культус Джордж ничего не ответил. Он был занят—он дышал.

— Да, мы—белые—свиньи,—заговорил Смок, проклиная роль, в которой ему приходилось выступать.—Мы готовы душу продать за золото и тому подобное. Но вдруг приходит такая минута, когда мы забываем о золоте, от всего отрешаемся и делаем нечто, не помышляя о том, сколько мы заработаем. И когда мы делаем это, берегитесь, Культус Джордж. Так! А теперь мы желаем знать: возьмете вы запряжку или нет?

Культус Джордж боролся с собой. Он не был трусом. Быть может, блефф как раз достиг предела, и сдаваться было глупо. А в то время, как он боролся с собой, Смока грыз тайный страх, что этот упрямый индеец во что бы то ни стало захочет быть повешенным.

— Сколько?—сказал Культус Джордж.

Смок поднял было руку.

— Иду,—быстро сказал Культус Джордж, прежде чем петля успела затянуться.

V

— Когда спасательная экспедиция нашла меня,—рассказывал Малыш в Энни-Майн,—этот самый индейский идол Культус Джордж явился первым, побив Смока на три часа. А вы не забывайте, что Смок пришел вторым. Так вот, когда я услышал, что Культус Джордж орет с верхушки холма на своих псов, было как раз самое время, потому что эти чортовы сиваши слопали мои мокассины, рукавицы, кожаные ремни, футляр от ножа, а некоторые из них уже начали поглядывать на меня этакими голодными глазами,—я, знаете ли, был чуть пожирнее их.

А Смок? Ну, он был все равно что покойник. Он начал помогать мне стряпать обед для двухсот страждущих сивашей, да так и заснул на корточках у ведра, в которое накладывал снег. Я разостлал мой спальный мешок, и пусть меня повесят, если мне не пришлось укладывать его, как ребенка,—до того он измаялся. Да, а зубочистки-то я выиграл. Разве псам не пришлось кстати те шесть рыбин, что Смок скормил им за обедом?

ОШИБКА МИРОЗДАНИЯ

I

— Хо!—прикрикнул Смок на собак, откидываясь всем телом на шест, чтобы остановить сани.

— Ну, что случилось?—пробурчал Малыш.—Вода подо льдом, что ли?

— Вода не вода, а ты взгляни на эту тропу направо,—ответил Смок.—Я-то думал, что в этой местности никто не зимует.

Остановившись, собаки легли в снег и начали выгрызать кусочки льда, застрявшие у них между пальцами. Пять минут назад лед этот был водою. Животные провалились сквозь пленку запорошенного снегом льда, затянувшего весеннюю воду, которая просочилась с берега и выступила на поверхность трехфутовой ледяной коры, сковывавшей Нордбеску.

— Первый раз слышу, что в верховьях Нордбески есть люди,—сказал Малыш, уставившись на еле видный под двухфутовой снеговой пеленой след, который пересекал русло Нордбески и терялся в устье небольшого ручья, впадавшего в реку с левой стороны.—Может, тут проходили охотники со своей добычей?

Смок разбросал руками, не снимая рукавиц, легкий снег, остановился, подумал, посмотрел, снова принялся за очистку следа и снова остановился.

— Нет,—решительно произнес он.—Тут ходили вверх и вниз по ручью, но последний раз определенно вверх. Эти люди, кто бы они ни были, и сейчас еще находятся здесь, вблизи, но по тропе уже несколько недель никто не проходил. Но что их тут держит? Вот что я хотел бы знать.

— А я бы хотел знать, где мы сегодня будем ночевать,—сказал Малыш, с тоской глядя на юго-запад, где вечерние сумерки постепенно начинали сгущаться в ночь.

— Давай, поднимемся вверх по ручью, по этому следу,—предложил Смок.—Там много хвороста. Мы можем разбить на некоторое время лагерь.

— Лагерь, конечно, разбить можно, но если мы не хотим умереть с голоду, то должны итти, насколько хватит сил, скорее и не сбиваться в сторону.

— Мы найдем что-нибудь на этом ручье,—настаивал Смок.

— Но посмотри на наши запасы! Посмотри на собак!—воскликнул Малыш.—Посмотри на... Ну, да ладно, к чорту! Все равно ты сделаешь по-своему.

— Мы и дня на этом не потеряем,—сказал Смок.—Пройдем лишнюю милю, не больше.

— Люди погибали и из-за мили,—возразил Малыш, с мрачным и покорным видом качая головой.—Ну что ж, поедем искать беды. Вставайте вы, бедняги колченогие,—ну, вставайте! Хо! Брайт! Хо!

Вожак повиновался, и вся запряжка лениво поплелась по рыхлому снегу.

— Хо!—крикнул Малыш.—Надо утоптать дорогу.

Смок достал из саней лыжи, подвязал их к своим мокассинам и вышел вперед, чтобы расчистить и утоптать собакам путь.

Работа была не из легких. И люди и собаки уже много дней были на голодном пайке, а потому запас энергии у них был не велик. Шли они руслом реки, но русло было так круто, что они с величайшим трудом преодолевали подъем, точно карабкались на высокую гору.

Скоро высокие прибрежные скалы сдвинулись до такой степени, что путники оказались как бы на дне узкой котловины, в которой благодаря высоким отвесным утесам царил полумрак.

— Настоящая ловушка,—сказал Малыш.—Все вместе очень гнусно. Тут что-то неладно. Наверняка наживем беду.

Смок ничего не ответил и в течение получаса они прокладывали себе путь в полном молчании. Наконец, Малыш не вытерпел:

— Ну и дела! Сплошная мерзость! И если ты хочешь выслушать меня, я скажу тебе, что из всего этого получится.

— Говори,—сказал Смок.

— Так вот, мое предчувствие говорит мне, что мы не выберемся из этой дыры много-много дней: мы наживем себе беду и надолго застрянем здесь.

— Ну, а что говорит предчувствие насчет еды?—мрачно спросил Смок.—Ведь продовольствия-то у нас припасено значительно меньше, чем на «много-много дней».

— Насчет продовольствия не знаю. Думаю, что обойдемся. Но одно я скажу тебе, Смок, прямо и открыто: я съем любую собаку из нашей запряжки, кроме Брайта. На Брайте я остановлюсь.

— Не вешай носа,—ухмыльнулся Смок.—Мне везет, и мое счастье работает и сверхурочно. Собак есть не придется,—я в этом

уверен. Будут ли это олени, или лоси, или жареные перепела,—но только мы все разжиреем.

Малыш фыркнул с невыразимым презрением. И еще на четверть часа водворилось молчание.

— Ну вот, кажется, начинаются неприятности,—заметил Смок, останавливаясь и пристально вглядываясь в какой-то предмет, лежащий в стороне от заметенного снегом следа.

Малыш оставил шест, присоединился к Смоку, и через минуту оба с недоумением смотрели на человеческое тело, лежащее около тропинки.

— Упитанный,—промолвил Смок.

— Посмотри на его губы,—заметил Малыш.

— Тверд, как кочерга,—сказал Смок. Он поднял руку трупа— та не согнулась и потащила за собой все тело.

— Если потрясти его, он рассыплется на кусочки,—заметил Малыш.

Окоченелый труп лежал на боку. Так как он не был заметен снегом, то можно было заключить, что лежал он тут очень недолго.

— Три дня тому назад шел сильный снег,—прибавил Малыш.

Смок кивнул, склонился над трупом и, перевернув его лицом кверху, указал на огнестрельную рану в виске. Потом посмотрел по сторонам и мотнул головой на валявшийся в снегу револьвер.

Пройдя сто ярдов, они наткнулись на второй труп, лежащий ничком на дороге.

— Две вещи ясны для меня,—сказал Смок.—Оба покойника— толстые. Значит, голода не было. А в то же время им сильно не п везло, иначе они бы не покончили с собой.

— Если только они покончили с собой,—заметил Малыш.

— В этом я не сомневаюсь. Тут нет ничьих следов, кроме их собственных, и притом оба обожжены порохом.—Смок оттащил труп в сторону и носком мокассина вырыл из снега револьвер, вдавленный в него тяжестью тела.—Вот чье это дело! Говорил я тебе, что мы найдем что-нибудь!

— Пока что мы еще не много узнали. И с чего это два таких жирных молодца покончили с собой?

— Знай мы это, для нас было бы ясно и все остальное,—ответил Смок.—Едем дальше, смеркается.

Было уже совершенно темно, когда Смок задел лыжами еще один труп и тотчас же упал поперек саней, на которых лежал второй. Вытряхнув снег из-за ворота, он зажег спичку, и они увидели третий труп, завернутый в одеяло и лежавший на краю наполовину вырытой могилы. Прежде чем спичка погасла, они увидели еще с полдюжины могил.

— Бррр!—содрогнулся Малыш.—Лагерь самоубийц. И каких упитанных! По-моему, тут все до одного перемерли.

— Нет,—взгляни-ка вон туда.—Смок показал на мерцающий вдали огонек.—А вон еще один и еще. Идем! Да поскорее!

Больше трупов не было, и через несколько минут они добрались по хорошо утоптанной дороге до лагеря.

— Да это прямо поселок,—прошептал Малыш.—Тут не меньше двадцати хижин, и ни одной собаки. Странно!

— В этом-то и разгадка,—возбужденным шопотом ответил Смок.—Это экспедиция Лоры Сиблэй. Помнишь, они прошлой осенью поднялись вверх по Юкону на «Порт-Тоунсенде». Они прошли мимо Даусона не останавливаясь. Пароход высадил их, повидимому, у устья ручья.

— Вспоминаю. Это были мормоны [1]).

— Нет, вегетарианцы!—Смок усмехнулся в темноте.—Они не едят мяса и не пользуются собаками.

— Что мормоны, что вегетарианцы—все едино. А на золото и их потянуло. Лора Сиблэй обещала доставить их прямешенько на то место, где все до одного станут миллионерами.

— Верно. Она у них ясновидящая,—у нее были разные видения и все такое. А я думал, что они поднялись по Норденшельду.

— Ой! послушай-ка!

Малыш испуганным жестом схватил Смока за руку, и оба стали прислушиваться к хриплому, протяжному стону, доносившемуся из какой-то хижины. Не успев затихнуть, он был подхвачен другим, потом третьим,—этот вопль производил чудовищное, кошмарное впечатление.

— Бррр!—содрогнулся Малыш.—Меня положительно воротит от этого воя. Зайдем, посмотрим, в чем тут дело.

Смок постучался в дверь первой освещенной хижины и, услышав стон: «Войдите», шагнул через порог вместе с Малышом. Это была простая бревенчатая хижина со стенами, законопаченными мохом, и земляным полом, посыпанным опилками и стружками. Свет керосиновой лампы позволил им разглядеть четыре койки; три из них были заняты людьми, которые перестали стонать и уставились на пришельцев.

— Что с вами?—обратился Смок к одному из них, забившемуся под одеяло, которое не могло скрыть его широких плеч и мощной

---

[1]) Мормоны, или, как они сами называют себя, святые последних дней,—американская религиозная секта, основанная в 1830 г., полуязыческого характера.

мускулатуры, странно противоречивших измученному выражению глаз и впавшим щекам.—Оспа, что ли?

В ответ человек показал на свой рот и с трудом разжал черные, распухшие губы. Смок невольно отшатнулся.

— Цынга,—шепнул он Малышу.

Человек на койке подтвердил этот диагноз кивком.

— Еды много?—спросил Малыш.

— Да,—раздался голос с другой койки.—Угощайтесь! Еды сколько угодно. В хижине напротив никого нет. Склад дальше,—все прямо. Ступайте туда.

II

Во всех хижинах, в которых Смок и Малыш побывали за ночь, они натыкались на точно такое же зрелище. Цынга поразила весь лагерь. В экспедиции принимали участие двенадцать женщин, но Смоку и Малышу удалось увидеть только некоторых из них. В лагере сначала было девяносто три человека мужчин и женщин. Десять из них умерли, а двое недавно исчезли. Смок сообщил о своей находке и выразил изумление по поводу того, что никто из участников экспедиции не потрудился пройти это ничтожное расстояние и найти их. Больше всего его и Малыша поразила беспомощность этих людей.

Их хижины были загажены до последней степени. На грубо сколоченных столах стояли немытые тарелки. Никто не помогал друг другу. Все невыгоды одной какой-нибудь хижины касались только ее обитателей. Они даже перестали хоронить покойников.

— Прямо гнусность,—сказал Смок Малышу.—Видал я лодырей и бродяг, но никогда не встречал их сразу в таком количестве. Ты слышал, что они говорят? Они за все время ни разу не пошевелились. Держу пари, что они ни разу даже не помылись. Не удивительно, что они схватили цынгу.

— Но ведь вегетарианцы как будто не подвержены заболеванию цынгой,—заметил Малыш.—Говорят, только питающиеся соленым мясом заболевают ею. А они не едят мяса,—ни соленого, ни свежего, ни сырого, ни вареного—словом, никакого.

Смок покачал головой.

— Знаю. Цынгу именно и лечат вегетарианской диэтой. Никакие другие лекарства не помогают. Овощи, в особенности картофель,—вот единственное противоядие. Но не забывай одного, Малыш,—мы имеем дело не с теорией, а с жизнью. Факт налицо—эти травоядные схватили цынгу.

— Должно быть, заразительная штука?

— Нет, на этот счет доктора точно осведомлены. Микробов цынги нет. Ею нельзя заразиться. Насколько я понимаю, она вызывается изменением состава крови. Дело не в том, что они ели, а в том, чего они не ели. Человек заболевает цынгой от недостатка какого-то химического вещества в крови, и вещество это добывается не из порошков и микстур, а из овощей.

— Но ведь эти люди ничего не едят, кроме травы,—пробурчал Малыш.—А травы-то у них было по уши. Стало быть, ты ошибаешься, Смок. Ты строишь теории, а жизнь начисто опровергает их. Цынга заразительна, и они схватили ее все до одного, и притом основательно. И мы с тобой тоже схватим ее, если застрянем здесь. Бррр! Я положительно чувствую, как эта дрянь заползает в меня.

Смок скептически рассмеялся и постучал в дверь очередной хижины.

— По-моему, тут та же история,—сказал он.—Зайдем. Надо все выяснить.

— Что вам надо?—послышался резкий женский голос.

— Видеть вас,—ответил Смок.

— Кто вы такие?

— Два врача из Даусона,—не задумываясь выпалил Малыш, за что и был наказан сильным толчком в бок, нанесенным ему локтем Смока.

— Нам не нужны врачи,—сказала женщина резким прерывистым голосом, в котором слышались боль и раздражение.—Идите себе своей дорогой. Спокойной ночи. Мы не верим врачам.

Смок сбил засов, распахнул дверь и, войдя, поднял фитиль в тусклой керосиновой лампе, чтобы лучше видеть. Четыре женщины, лежавшие на четырех койках, перестали стонать и уставились на вошедшего. Две из них были молодые, с тонкими чертами лица; третья—пожилая и очень полная. А четвертая—та, что, повидимому, говорила со Смоком,—была самым худым и хрупким образцом человеческой породы, какой ему когда-либо приходилось видеть. Он тотчас же сообразил, что это и есть Лора Сиблэй, пророчица и ясновидящая, организовавшая экспедицию в Лос-Анжелос и приведшая ее в этот лагерь смерти на Нордбеске. Явно неприязненно отвечала она на расспросы Смока. Лора Сиблэй не верила в медицину. В дополнение ко всем ее мукам она почти перестала верить и в самое себя.

— Почему вы не послали за помощью?—поинтересовался Смок, когда она замолчала, утомленная своей первой тирадой.—На реке Стьюарт есть лагерь. А до Даусона всего восемнадцать дней пути.

— А Эмос Вентворт почему не пошел?—спросила она; в голосе ее звучала ярость, граничившая с истерикой.

— Не знаю этого джентльмена,—ответил Смок.—А что же он делал?

— Ничего. А он один не схватил цынги. А почему он не заболел? Я скажу вам. Нет, не скажу.—Она сжала губы—такие тонкие и прозрачные, что Смоку показалось, будто он видит за ними зубы и десны.—Да и пойди он даже,—какой был бы толк? Я-то ведь знаю. Я не дура. Наши склады набиты фруктовым вареньем и консервами из овощей. Мы защищены от цынги лучше любого лагеря в Аляске. Нет таких консервированных овощей, нет таких фруктов, которых бы у нас не было, и притом в громадном количестве.

— Вот ты и попался, Смок,—возликовал Малыш.—Вот тебе факты, а не теория. Ты говоришь—лечение овощами. Овощи налицо, а где лечение?

— Сам ничего не понимаю,—признался Смок.—А между тем во всей Аляске не найти подобного лагеря. Я видел цынгу,—сколько угодно отдельных случаев; но мне в жизни не приходилось видеть, чтобы целый лагерь болел ею, и притом в такой тяжелой форме. Так или иначе, мы должны помочь этим людям, чем можем. Но сперва нам надо устроиться и позаботиться о собаках. Утром увидимся, э-э... миссис Сиблэй.

— Мисс Сиблэй,—отрезала она.—И вот что, молодой человек. Если вы вздумаете соваться к нам в хижину с какими-нибудь лекарскими снадобьями, я накормлю вас дробью.

— Приятная дамочка—эта божественная прорицательница,—рассмеялся Смок, пробираясь вместе с Малышом в темноте к пустой хижине, рядом с той, которую они посетили первой.

Вероятно, в ней еще недавно жили два человека,—быть может, те самые самоубийцы, которых они нашли на дороге. Они перерыли склад и нашли баснословное количество всевозможных продуктов в консервированном, сушеном, печеном, сгущенном и стерилизованном виде.

— И с чего им только вздумалось болеть цынгой?—спрашивал Малыш, тыча пальцем в пакеты с яичным порошком и сухими грибами.—Взгляни-ка сюда! А вот это!—Он вытащил несколько жестянок с томатами, с различной крупой и бутылки с оливками.— И божественная следопытка тоже схватила цынгу! Что ты на это скажешь?

— Психопатка, а не следопытка,—поправил Смок.

— Следопытка,—повторил Малыш,—разве не привела она сюда, в этот ад, всю свою экспедицию? Она нашла же путь сюда.

III

Встав на следующее утро с рассветом, Смок встретил человека, тащившего нагруженные дровами сани. То был маленький, чистенький, подвижной человек, двигавшийся очень быстро, несмотря на тяжелый груз. Смок сразу же почувствовал к нему антипатию.

— Что с вами?—спросил он.

— Ничего,—ответил человек.

— Я знаю, что ничего,—сказал Смок.—Потому-то я и спрашиваю. Вы—Эмос Вентворт. Почему, скажите на милость, вы не схватили цынги, как все прочие?

— Потому что я работал,—последовал быстрый ответ.—Никто из них не заболел бы цынгой, если бы они дышали свежим воздухом и занимались чем-нибудь. А они что делали? Ворчали, жаловались на холод и долгие ночи, тяжелую работу, болезни и вообще на все на свете. Они валялись на кроватях до тех пор, пока не распухли так, что теперь уж и встать не могут. Вот вам и все. Посмотрите на меня. Я работал. Идемте ко мне в хижину.

Смок последовал за ним.

— А ну, посмотрите. Чистенько, а? Попробуйте подкопаться. Как стеклышко! Если бы я не боялся упустить тепло, я бы не держал на полу этих опилок и стружек,—но зато уж они чистые, будьте уверены. А вы бы посмотрели на пол в их берлогах! Хлев, да и только! А я ни разу не ел с немытой тарелки. Нет-с, сударь! Работать надо было, и я работал—и у меня нет цынги. Вот вам и вся премудрость,—зарубите ее себе на носу.

— Да, можно сказать, вы попали в точку,—подтвердил Смок.—Но я вижу только одну койку. Отчего такая необщительность?

— Так мне больше нравится. Легче прибирать за одним, чем за двумя,—вот и все. Лентяи и лодыри! Не удивительно, что они схватили цынгу.

Все, что он говорил, было вполне резонно, и все-таки Смок не мог отделаться от чувства неприязни к этому человеку.

— А что против вас имеет Лора Сиблэй?—внезапно спросил он.

Эмос Вентворт быстро взглянул на него.

— Она помешанная,—возразил он.—Впрочем, мы все помешанные. Но да избавит меня небо от помешанных, которые не хотят мыть тарелки, и едят на грязных. А такова вся эта банда.

Несколько минут спустя Смок беседовал с Лорой Сиблэй, которая с помощью двух палок умудрилась доползти до его хижины.

— Почему вы сердитесь на Вентворта?—спросил он, неожиданно переменив тему разговора.

Вопрос этот застал ее врасплох.

Ярость вспыхнула в ее зеленых глазах, исхудалое лицо на мгновение исказилось, а искусанные губы дрогнули, словно она собиралась заговорить. Но только какое-то невнятное бормотание, какое-то всхлипывание сорвалось с ее губ: чудовищным усилием воли она сдержалась.

— Потому что он здоров,—прохрипела она.—Потому что у него нет цынги. Потому что он эгоистичен до последней степени. Потому что он пальцем не пошевелит, чтобы помочь кому-нибудь, и спокойно даст нам сгнить и умереть. Он это делает и сейчас. Ему и в голову не придет принести нам ведро воды или вязанку дров. Вот какой это зверь! Но пусть он будет осторожен! Вот и все. Пусть будет осторожен!

Все еще задыхаясь и всхлипывая, она заковыляла обратно, а когда пятью минутами позже Смок вышел из хижины покормить собак, он увидел, что она входит в хижину Эмоса Вентворта.

— Здесь что-то неладно, Малыш, что-то неладно,—многозначительно качая головой, сказал он своему компаньону, когда тот появился на пороге с помойным ведром в руках.

— Верно!—весело откликнулся Малыш.—И мы с тобой оба схватим эту штуку. Вот увидишь.

— Да я не о цынге говорю.

— А, так ты о божественной следопытке? Настоящий скелет. В жизни не видал я такой тощей женщины.

IV

— Работа сохранила нам с тобой здоровье, Малыш. Она сохранила здоровье Вентворту. А ты видел, во что превратило бездельничанье остальных? Стало быть, мы должны прописать этим больничным клячам работу. Назначаю тебя старшей сестрой.

— Кого? Меня?—крикнул Малыш.—Отказываюсь!

— Нет, ты не откажешься. Я буду тебе хорошим помощником, потому что нам предстоит нелегкая игра. Мы должны заставить их попотеть. Первым делом они похоронят покойников. Самых крепких больных—в погребальную роту. Тех, что чуть послабее,—за дровами,—они валяются на койках, чтобы съэкономить топливо,—и так далее, по степени здоровья. А потом—сосновый чай. Они, вероятно, не слыхали о нем.

— Ну, кончено наше дело,—осклабился Малыш.—Не успеем мы рот раскрыть, как в нас всадят хороший заряд свинца.

— С этого-то мы и начнем,—сказал Смок.—Идем!

В течение следующего часа был произведен обход всех двадцати с лишком хижин. Все патроны, все винтовки, ружья и револьверы были конфискованы.

— Эй вы, калеки!—провозглашал Малыш.—Давайте сюда ваши самострелы! Они нам нужны.

— Кто это говорит?—осведомились в первой хижине.

— Врачи из Даусона,—ответил Малыш.—Их слово—закон. Ну, живо! И патроны тоже давайте.

— Зачем они вам?

— Чтобы отбить вооруженный отряд мясных консервов, наступающий со стороны ущелья. Кстати, заблаговременно предупреждаю вас о предстоящем вторжении соснового чая. Пошли дальше!

Это было только начало. Уговорами, угрозами, а подчас и просто силой они согнали всех мужчин с коек и заставили их одеться. Смок отобрал самых крепких и сформировал из них погребальный отряд. Другому отряду было велено набрать хвороста для костра, при помощи которого в мерзлой земле были сделаны могилы. Еще один отряд был назначен на заготовку топлива и аккуратное снабжение им отдельных хижин. Тем, кому состояние здоровья не позволяло работать на воздухе, было предложено подмести хижины и выстирать белье. Один из отрядов заготовил множество сосновых веток, и все печи были заняты под варку соснового чая.

Но как Смок и Малыш ни бодрились, положение было, в сущности, чрезвычайно серьезное. По меньшей мере тридцать совершенно безнадежных больных никак нельзя было поднять с кровати,—Смок и Малыш с отвращением и ужасом констатировали это. В хижине Лоры Сиблэй умерла женщина. Требовались решительные меры.

— Я не любитель избивать больных,—говорил Малыш, угрожающе стискивая кулаки.—Но если это принесет пользу, то я способен размозжить им черепа. И в чем вы все нуждаетесь, проклятые лодыри, так это в основательной взбучке! Ну, вылезайте и напяливайте вашу сбрую! Да поживей, а не-то я прогуляюсь по вашим физиономиям!

Больные роптали, вздыхали и ныли; слезы струились и замерзали у них на щеках во время работы.

Когда к полудню вернулись рабочие отряды, их уже ожидал вкусный обед, состряпанный наиболее слабыми обитателями хижин под наблюдением и из-под палки Смока и Малыша.

— Будет,—сказал Смок в три часа пополудни.—Отчаливайте! Марш по койкам! Может, вы и чувствуете себя теперь погано, но это ничего—завтра будет лучше. Лечение—вещь неприятная, но я вас вылечу.

— Слишком поздно,—ухмыльнулся Эмос Вентворт, следя за усилиями Смока.—За них надо было приняться прошлой осенью.

— А ну-ка, пойдемте со мной,—ответил Смок.—Берите эти два ведра. Вы не больны.

Они начали втроем ходить из хижины в хижину и вливали в каждого мужчину и каждую женщину по пинте соснового чая. Это оказалось нелегким делом.

— Вам бы следовало заметить с самого начала, что мы сюда пришли не шутки шутить,—заявил Смок первому же больному, пытавшемуся воспротивиться и стонавшему сквозь стиснутые зубы.—Подсоби-ка Малыш.—Смок схватил одной рукой пациента за нос, а другой стукнул его под ложечкой так, что у него немедленно открылся рот.

— Ну, Малыш! Пошло!

И действительно пошло—под аккомпанимент воплей, плевков и фырканья.

— В следующий раз будет легче,—утешал Смок жертву, принимаясь за очередной нос.

— Я бы охотнее выпил касторки,—по секрету признался Малыш, готовясь проглотить собственную порцию.—Великий Мафусаил!—заявил он во всеуслышание и в назидание слушателям, проглотив горькое пойло.—Всего-то навсего одна пинта, а крепости в ней на целую бочку!

— Мы совершаем обход с сосновым чаем четыре раза в день, и каждый раз поим восемьдесят человек,—заявил Смок Лоре Сиблэй.—Так что вам от нас не спрятаться. Будете вы пить, или мне придется взять вас за нос?—Его большой и указательный пальцы красноречиво повисли над ее лицом.—Это штука растительная, так что угрызений совести у вас не будет.

— Угрызений совести?—фыркнул Малыш.—Вот еще! Из-за такой-то прелести?

Лора Сиблэй колебалась.

— Ну?—решительно спросил Смок.

— Я... я... выпью,—сказала она дрожащим голосом.—Только поскорей.

Вечером Смок и Малыш растянулись на своих койках разбитые, как после долгой и утомительной дороги.

— Я положительно чувствую себя больным,—признался Смок.—Они ужасно страдают. Но прогулка—это единственное средство, которое я мог придумать. А раз прогулка, так уж основательная. Хоть бы один мешок сырого картофеля!

— Спаркинс больше не может мыть тарелки,—сказал Малыш.— Он потеет от боли. Он был так слаб, что мне пришлось уложить его обратно в кровать.

— Эх, если б у нас был сырой картофель!—опять начал Смок.— Этой консервированной дребедени нехватает чего-то существенного, чего-то главного. Из нее выпарена вся жизнь.

— И еще я готов держать пари, что парнишка Джонс из хижины Браунлоу не дотянет до утра.

— Да перестань! Не скули ты!—взмолился Смок.

— Ведь нам же придется хоронить его, а?—послышалось негодующее фырканье.—Я тебе говорю, этот мальчишка совсем плох.

— Замолчи!—сказал Смок.

С соседней койки раздалось еще более негодующее фырканье, сменившееся скоро храпом,—Малыш заснул.

Ѵ

Утром не только Джонс был мертв: найден был повесившимся один из самых крепких мужчин, работавший в топливном отряде. Началась вереница кошмарных дней. В течение целой недели Смок, напрягая все силы, заставлял своих пациентов работать и пить сосновый чай. И все же ему приходилось снимать их с работы то по-одному, то по-двое, а то и по-трое. Он понял, что работа для цынготных—самое последнее дело. Погребальная рота таяла с каждым днем, но работала не покладая рук—на всякий случай было заготовлено около полудюжины могил.

— Худшего места для лагеря вы не могли найти?—спросил Смок Лору Сиблэй.—Посмотрите, как он расположен! На дне узкой котловины, выходящей на запад и восток. Даже в полдень солнце не поднимается выше скал. У вас, наверное, несколько месяцев не было солнца.

— Как я могла это знать?

Смок пожал плечами.

— Вы должны были знать! Сумели же вы увести за собой сотню сумасшедших на золотые россыпи.

Она злобно посмотрела на него и заковыляла прочь. Возвращаясь через несколько минут с осмотра пациентов, которые с охханьем и стонами собирали сосновые ветки, Смок увидел, что «прорицательница» входит в хижину Эмоса Вентворта, и последовал за нею. Подойдя к двери, он услышал ее стонущий и умоляющий голос.

— Только мне одной!—клянчила она в тот момент, когда Смок вошел в хижину.—Я никому не скажу.

Оба испуганно и виновато посмотрели на вошедшего. Смок почувствовал, что наскочил на какую-то тайну,—на какую именно, он не мог понять,—и проклинал себя за то, что не догадался подслушать у двери.

— Выкладывайте!—резко скомандовал он.

— Что «выкладывайте»?—мрачно переспросил Эмос Вентворт.

А что «выкладывать»—Смок-то и не мог сказать.

VI

Положение становилось все страшней и страшней. В темной дыре ущелья, куда не проникало солнце, жуткий список покойников все увеличивался. Изо дня в день Смок и Малыш с дрожью в сердце осматривали друг другу рты и искали первых признаков болезни—белого налета на деснах и на слизистой оболочке.

— С меня довольно,—возвестил Малыш в один прекрасный вечер.—Я как следует поразмыслил и решил, что с меня довольно. Надсмотрщиком за рабами я бы еще мог быть, но надсмотрщиком за калеками—это мне не по нутру. Им с каждым днем становится все хуже. Двадцать человек—больше я не могу выгнать на работу. Сегодня вечером я позволил Джэксону остаться в постели. Он готов был покончить с собой. Я видел—это ему засело в голову. От работы никакой пользы.

— Я пришел к тому же заключению,—ответил Смок.—Мы отпустим всех, за исключением двенадцати человек. А сосновый чай продолжать.

— Никакого толку.

— Я готов согласиться и с этим. Но ведь во всяком случае он и не вредит им.

— Еще самоубийство,—возвестил Малыш на следующее утро.—На этот раз Филиппс. Я уже несколько дней ждал этого.

— Мы работаем впустую,—пробормотал Смок.—А что бы ты предложил, Малыш?

— Кто? Я? У меня нет никаких предложений. Пусть все идет, как идет.

— Но ведь это значит, что они все перемрут!—запротестовал Смок.

— Кроме Вентворта,—буркнул Малыш, который уже давно разделял антипатию своего товарища к этому человеку.

Необъяснимый иммунитет Вентворта ставил Смока втупик. Каким образом он один из всех избежал цынги? Почему Лора Сиблэй так

ненавидит его? И вместе с тем виляет перед ним хвостом, о чем-то молит его? О чем? Чего он не хотел дать ей?

Смок неоднократно делал попытки застигнуть Вентворта врасплох во время обеда. Единственное, что он заметил подозрительного,—это подозрительное отношение самого Вентворта к нему. Тогда он взялся за Лору Сиблэй.

— Сырой картофель излечил бы всех,—сказал он как-то прорицательнице.—Я знаю. Я видел, как он действует.

По ее глазам, загоревшимся сначала верой, а потом ненавистью, он понял, что напал на верный след.

— Почему вы не захватили на пароход хоть сколько-нибудь картофеля?

— Был у нас картофель. Но, поднявшись по реке, мы продали его на форте Юкон с большим барышом. У нас осталось много сушеной картошки,—мы знали, что сушеная дольше держится.

— И вы все продали?—спросил Смок.

— Да. Как мы могли знать?

— Ну, а не осталось ли двух-трех мешков? Не завалились ли они где-нибудь на пароходе, случайно?

Она покачала головой,—не совсем решительно, как ему показалось.

— А может быть—все-таки?—настаивал он.

— Как могу я знать?—раздраженно ответила она.—Я не заведывала провиантом.

— Стало быть, им заведывал Эмос Вентворт,—немедленно сделал вывод Смок.—Очень хорошо. Ну, а каково ваше личное мнение—так, между нами? Не думаете ли вы, что у Вентворта где-нибудь спрятан сырой картофель?

— Нет, безусловно нет. Как мог бы он это сделать?

— А может быть?

Она только пожала плечами.

VII

— Винтворт—свинья,—был приговор Малыша, когда Смок поделился с ним своими подозрениями.

— И Лора Сиблэй тоже,—прибавил Смок.—Она убеждена, что у него есть картофель, но скрывает это от других и уговаривает его поделиться с нею.

— А он не дает, а?—Малыш обрушил на человеческую подлость серию изысканнейших проклятий и остановился, чтобы перевести дух.

Вечером, когда в лагере стонали и спали, или стонали и не спали, Смок зашел в неосвещенную хижину Вентворта.

— Выслушайте меня, Вентворт,—сказал он.—Вот в этом мешке у меня золотого песку на тысячу долларов. Я считаюсь в этой стране богачом и могу себе позволить подобную роскошь. Меня, кажется, тоже начинает пробирать. Суньте мне руку в сырую картофелину, и песок—ваш. Получайте!

И Смок вздрогнул, когда Эмос Вентворт протянул в темноте руку и схватил золото. Смок услышал, как он рылся под одеялом, и почувствовал, что в руку ему сунули самую настоящую картофелину.

Смок не стал ждать утра. В лагере было двое безнадежно больных, и с минуты на минуту ждали их смерти. Смок и Малыш направились в их хижину. Там они раздавили и растерли в чашке тысячедолларовую картофелину вместе с кожурой и приставшей к ней землей; получилась густая жидкость, и они вливали ее, по несколько капель на прием, в жуткие черные дыры, бывшие когда-то ртами. Всю долгую ночь они сменяли друг друга, давая больным по каплям картофельный сок.

К вечеру следующего дня в состоянии обоих больных произошла чудесная, просто невероятная перемена. А когда—через сорок восемь часов—весь картофельный сок вышел, они были уже вне опасности, хотя до полного излечения было еще далеко.

— Слушайте, что я намерен сделать,—сказал Смок Вентворту.— У меня есть кое-какое имущество в этой стране, и моя расписка ходит здесь как наличные деньги. Я дам вам по пятьсот долларов за картофелину, на общую сумму по пятидесяти тысяч долларов. Это выходит сто картофелин.

— А золотого песку у вас больше нет?—осведомился Вентворт.

— Мы с Малышом наскребли все, что у нас было. Но, говоря откровенно, мы с ним стоим по меньшей мере два миллиона.

— У меня нет картофеля,—сказал, наконец, Вентворт.—Очень бы я хотел, чтобы он у меня был. Та картофелина, что я вам дал, была у меня единственная. Я берег ее всю зиму на тот случай, если схвачу цынгу. Я продал ее только для того, чтобы выбраться из этих краев.

Несмотря на отсутствие картофельного сока, оба больные, к которым было применено «картофельное» лечение, продолжали поправляться. Положение же остальных все ухудшалось. На четвертое утро пришлось хоронить три страшных трупа. Малыш молча выполнил ужасную работу, которую считал хуже всякой пытки, а потом заявил Смоку:

— До сих пор ты все делал по-своему. Теперь мой черед.

Он ринулся прямо в хижину Вентворта. О том, что там происходило, Малыш никогда не распространялся. Когда он вышел из хижины, с его ободранных кулаков сочилась кровь, но зато лицо Вентворта

долго носило следы основательного избиения, а голова бессильно свисала набок на полупарализованной шее. Последнее находило свое объяснение в черных и синих отпечатках четырех пальцев на одной стороне его горла и одного сине-черного пятна на другой.

Затем Смок и Малыш вместе вторглись в хижину Вентворта и, вышвырнув его в снег, перевернули в хижине все вверх дном. Лора Сиблэй лихорадочно помогала им искать.

— Вы-то, положим, ничего не получите, старуха, хотя бы мы нашли целую тонну,—успокоил ее Малыш.

Но их постигло не меньшее разочарование, чем прорицательницу. Они ничего не нашли, хоть и разрыли весь пол.

— По-моему, его нужно поджаривать на медленном огне, пока он не заговорит,—предложил Малыш.

Смок неодобрительно покачал головой.

— Это убийство,—продолжал Малыш.—Он убивает этих бедняг так же, как если бы он попросту пробил им черепа.

Прошел еще день, посвященный бдительному наблюдению за каждым движением Вентворта. Несколько раз, когда он с ведром в руках направлялся к ручью, они как бы случайно приближались к его хижине, и он каждый раз бежал обратно, не набрав воды.

— Картофель спрятан в хижине,—сказал Малыш.—Это так же верно, как то, что Вентворт—свинья. Но где? Ведь мы же перерыли ее всю.—Он встал и натянул рукавицы.—Я найду картофель, хотя бы мне пришлось снести всю эту лачугу.

Он взглянул на Смока. Смок сидел с застывшим, отсутствующим взглядом и не слушал его.

— Что с тобой?—гневно спросил Малыш.—Только не говори мне, что ты схватил цынгу!

— Стараюсь вспомнить что-то.

— Что?

— Не знаю. В том-то и беда. Во всяком случае, что-то важное... Если бы только вспомнить!

— Слушай, Смок, не раскисай, пожалуйста,—взмолился Малыш.—Подумай обо мне. Плюнь ты на свои размышления. Идем, помоги мне свернуть эту лачугу. Я бы поджег ее, если бы не боялся изжарить нашу картошку.

— Есть!—взревел Смок, вскакивая на ноги.—Как раз это я старался вспомнить. Где жестянка с керосином? Я с тобой, Малыш! Картофель наш!

— Что я должен делать?

— Смотреть, что буду делать я,—больше ничего,—самодовольно усмехнулся Смок.

Через несколько минут, при слабом зеленоватом мерцании северного сияния, приятели крались к хижине Эмоса Вентворта. Осторожно и бесшумно облили они керосином балки, обратив особое внимание на дверную и оконную рамы. Потом чиркнули спичкой и стали наблюдать, как разгорается пламя.

Они увидели, как Вентворт выскочил из хижины, дико уставился на пламя и нырнул обратно.

Не прошло и минуты, как он появился вновь,—на этот раз медленно, согнувшись пополам под тяжестью мешка, вид которого не оставлял сомнений относительно своего содержимого. Как два голодных волка, кинулись на него Смок и Малыш. Слева и справа обрушились на него два удара. Он упал под тяжестью своего мешка, который Смок тотчас же схватил обеими руками. В то же мгновение Вентворт обвил его колени и поднял к нему бледное, перекошенное лицо.

— Дайте мне дюжину, только дюжину!—взвыл он.—Полдюжины,—берите себе остальное!—Он оскалил зубы и, охваченный слепой яростью, нагнул голову, чтобы укусить Смока за ногу, но тут же передумал и снова начал молить.—Только полдюжины!—скулил он.—Только полдюжины! Я собирался отдать его вам завтра. Да, завтра! Так я решил. В них—жизнь! Жизнь! Только несколько штук!

— Где другой мешок?—рявкнул Смок.

— Я съел его,—честно признался Вентворт.—Этот мешок—все, что осталось. Дайте мне хоть несколько штук. Можете взять остальное.

— Сожрал!—взвизгнул Малыш.—Целый мешок! А те бедняги подыхали без картофеля! Вот тебе! И еще! И еще! И еще! Свинья! Боров!

После первого же удара Вентворт оторвался от колен Смока. Второй удар опрокинул его в снег. Но Малыш продолжал бить его ногами.

— Ногти на пальцах обломаешь,—заметил Смок. Это было все, что он нашел нужным сказать.

— Я работаю пяткой,—ответил Малыш.—Обрати внимание. Я вгоню ему ребра в брюхо. Ну-ка, получай! Жалко, что на мне мокассины, а не сапоги. Ах ты, боров!

VIII

В ту ночь в лагере никто не спал. Смок и Малыш обходили хижины, вливая чудотворный картофельный сок, по четверть ложки на прием, в жалкие, изуродованные рты больных. Они продолжали работать весь следующий день, сменяя друг друга.

Больше не было умирающих. Самые безнадежные больные начали быстро поправляться. На третий день люди, неделями не встававшие с коек, выползли с костылями на свежий воздух. В тот день солнце, уже два месяца клонившееся к северу, в первый раз приветливо улыбнулось над хребтом ущелья.

— Ни одной штуки!—говорил Малыш скулящему Вентворту.— Цынга вас даже не коснулась. Вы съели целый мешок и застраховали себя от цынги на добрых двадцать лет. —Познакомившись с вами, я начал понимать бога. Я всегда удивлялся, почему он позволяет жить сатане. Теперь я понимаю. Он позволяет ему жить точно так же, как я позволяю жить вам. И все-таки это вопиющая несправедливость!

— И вот мой совет,—сказал Смок Вентворту.—Эти люди быстро поправляются. Через неделю мы с Малышом тронемся в путь, так что защищать вас будет некому, когда они примутся за вас. Снимайтесь отсюда. До Даусона восемнадцать дней пути.

— Собирай пожитки, Эмос,—прибавил Малыш.—Не то моя расправа покажется тебе безделицей по сравнению с тем, что сделают с тобой эти выздоравливающие.

— Джентльмены, выслушайте меня, молю вас,—хныкал Вентворт.—Я чужой в этих краях. Я не знаю здешних дорог. Я заблужусь. Позвольте мне ехать с вами. Я дам вам тысячу долларов, если вы позволите мне ехать с вами.

— Ладно,—злорадно ухмыльнулся Смок.—Если Малыш согласится.

— Кто? Я?—Малыш выпрямился с величайшим усилием.— Я—ничтожество. Я—червяк, гусеница, брат головастика, мухин сын. Я не боюсь и не стыжусь ничего, что ползает и копошится на земле. Но путешествовать с этой ошибкой мироздания? Отойди, человек! Меня тошнит.

И Эмос Вентворт удалился, один как перст, волоча сани с продовольствием, рассчитанным до Даусона. Не успел он пройти милю, как его нагнал Малыш.

— Эй, ты, пойди сюда,—приветствовал он Эмоса.—Поближе! Так. Вытряхивай!

— Я не понимаю...—пискнул Вентворт, содрогаясь при воспоминании о двух затрещинах, полученных им от Малыша.

— А тысячу долларов, это ты понимаешь? Тысячу долларов, которую Смок заплатил тебе за ту картофелину? Ну, живо!

Вентворт молча передал ему мешок.

— Я надеюсь, что тебя укусит хорек, и ты сдохнешь от водобоязни,—было напутственное слово Малыша.

ЯИЧНАЯ АФЕРА

I

Морозным зимним утром Люсиль Арраль вошла в даусонский магазин А. С. Company и подозвала Смока Беллью к прилавку с галантерейными товарами. Приказчик в это время открыл дверь в склад, и, несмотря на то, что большая печка была раскалена докрасна, Люсиль поспешно надела снятые, было, рукавицы.

Смок тотчас же повиновался ее зову. Во всем Даусоне не было мужчины, которому не польстило бы внимание Люсиль Арраль, певицы на амплуа субретки в маленькой труппе, дававшей иногда вечерние представления в оперном театре «Палас».

— Умереть можно со скуки,—пожаловалась она кокетливо-капризным тоном, как только они обменялись рукопожатием.—Целую неделю нечего делать. Маскарад, который собирался устроить Скифф Митчелл, отложен. Ни крупицы золотого песка в обращении. Фойе в театре пусты. Из Штатов уже две недели нет почты. Все забрались в свои берлоги и завалились спать. Надо что-нибудь предпринять. Необходимо оживить город,—и мы с вами можем это сделать. Если кто-нибудь вообще может расшевелить наших горожан, так это только мы с вами. Знаете, я порвала с Уайльдом Уотером.

Два видения почти одновременно возникли перед духовным взором Смока. Одним из них была Джой Гастелль; другим—он сам, распростертый на пустынной снежной дороге, под холодной полярной луной, чисто и со знанием дела подстреленный вышеозначенным Уайльдом Уотером. Явное нежелание Смока заняться встряской Даусона в компании с Люсиль Арраль не укрылось от внимания певицы.

— Пожалуйста! Мне безразлично, что вы об этом думаете!—сказала она и надула губки.—Если я вешаюсь вам на шею, то вам бы следовало выказать больше внимания ко мне.

— У некоторых людей от неожиданной радости бывал разрыв сердца,—пробормотал Смок, неумело изображая восторг.

— Лжец,—грациозно отпарировала она.—Вы больше всего на свете боитесь этого. Так вот, мистер Смок Беллью,—я не намерена

влюбляться в вас, а если вы вздумаете влюбиться в меня, то вам придется иметь дело с Уайльдом Уотером. Вы ведь знаете его. Кроме того я... я, в сущности, вовсе и не порывала с ним.

— Продолжайте ваши шарады. Может быть, я и догадаюсь, что вы задумали.

— Тут нечего догадываться, Смок. Я прямо скажу вам в чем дело. Уайльд Уотер думает, что я порвала с ним, понимаете?

— Так что же—порвали вы с ним или нет?

— Да нет же, конечно! Но пусть это останется между нами. Он думает, что я порвала с ним,—я подняла такой шум, словно в самом деле бросаю его навсегда. Впрочем, он только этого и заслуживает.

— А при чем тут я?—осведомился Смок.

— То-есть как при чем? Вы загребаете кучу денег, мы поднимем Уайльда Уотера на-смех, мы встряхнем Даусон, а самое главное, самое существенное—Уайльд Уотер чуточку сократится. Ему это необходимо. Он... как бы это сказать... он слишком буйный. А все потому, что он огромный детина, и у него столько заявок, что он им счет потерял.

— И потому, что он помолвлен с очаровательнейшей женщиной во всей Аляске,—вставил Смок.

— Да, и поэтому тоже. Но ведь это еще не причина беситься. Вчера его снова прорвало. Усеял пол бара M & M золотым песком. Не меньше, чем на тысячу долларов. Взял, развязал мешок и начал швырять золото под ноги танцорам. Вы, конечно, уже слышали?

— Да, сегодня утром. Хотел бы я быть уборщиком в этом учреждении. И все-таки я ничего не понимаю. При чем тут я?

— Послушайте, он чересчур необуздан. Я расторгла нашу помолвку, и теперь он ходит и шумит, словно у него и вправду разбито сердце. Вот тут и завязка истории. Я люблю яйца.

— Их больше нет!—в отчаянии воскликнул Смок.—Что делать? Что делать?

— Подождите.

— Но что значит яйца и аппетит для вашей истории?—спросил он.

— Все, если вы только будете слушать.

— Слушаю, слушаю,—пропел Смок.

— Так слушайте же, ради бога! Я люблю яйца. В Даусоне их весьма ограниченное количество.

— Верно. Это я тоже знаю. Больше всего их в ресторане Славовича. Порция ветчины и одно яйцо—три доллара. Порция ветчины и два яйца—пять долларов. Иначе говоря—два доллара яйцо, в

разницу. Только фаты [1]), Аррали и Уайльды Уотеры могут позволить себе такую роскошь.

— Он тоже любит яйца,—продолжала она.—Но не в этом дело. Я люблю их. Я завтракаю ежедневно в одиннадцать утра у Славовича. И постоянно съедаю два яйца.—Она выразительно помолчала.— Предположите, только предположите, что кто-нибудь скупает все яйца.

Она замолчала. Смок посмотрел на нее восхищенным взглядом и в глубине души одобрил выбор Уайльда Уотера.

— Вы не слушаете,—сказала она.

— Продолжайте,—ответил он.—Я сдаюсь. Так что же будет?

— Вот глупый! Вы ведь знаете Уайльда Уотера. Как только он увидит, что я тоскую по яйцам,—а я читаю в его душе, как в открытой книге, и умею делать тоскующий вид,—что он, по-вашему, сделает?

— Говорите, говорите!

— Он, разумеется, побежит к тому, кто скупил яйца. Он скупит всю партию, сколько бы она ни стоила. Картина: я прихожу в одиннадцать часов к Славовичу. За соседним столом сидит Уайльд Уотер. Он будет ходить туда, как на службу. «Два яйца в мешочке», говорю я лакею. «К сожалению, мисс Арраль, яиц больше нет», отвечает лакей. Тогда начинает говорить Уайльд Уотер медвежьим своим голосищем: «Человек, шесть яиц в смятку». И лакей отвечает: «Слушаюсь, сэр», и несет яйца. Картина: Уайльд Уотер искоса поглядывает на меня, а я становлюсь похожей на негодующую ледяную сосульку и начинаю пробирать лакея. «К сожалению, мисс Арраль, это—яйца мистера Уайльда Уотера. Его собственность, мисс». Картина: Уайльд Уотер торжествует и старается изо всех сил сделать невинное лицо, съедая свои шесть яиц.

А вот еще картина: сам Славович приносит мне два яйца в мешочке и говорит: «Привет от мистера Уайльда Уотера, мисс». Что же мне остается делать? Мне остается только улыбнуться Уайльду Уотеру, и тогда, разумеется, все начинается сначала. И в результате он будет думать, что сделал чрезвычайно выгодное дело, скупив всю партию яиц хотя бы по десять долларов за штуку.

— Дальше, дальше!—настаивал Смок.—При чем же тут я?

— Глупенький! Вы-то и скупите яйца! Вы начнете скупать их сегодня же, сейчас же. Вы можете купить все яйца в Даусоне по три доллара за штуку и продать их Уайльду Уотеру по любой цене. Потом мы разгласим всю подоплеку этого дела. Весь город будет смеяться над Уайльдом Уотером. И он, пожалуй, умерит свой пыл.

---

[1]) Фат — хвастун, хлыщ.

Мы же с вами поделим славу. Вы заработаете кучу денег, а Даусон будет покатываться со смеху. Конечно, если эта спекуляция кажется вам рискованной, то я могу дать вам денег на покупку яиц.

Этого Смок не мог вынести. Будучи простым смертным, да еще уроженцем Запада, со странными понятиями насчет денег и женщин, он с негодованием отверг предложенный ею песок.

II

— Эй, Малыш!—окликнул Смок своего компаньона, быстро шагавшего по другой стороне главной улицы, с бутылкой, в которой была какая-то замерзшая жидкость.—Где ты пропадаешь все утро?—прибавил он, подойдя к Малышу.

— У доктора,—ответил тот, показывая бутылку.—С Салли что-то неладно. Я осматривал ее вчера за вечерней кормежкой. У нее повылезли все волосы на морде и на боках. Доктор говорит...

— Это неважно,—нетерпеливо перебил его Смок.—Дело в следующем...

— Какая муха тебя укусила?—с негодующим изумлением спросил Малыш.—Ты хочешь, чтобы Салли ходила облезлой по такой мерзкой погоде?

— Салли может подождать. Послушай-ка...

— Не может она ждать, говорю я тебе! Ты становишься жестоким к животным! Салли замерзнет! Чего ради ты в такой горячке?

— Сейчас все расскажу, Малыш. Но только сделай мне одно одолжение.

— Пожалуйста,—галантно сказал немедленно успокоившийся Малыш.—В чем дело? К чорту Салли! Весь к твоим услугам.

— Я хочу, чтобы ты купил мне яйца.

— Ну, конечно, и одеколон, и рисовую пудру, и что еще? А несчастная Салли пусть облезает, как чорт знает что? Послушай, Смок, если тебе так хочется вести светский образ жизни, так ты уж покупай себе яйца сам.

— Я и буду покупать их. Только я хочу, чтобы ты мне помогал. Молчи и слушай, Малыш. Слово предоставляется мне. Иди прямым путем к Славовичу. Плати ему до трех долларов за штуку и купи у него все яйца, какие есть.

— Три доллара?—застонал Малыш.—А я только вчера слышал, что у него на складе лежит семьсот штук яиц. Две тысячи сто долларов за куриный помет! Слушай, Смок, что я тебе скажу. Не медли ни минуты, беги к врачу. Он займется тобой. Он вкатит тебе на первый раз всего-на-все унцию чего-нибудь такого—и дело с концом. А я тем временем отнесу домой бутылку.

Но Смок схватил товарища за плечо.

— Смок, для тебя я готов на все,—серьезно запротестовал Малыш.—Если бы ты застудил себе голову и переломил себе обе руки, то я бы дни и ночи дежурил у твоей кровати и утирал бы тебе нос. Но будь я проклят во веки веков, если я выброшу две тысячи сто хороших звонких долларов на куриный помет!

— Доллары не твои, а мои, Малыш. Я хочу сделать дело. Я намерен скупить все яйца в Даусоне, на Клондайке и Юконе. И ты должен помочь мне. У меня нет времени рассказывать тебе подоплеку дела,—отложим это на будущее. Но если хочешь, можешь войти в половинную долю. Факт тот, что нужно покупать яйца. Лети к Славовичу и покупай.

— А что я скажу ему? Он ведь поймет, что я не собираюсь съесть их.

— Не говори ничего. Пусть деньги говорят. Он продает яйца в вареном виде по два доллара за штуку. Предложи ему по три доллара за сырое яйцо. Если он начнет расспрашивать, скажи ему, что ты собираешься разводить кур. Словом—мне нужны яйца. Принимайся за дело; разнюхай и скупи все яйца, какие есть в Даусоне. Валяй! И не забудь, что у маленькой женщины с лесопилки—у той, что шьет мокассины,—тоже имеется дюжины две.

— Ладно, Смок, пусть будет так, как ты говоришь. Главный воротила, кажется, Славович?

— Да. Лети! Вечером сообщу тебе подробности.

Но Малыш потряс бутылкой.

— Сперва я отнесу домой лекарство для Салли. Яйца могут подождать. Если их еще не съели, то их и не съедят, пока я займусь бедной хворой собакой, которая неоднократно спасала жизнь и тебе и мне.

III

Никогда еще ни один товар не скупался с такой быстротой. В три дня все яйца в Даусоне, за исключением нескольких дюжин, перешли в руки Смока и Малыша. Смок оказался более сговорчивым покупателем. Он не краснея признался, что купил у некоего старика из Клондайк-Сити двадцать два яйца по шесть долларов за штуку. Большинство же яиц скупил Малыш, при чем немилосердно торговался. Женщине, шьющей мокассины, он заплатил всего по два доллара за штуку, и хвастался тем, что надул Славовича, забрав у него всю партию в семьсот пятьдесят яиц по весьма умеренной цене—два с половиной доллара за штуку. Зато он жаловался на маленький ресторанчик по ту сторону улицы, который умудрился

содрать с него по два доллара семьдесят пять центов за жалкие сто тридцать четыре яйца.

Несколько дюжин, которые им еще не удалось купить, находились у двух лиц: прежде всего—у женщины-индианки, жившей в хижине за госпиталем, с которой вел переговоры Малыш.

— Сегодня я кончу с ней,—заявил он на четвертый день.— Вымой посуду, Смок. Я буду дома через несколько минут, если не рассыплюсь от ее болтовни. Эх, если бы это был мужчина,—с ним бы я столковался! Но проклятые женщины,—прямо ужасно, как они умеют выматывать душу из покупателя!..

Вернувшись домой после обеда, Смок нашел Малыша растянувшимся на полу и растирающим хвост Салли какой-то мазью, при чем лицо его выражало подозрительное безразличие.

— Как дела?—беззаботно спросил Малыш.

— Никак,—ответил Смок.—А что у тебя слышно?

Малыш торжествующе кивнул в сторону небольшой корзинки с яйцами, стоявшей на столе.

— Семь долларов штучка!—прибавил он, после того как в течение минуты втирал мазь.

— А я под конец дошел до десяти,—сказал Смок,—и тогда парень признался мне, что уже продал все, что у него было. Это очень скверно, Малыш. Очевидно, впутался еще кто-то. Эти двадцать восемь яиц могут доставить нам массу неприятностей. Видишь ли,— весь успех дела зависит от того, сумеем ли мы забрать все яйца до единого...

Вдруг Смок замолчал и уставился на своего компаньона. С Малышом произошла поразительная перемена: под маской равнодушия в нем бурлило страшное возбуждение. Он закрыл банку с мазью, медленно и тщательно вытер руки о шерсть Салли, прошел в угол комнаты, взглянул на градусник, вернулся обратно и заговорил тихим, беззвучным и сверх-вежливым тоном:

— Пожалуйста, будь добр, не откажи повторить, какое количество яиц тот человек отказался продать тебе?

— Двадцать восемь штук.

— Гм,—пробормотал Малыш и небрежным кивком выразил свою признательность. Затем со смутным беспокойством посмотрел на плиту.—Кажется, нам придется поставить новую плиту, Смок. В этой так нелепо устроена духовка, что лепешки вечно подгорают.

— Оставь духовку в покое,—рассердился Смок,—и скажи мне в чем дело.

— Дело? Ах, вы хотите знать в чем дело? В таком случае, покорнейше прошу вас обратить ваши дивные глаза на сию корзину, помещающуюся на столе. Изволите видеть?

Смок кивнул.

— Так, а теперь я скажу вам одну вещь, всего только одну вещь. В этой корзине лежат считанных, проверенных, не более и не менее как двадцать восемь яиц, стоящих, каждое в отдельности, ровно семь больших, толстых, круглых долларов. Если вы жаждете дальнейшей, подробной информации, то я с радостью и полной готовностью пойду вам навстречу.

— Продолжай,—сказал Смок.

— Так вот, тот дядя, с которым ты торговался,—жирный, тупой индеец, не так ли?

Смок кивнул и продолжал кивать при каждом дальнейшем вопросе.

— У него недостает полщеки на одной стороне лица—там, где его цапнул медведь. Прав я? Он торгует собаками,—так? Зовут его Джим Рваное Лицо? Не так ли? Ну, что?

— Ты хочешь сказать, что мы натолкнулись...

— Друг на друга. Вот именно. Эта женщина—его жена, и живут они на холме за госпиталем. Я мог бы получить эти яйца по два доллара за штуку, если бы ты не сунулся.

— И я тоже,—рассмеялся Смок,—если бы не ты. Но это пустяки. По крайней мере мы знаем, что скупили весь товар. А это самое главное.

В течение следующего часа Малыш выводил что-то огрызком карандаша на полях газеты трехлетней свежести. И чем бесконечней и неразборчивей становились его иероглифы, тем большей радостью озарялось его лицо.

— Вот он где!—сказал он наконец.—Недурно, ей-богу. Дай-ка, я скажу тебе итог. В нашем распоряжении в данный момент находится ровно девятьсот семьдесят три яйца. Обошлись они нам ровно в две тысячи семьсот шестьдесят долларов, считая золотой песок по шестнадцать долларов за унцию и не учитывая потраченного времени. А теперь слушай. Если мы спустим яйца Уайльду Уотеру по десять долларов за штуку, то заработаем, за всеми вычетами и прочим, чистых шесть тысяч девятьсот семьдесят долларов. Это прямо как на скачках! Мы с тобою в роде букмекеров [1]). И я участвую в половине. Давай ее сюда, Смок.

IV

В одиннадцать часов ночи Смок был разбужен Малышом. От его меховой парки валил пар, свидетельствовавший о крепком морозе, а руки его были холодны, как лед, когда он прикоснулся к щеке Смока.

[1]) Букмекер — агент при тотализаторе (на скачках).

— Что еще?—проворчал Смок.—У Салли вылезли последние волосы?

— Нет, не то. Я просто хочу сообщить тебе приятные новости. Я говорил со Славовичем. Вернее, Славович говорил со мной, потому что он открыл заседание. Он сказал мне: «Малыш, я хочу поговорить с вами насчет яиц. Я держал всю эту историю в секрете. Никто не знает, что я вам их продал. Но если вы задумали спекуляцию, то я могу предоставить вам блестящую возможность». И он не соврал, Смок. Как бы ты думал, что он предложил мне?

— Ну, ну, дальше!

— Так вот. Может быть, это звучит неправдоподобно, но блестящая возможность—это Уайльд Уотер Чарли. Он ищет яйца. Он является к Славовичу, предлагает ему по пять долларов за яйцо и, прежде чем тот успевает рот раскрыть, набавляет до восьми. А у Славовича ни одного яйца. Слово за слово, Уайльд Уотер заявляет Славовичу, что если он узнает, что Славович припрятал их где-нибудь, то он раскроит ему череп. Славовичу приходится сказать, что он продал яйца, но что покупатель пожелал остаться неизвестным. Теперь Славович просит, чтобы мы позволили ему сказать Уайльду Уотеру, кто купил яйца. «Малыш,—говорит он мне,—Уайльд Уотер зарвался, вы можете содрать с него по восьми долларов».—«Восемь долларов,—нет, бабушка!—кричу я ему.—Он будет молить меня, чтобы я уступил их ему по десять». Словом, я сказал Славовичу, что ночью подумаю и наутро дам ответ. Разумеется, мы позволим ему сказать Уайльду Уотеру, кто купил яйца. Так?

— Так Малыш. Утром первым делом беги к Славовичу. Пускай говорит Уайльду Уотеру, что дело сработали мы.

Через пять минут Малыш снова разбудил Смока:

— Смок! А Смок!

— Да?

— Ни центом меньше десяти?

— Ну, конечно,—о чем говорить!—сонно ответил Смок.

Утром Смок, снова столкнулся в магазине с Люсиль Арраль.

— Дело идет,—сообщил он ей ликующим тоном.—Уайльд Уотер был у Славовича и пытался купить яйца, либо вырвать их у него силой. А Славович сказал ему, что все яйца купили мы с Малышом.

Глаза Люсиль Арраль загорелись восторгом.

— Иду завтракать!—воскликнула она.—Попрошу лакея подать яйца, а когда их не окажется, сделаю такую жалобную мину, что камень—и тот смягчится. А вы-то ведь знаете, что у Уайльда Уотера сердце из чего угодно, только не из камня. Он купит всю партию, если даже она обойдется ему в один из его рудников. Я знаю его. Но вы не спускайте ни цента. Только десять долларов

могут удовлетворить меня. И если вы уступите ему, Смок, то я никогда не прощу вам этого.

Когда Смок вечером пришел в хижину, Малыш поставил на стол миску с бобами, кофейник, кислые лепешки, масло, жестянку сгущенных сливок, блюдо с копченой олениной и ветчиной, миску компота из сушеных персиков и крикнул:

— Обед на столе! Только посмотри сначала, что делает Салли.

Смок отложил в сторону сбрую, которую чинил, открыл дверь и увидел, что Салли и Брайт мужественно отбивают нападение шайки соседских собак, вышедших на фуражировку. Увидел он и еще кое-что, что заставило его поспешно прикрыть дверь и броситься к плите. Он поставил горячую сковороду, на которой только что жарилось мясо, обратно на плиту, бросил на нее изрядную порцию масла, достал яйцо, разбил его и выпустил на сковородку. Когда он потянулся за вторым яйцом, к нему подскочил Малыш и судорожно вцепился в его руку.

— Эй, ты! Что ты делаешь?—крикнул он.

— Яичницу,—объяснил Смок, разбивая второе яйцо и стряхивая с себя руку Малыша.—Что с тобой?

— Может, тебе нездоровится?—робко осведомился Малыш, когда Смок разбил третье яйцо и нетерпеливо отпихнул товарища локтем.—Ты уже загубил яиц на тридцать долларов!

— И собираюсь загубить на шестьдесят,—был ответ Смока, хладнокровно разбивавшего яйцо.—Отойди, Малыш. Сюда поднимается Уайльд Уотер. Он будет здесь через пять минут.

Малыш издал глубокий вздох облегчения, свидетельствовавший также и о том, что он проник в замысел Смока, и сел за стол. К тому времени, когда раздался долгожданный стук в дверь, Смок уже сидел за столом против Малыша. Перед каждым из них стояла тарелка с яичницей из трех яиц.

— Войдите!—крикнул Смок.

Уайльд Уотер Чарли, стройный молодой силач, без малого шести футов роста и ста девяноста фунтов чистого веса, вошел в комнату и пожал руки хозяевам.

— Присаживайтесь и угощайтесь, Уайльд Уотер,—пригласил его Малыш.—Смок, состряпай ему яичницу. Бьюсь об заклад, что он сто лет не ел яичницы.

Смок выпустил на горячую сковородку еще три яйца и через несколько минут поставил ее перед гостем. Тот посмотрел на нее таким напряженным и странным взглядом, что Малыш, как он сам впоследствии признавался, не на шутку испугался, как бы Уайльд Уотер не спрятал яичницы в карман и не удрал бы с ней.

— Вы не находите, что мы в отношении еды перещеголяли всех фатишек из Штатов?—ухмыльнулся. Малыш.—К примеру, вы, я и Смок,—мы в данный момент едим на девяносто долларов яиц, и хоть бы кто из нас глазом моргнул.

Уайльд Уотер смотрел на быстро исчезавшие яйца и казался окаменевшим.

— Они... яйца не стоят десяти долларов,—медленно произнес Уайльд Уотер.

Малыш принял вызов.

— Всякая вещь стоит того, что вы можете получить за нее, не так ли?—сказал он.

— Да, но....

— Без всяких «но». Я скажу вам, сколько мы можем получить за них. По десять долларов за штуку. Смок и я, мы—яичный трест, прошу не забывать!—Он вытер свою тарелку куском лепешки.— Я без труда мог бы съесть еще штучки две,—вздохнул он, принимаясь за бобы.

— Вы не можете так есть яйца,—вымолвил Уайльд Уотер.— Это... это несправедливо.

— Мы со Смоком прямо влюблены в яйца,—извинился Малыш.

Уайльд Уотер мрачно расправился со своей яичницей и вопросительно посмотрел на хозяев.

— Послушайте-ка, не можете ли вы сделать мне одно большое одолжение?—испытующе начал он.—Продайте мне, либо одолжите, либо просто подарите дюжину яиц.

— С удовольствием,—ответил Смок.—Я по себе знаю, как можно стосковаться по яйцам. Но мы не такие уже нищие, чтобы продавать наше гостеприимство. Они вам не будут стоить ни гроша.—Тут сильный удар под столом дал ему понять, что Малыш начинает нервничать.—Дюжину,—говорите вы, Уайльд Уотер?

Тот кивнул.

— А ну-ка, Малыш,—продолжал Смок,—свари яйца. Я ему сочувствую. Было времячко, когда я сам мог съесть дюжину за раз.

Но Уайльд Уотер удержал рукой расторопного Малыша и пояснил:

— Я имел в виду не вареные яйца. Я хочу получить их сырыми, в скорлупе.

— Чтобы взять их с собой?

— Вот именно.

— Это уже не гостеприимство,—заметил Малыш.—Это сделка.

Смок поддержал его:

— Совсем другое дело, Уайльд Уотер. Я думал, что вы попросту хотите съесть их. Мы, видите ли, купили их на предмет спекуляции.

Синие глаза Уайльда Уотера потемнели, и что-то грозное зажглось в них.

— Я заплачу вам,—резко сказал он.—Сколько?

— О, но только не за дюжину,—ответил Смок.—Мы дюжинами не продаем. Мы не розничные торговцы. Мы не можем своими собственными руками испортить себе рынок. Нам надо держаться крепко.

— Сколько у вас всего яиц, и что вы за них хотите?

— Сколько их у нас, Малыш?—осведомился Смок.

Малыш прочистил глотку и занялся устным счетом:

— Сейчас скажу. Девятьсот семьдесят три, минус девять—это выходит девятьсот шестьдесят два. Стало быть, вся история будет стоить по десяти долларов за удар—ровно девять тысяч шестьсот двадцать долларов. Разумеется, мы ведем чистую игру, Уайльд Уотер, и за каждое тухлое яйцо возвращаем деньги. Впрочем, тут и нет тухлых. Чего я никогда в жизни не видал в Клондайке, так это тухлых яиц. Нет такого дурака, который решился бы привезти сюда тухлые яйца.

— Это верно,—подтвердил Смок.—За тухлые яйца деньги обратно, Уайльд Уотер. Словом, вот вам наше предложение—девять тысяч шестьсот двадцать долларов за все яйца Клондайка.

— Вы можете догнать их до двадцати за штуку и заработать сто на сто,—вставил Малыш.

Уайльд Уотер досадливо покачал головой и принялся за бобы.

— Больно дорого выходит, Малыш. Да мне столько и не нужно. Я возьму у вас две дюжины по десять долларов за штуку.

— Все или ничего,—был ультиматум Смока.

— Слушайте, друзья,—произнес Уайльд Уотер в припадке доверчивости.—Я буду говорить с вами как на духу,—только вы не болтайте. Вы ведь знаете, что я был помолвлен с мисс Арраль. Так вот—она порвала со мной. Это вы тоже знаете. Это знает всякий. Для нее-то мне и нужны яйца.

— Ага!—рявкнул Малыш.—Теперь я понимаю, почему они нужны вам в скорлупе. Только никогда бы я про вас этого не подумал.

— Чего?

— Что вы способны на подобную низость,—горячо продолжал Малыш с видом оскорбленной добродетели.—Я бы нисколько не удивился, если бы кто-нибудь угостил вас за это хорошей порцией свинца. Ничего другого вы не заслуживаете.

Уайльд Уотер загорелся гневом, грозившим перейти в один из его пресловутых припадков берсеркерской [1]) ярости. Он стиснул кулаки

[1]) Берсеркер—герой скандинавской мифологии, воин, будто бы обладавший сверхчеловеческой силой и яростью в битве. Берсеркерство — стихийная жажда битв и приключений.

так, что зажатая в одном из них дешевая вилка погнулась; его синие глаза вспыхнули.

— Послушайте, Малыш, что вы этим хотите сказать? Если вы чего-нибудь не договариваете...

— Хочу сказать то самое, что говорю,—отрезал Малыш.—Вы можете поручиться вашей драгоценной головой, что я все договариваю. Только открыто и честно,—иначе ничего не получится. Вы не смеете швыряться.

— Чем швыряться?

— Яйцами, сливами, мячами, всем, чем угодно! Послушайте, Уайльд Уотер, вы совершаете большую ошибку. Еще не бывало в оперном театре публики, которая позволила бы вам это. А что она актриса,—так это еще не основание, чтобы публично швырять в нее куриный помет.

На мгновение можно было подумать, что Уайльд Уотер вот-вот лопнет, или что его хватит апоплексический удар. Он отхлебнул горячего кофе и мало-по-малу пришел в себя.

— Вы ошибаетесь, Малыш,—произнес он холодно.—Я не собираюсь швырять в нее яйца.—Чорт побери!—крикнул он, внезапно возбуждаясь.—Я хочу преподнести ей эти яйца на тарелке, в мешочке,—она любит в мешочке.

— Я так и думал, что это недоразумение,—великодушно воскликнул Малыш.—Я знал, что вы не способны на такую низость.

— Ну ладно, Малыш,—примиряюще сказал Уайльд Уотер.—Перейдем к делу. Теперь вы понимаете, зачем мне нужны яйца.

— Покупаете за девять тысяч шестьсот двадцать долларов?—осведомился Малыш.

— Это издевательство, вот что это такое!—объявил взбешенный Уайльд Уотер.

— Это—дело,—отпарировал Смок.—Уж не думаете ли вы, что мы скупаем яйца для собственного потребления?

— Слушайте, опомнитесь,—взмолился Уайльд Уотер.—Мне нужно всего две дюжины. Я дам вам по двадцать долларов за штуку. Что я буду делать с такой кучей яиц?

— Зачем кипятиться?—перебил его Малыш.—Не хотите, так не берите. Мы вам их не навязываем.

— Но они мне нужны,—жалобно сказал Уайльд Уотер.

— Так вы же знаете, что они стоят девять тысяч шестьсот двадцать долларов. Если я ошибся в счете, то после сквитаемся.

— А может, они уже не помогут?—заметил Уайльд Уотер.—Может, мисс Арраль тем временем уже потеряла вкус к яйцам?

— Я бы сказал, что мисс Арраль все равно стоит этих денег,—спокойно вставил Смок.

— Стоит ли!—Уайльд Уотер вскочил в пылу красноречия.— Она стоит миллион долларов! Она стоит всего моего состояния! Она стоит всего золотого песка в Клондайке!—Он сел и продолжал более спокойным тоном:—И все-таки это не резон выбрасывать десять тысяч долларов за один ее завтрак. Вот вам мое предложение. Дайте мне две дюжины яиц. Я передам их Славовичу. Он преподнесет их ей с приветом от меня. Она сто лет не улыбалась мне. Если яйца вызовут у нее улыбку, я возьму у вас всю партию.

— Угодно вам подписать соответствующий контракт?—быстро спросил Смок, ибо он знал, что Люсиль Арраль улыбнется.

Уайльд Уотер перевел дыхание.

— У вас тут чертовски быстро делаются дела.

— Мы только принимаем ваше предложение,—ответил Смок.

— Ладно. Тащите бумагу,—пишите договор, твердый и нерушимый,—воскликнул Уайльд Уотер.

Смок составил бумагу, согласно которой Уайльд Уотер изъявлял согласие принять любое количество поставленных ему яиц по десять долларов за штуку, при условии, если полученные им авансом две дюжины яиц помогут ему помириться с Люсиль Арраль.

— Постойте,—сказал он.—Я покупаю только хорошие яйца.

— В Клондайке нет тухлых яиц,—фыркнул Малыш.

Уайльд Уотер уже взялся за перо, чтобы расписаться на контракте, но вдруг остановился.

— Все равно, если я найду тухлое яйцо, вы вернете мне десять долларов, которые я вам за него заплатил.

— Ладно,—согласился Смок.

— И я съем все тухлые яйца, которые вы вернете,—прибавил Малыш.

Смок вставил в контракт слово «хорошие». Уайльд Уотер мрачно расписался, получил обусловленный аванс—две дюжины яиц, натянул рукавицы и открыл дверь.

— До свидания, бандиты,—прорычал он и хлопнул дверью.

V

На следующее утро Смок был свидетелем сцены, разыгравшейся у Славовича. Он сидел в качестве гостя за столиком Уайльда Уотера, рядом со столиком Люсиль Арраль. Все разыгралось буквально так, как она предсказывала.

— Еще не достали яиц?—жалобно спросила Люсиль лакея.

— Никак нет, мисс,—ответил тот.—Говорят, кто-то скупил все яйца в Даусоне. Мистер Славович пытался купить хоть несколько

штук, специально для вас, но тот, кто скупил их, не уступает ни одной штуки.

Таково было положение дел, когда Уайльд Уотер кивком подозвал хозяина, и, положив ему руку на плечо, заставил его нагнуться.

— Слушайте, Славович,—прошептал он хрипло.—Вчера вечером я послал вам две дюжины яиц. Где они?

— В погребе, за исключением шести штук, которые я держу для вас наготове.

— Они мне нужны не для себя,—прохрипел Уайльд Уотер, еще больше понижая голос.—Сварите их и поднесите мисс Арраль.

— Я лично займусь этим,—ответил Славович.

— И не забудьте—с приветом от меня,—закончил Уайльд Уотер, выпуская из тисков плечо ресторатора.

Очаровательная Люсиль Арраль все еще растерянно смотрела на ломтики ветчины с картофельным пюре, лежавшие перед ней на тарелке, когда к ней подошел Славович и поставил на стол два яйца в мешочке.

— Привет от мистера Уайльда Уотера,—донеслось до соседнего столика.

Смок не мог не признаться, что сцена была разыграна ею замечательно: радостная краска, молниеносно вспыхнувшая на ее лице, естественный поворот головы, невольная улыбка, с трудом подавленная чувством собственного достоинства, и затем снова решительный поворот головы в сторону ресторатора.

Смок почувствовал, как обутая в мокассин нога Уайльда Уотера лягнула его под столом.

— Будет ли она есть? Вот в чем вопрос! Будет ли она есть их,—шептал гигант в смертельной тоске.

Скосив глаза, они увидели, что Люсиль Арраль с минуту поколебалась, чуть, было, не отодвинула тарелки, но, наконец, поддалась искушению.

— Я беру яйца,—сказал Уайльд Уотер Смоку.—Договор будет выполнен. Видели вы ее? Видели? Она почти улыбнулась. Я знаю ее. Дело сделано! Еще два яйца завтра—и она простит меня и вернется. Не будь ее здесь, я бы пожал вам руку, Смок,—так я вам благодарен! Вы не бандит, вы—филантроп.

VI

Смок, ликуя, вернулся к себе в хижину на холме; к вящшему своему изумлению, он застал дома Малыша в черном отчаянии, за пасьянсом «пустынник»; Смок давно уже заметил—когда товарищ его

раскладывал «пустынника», это означало, что мир поколебался в своих основах.

— Уходи вон! Не разговаривай со мной!—были первые слова, которыми он встретил Смока.

Впрочем, он скоро успокоился немного и разразился потоком слов.

— Все пропало!—выкрикнул он.—Дело лопнуло! Завтра во всех распивочных будет продаваться херес с яйцами по доллару за стакан. Во всем Даусоне не найдется ни одной голодающей сиротки, которая не будет валяться брюхом на яйцах. Как бы ты думал, на кого я наскочил? На человека с тремя тысячами яиц,—понял? С тремя тысячами яиц, привезенными из Сороковой Мили!

— Басни,—усомнился Смок.

— Хороши басни! Я видел яйца. Человека зовут Готеро,—длинный такой, голубоглазый верзила, француз из Канады. Сначала он спросил тебя, а потом отвел меня меня в сторону и нанес мне удар прямо в сердце. Он, оказывается, узнал о нашей афере с яйцами и заволновался. Он знал, что в Сороковой Миле имеется три тысячи яиц, немедленно отправился туда и купил их. «Покажите мне их», сказал я ему. И он показал. Его сани и два индейца-погонщика стояли внизу у дамбы—на том самом месте, где они остановились по приезде из Сороковой Мили. А на санях лежали ящики из-под мыла,—небольшие деревянные ящики из-под мыла.

Мы вытащили один из них на ледяную гору посередине реки и вскрыли его. Яйца! Полным-полно яиц, переложенных опилками! Смок, мы пропали! Нас обыграли. Знаешь, что он имел бесстыдство сказать мне? Что он отдает их нам по десяти долларов за штуку. Знаешь, что он делал, когда я уходил от него? Писал объявление о продаже яиц. Он сказал, что первую очередь уступает нам, по десятке за удар, до двух часов дня, и если мы к этому времени не придем, то он вздует рынок выше небес. И еще сказал, что, вообще говоря, он не делец, но тут сразу понял, что это выгодно, как только увидел... меня и тебя, насколько я понимаю.

— Ладно,—бодро сказал Смок.—Надень рубашку и дай мне минутку подумать. Все, что в настоящий момент требуется, это—быстрота и натиск. Я заполучу сюда к двум часам Уайльда Уотера на предмет приемки яиц. А ты тем временем купи у Готеро его яйца Попробуй поторговаться. Впрочем, если ты заплатишь по десять долларов за штуку, Уайльд Уотер должен будет принять их от нас по той же цене. Если ты сможешь купить их дешевле—тем лучше, тогда мы еще заработаем. Ну, беги! Доставь их сюда не позднее, чем к двум часам. Возьми у полковника Боуи собак и запряги в наши сани. Помни,—ровно к двум!

— Послушай, Смок!—крикнул Малыш Смоку, спускавшемуся с холма.—Не взять ли тебе зонтик с собой? Я не буду удивлен, если к твоему приходу начнется яичный дождь.

Смок нашел Уайльда Уотера в салуне.

— Должен предупредить вас, что мы набрали еще некоторое количество яиц,—сказал Смок после того, как Уайльд Уотер изъявил согласие притти к нему в два часа с золотым песком и учинить расчет.

— Вам больше везет на яйца, чем мне,—признался Уайльд Уотер.—Ну-с, так сколько же у вас теперь яиц? И сколько золотого песку я должен притащить к вам?

Смок справился со своей записной книжкой.

— Согласно вычислениям Малыша, у нас в данный момент имеется три тысячи девятьсот шестьдесят два яйца. Помножьте на десять...

— Сорок тысяч долларов!—взревел Уайльд Уотер.—Вы говорили, что там что-то около девятисот штук. Это—убийство! Я не пойду на это.

Смок вытащил из кармана договор и указал на «платеж по приемке».

— Никаких указаний насчет количества яиц тут нет. Вы изъявили согласие платить по десять долларов за каждое сдаваемое нами яйцо. Что ж!—мы достали еще яиц, а договор есть договор. Хотя, по правде сказать, Уайльд Уотер, мы до сего дня понятия не имели об этих трех тысячах яиц. Нам пришлось купить их для укомплектования партии.

В течение долгих пяти минут напряженного молчания Уайльд Уотер боролся с собой и, наконец, нехотя сдался.

— Я влопался,—коротко сказал он.—Яйца так на меня и сыплются. Чем скорее я выберусь из этой истории, тем лучше. А то дело кончится яичным обвалом. Я буду у вас в два часа. Но сорок тысяч долларов!

— Всего только тридцать девять тысяч шестьсот двадцать,—поправил его Смок.

— Это двести фунтов золотого песку,—продолжал неистовствовать Уайльд Уотер.—Мне придется взять запряжку.

— Мы дадим вам нашу, чтобы забрать яйца,—великодушно предложил Смок.

— А куда я их помещу? Куда я их помещу? Ну, ладно! Я буду у вас. Но пока я жив, я в рот не возьму яйца.

В половине второго с яйцами Готеро прибыл Малыш, увеличивший из-за крутого подъема в два раза количество собак.

— Мы заработаем почти вдвое больше,—сказал он Смоку, когда они устанавливали ящики внутри хижины.—Я предложил ему по восемь долларов, и он, выругавшись по-французски, согласился.

Стало быть, по два доллара чистой прибыли на каждое яйцо,—а всего их три тысячи. Я заплатил ему сполна. Вот расписка.

Пока Смок вытаскивал весы для золотого песка и делал прочие приготовления, Малыш занимался вычислениями.

— Вот она, предусмотрительность,—торжествующе воскликнул он.—У нас прибыли двенадцать тысяч девятьсот семьдесят долларов. И притом без всякого ущерба для Уайльда Уотера. Он получает мисс Арраль. И, кроме того, все яйца. Необыкновенно выгодное дело! Никто не в убытке.

— Даже Готеро заработает двадцать четыре тысячи,—рассмеялся Смок,—конечно, за вычетом себестоимости яиц и фрахта. А если Уайльд Уотер захочет продолжать дело, то он тоже заработает.

Ровно в два часа стоявший на страже Малыш увидел поднимающегося на холм Уайльда Уотера. Уотер вошел в хижину с хмурым и деловитым видом.

— Давайте сюда яйца, пираты,—начал он.—И, начиная с этого дня, никогда не упоминайте при мне о яйцах, если вам дорога жизнь.

Все трое начали тщательно подсчитывать первую, смешанную, партию. Отсчитав две сотни, Уайльд Уотер неожиданно разбил одно яйцо о край стола.

— Эй! Бросьте!—заметил Малыш.

— Мое это яйцо или нет?—зарычал Уайльд Уотер.—Плачу я за него десять долларов или нет? Я не намерен покупать кота в мешке. Когда я выкладываю по десять кругляшек за яйцо, то я хочу знать, что я покупаю.

— Я могу съесть его, если вы хотите,—ехидно предложил Малыш.

Уайльд Уотер посмотрел на яйцо, понюхал его и покачал головой.

— Нет, Малыш, не стоит. Яйцо прекрасное. Дайте-ка мне чашку. Я сам съем его за ужином.

И еще три раза Уайльд Уотер разбивал для проверки яйца и клал их в стоявшую подле него чашку.

— На две штуки больше, чем вышло у вас, Малыш,—сказал он, когда подсчет был закончен.—Девятьсот шестьдесят четыре, а не шестьдесят два.

— Ошибся, стало быть,—добродушно согласился Малыш.—Мы засчитаем их для ровного счета.

— Могли бы и уступить,—злобно заметил Уайльд Уотер.—Давайте их сюда. Девять тысяч шестьсот двадцать долларов. Сейчас я заплачу. Пишите расписку, Смок.

— Отчего не сосчитать остальные,—сказал Смок,—и не заплатить за все сразу?

Уайльд Уотер покачал головой.

— Я не мастер считать. Лучше уж каждую партию отдельно чтобы не было недоразумений.

Он подошел к своей шубе и вытащил из ее боковых карманов два мешка с золотым песком, напоминавшие своей длиной и округлостью болонские колбасы. Когда платеж за первую партию был учинен, в мешках осталось песку не больше, чем на несколько сот долларов.

На стол был взгроможден первый ящик из-под мыла, и начался новый счет. Отсчитав сотню, Уайльд Уотер сильно стукнул яйцо о край стола. Оно не треснуло.

— Здорово замерзло,—заметил он, ударяя еще сильнее.

Он поднял яйцо, и двое остальных увидели, что там, где оно ударилось об стол, скорлупа его обсыпалась мельчайшими осколками.

— Гм,—сказал Малыш.—Я думаю, оно должно было замерзнуть, раз его тащили сюда с Сороковой Мили. Его не разобьешь и топором.

— Я все-таки за топор,—сказал Уайльд Уотер.

Смок принес топор. Уайльд Уотер нацелился и искусным ударом опытного дровосека расколол яйцо пополам. Внутренность ейца едва ли можно было назвать удовлетворительной. Вещая дрожь пробежала по телу Смока. Малыш оказался более храбрым. Он поднес половинку яйца к носу.

— Запах совсем хороший,—сказал он.

— Но вид зато совсем скверный,—ответил Уайльд Уотер.—Да и как оно вообще может пахнуть, когда запах его давно уже замерз вместе со всем остальным. Подождите минутку.

Он положил обе половинки на сковородку и поставил последнюю на горячую плиту. Водворилось молчание. Все трое ждали, расширив ноздри и напряженно втягивая воздух. Мало-по-малу по комнате начало распространяться явственное зловоние. Уайльд Уотер не считал нужным разговаривать. Молчал, несмотря на всю свою самоуверенность, и Малыш.

— Выкиньте его!—крикнул Смок, задыхаясь.

— К чему?—спросил Уайльд Уотер.—Придется проверить всю партию.

— Только не здесь,—прохрипел Смок, преодолевая тошноту.—Разрубите их,—достаточно будет взглянуть на них. Выбрось его Малыш! Выбрось его! Фу!

Ящик за ящиком вскрывались; яйцо за яйцом выхватывалось наудачу и рубилось надвое. И яйцо за яйцом свидетельствовало о том же безнадежном, непоправимом гниении.

— Я не стану требовать, чтобы вы съели их, Малыш,—осклабился Уотер.—Ну-с, что касается меня, я отсюда моментально

убираюсь. Договор только на хорошие яйца. Если вы дадите мне собак и сани, я увезу эти, пока они тоже не испортились.

Смок помог ему нагрузить сани. Малыш сел за стол и начал раскладывать «пустынника».

— Скажите-ка, сколько времени вы держали эту партию?—были прощальные слова Уайльда Уотера.

Смок ничего не ответил и, кинув один единственный взгляд на погруженного в «пустынника» Малыша, стал выбрасывать ящик за ящиком в снег.

— Скажи-ка, Малыш,—промолвил он кротко,—сколько ты заплатил за эти три тысячи?

— По восемь долларов. Пошел вон! Не разговаривай со мной. Я умею считать не хуже тебя. Мы потеряли на этом деле семнадцать тысяч долларов—так и запомни, если тебя будут спрашивать. Я подсчитал, пока варилось первое вонючее яйцо.

Смок несколько минут соображал что-то, потом снова нарушил молчание.

— Послушай, Малыш. Сорок тысяч долларов весят двести фунтов. Уайльд Уотер взял наши сани и наших собак, чтобы увезти яйца. Он явился сюда без саней. Те два мешка с золотым песком, что он вытащил из кармана, весили фунтов по двадцать каждый. Договор предусматривал наличный расчет за всю партию. Он принес ровно столько песку, сколько требовалось, чтобы заплатить за хорошие яйца. Он ни одной минуты не рассчитывал платить за эти три тысячи. Он знал, что они тухлые. Но откуда он мог знать, что они тухлые? Что ты на это скажешь?

Малыш собрал карты, перетасовал их и отложил в сторону.

— Ха! Что может быть проще! Ребенок—и тот ответит тебе. Мы потеряли семнадцать тысяч. Яйца, которые я купил у Готеро, принадлежали Уайльду Уотеру. Тебе еще что-нибудь угодно знать?

— Да. Почему, во имя здравого смысла, ты не выяснил до платежа—хорошие ли ты покупаешь яйца?

— И на это нетрудно ответить. Уальд Уотер рассчитал игру по секундам. У меня не было времени проверять яйца. Я должен был бешено торопиться, чтобы доставить их сюда к моменту сдачи. А теперь, Смок, позволь мне тоже задать тебе один скромный вопрос. Кто вбил тебе в голову эту гнусную идею о скупке яиц?

Малыш успел разложить шестнадцатого по счету «пустынника», а Смок уже начал готовить ужин, когда раздался стук в дверь. В комнату вошел полковник Боуи, молча вручил письмо и удалился.

— Ты видел его лицо?—взревел Малыш.—Он прямо лопался от смеха. Весь город издевается над нами, Смок! Кончено! Нам нельзя больше носа на улицу высунуть.

Письмо было подписано Уайльдом Уотером. Смок прочел его вслух.

Дорогие Смок и Малыш! Свидетельствуя вам глубокое мое почтение, прошу вас не отказать отужинать со мной сегодня вечером в ресторане Славовича. Будет мисс Арраль, а также Готеро. Мы с ним были компаньонами в Серкл-Сити лет пять назад. Он славный парень. Кстати, насчет яиц. Они прибыли в Аляску четыре года назад, и тогда уже были тухлыми. Они были тухлыми, когда отбыли из Калифорнии. Они всегда были тухлыми. Они пролежали зиму в Карлуке и зиму в Нутлике и еще зиму на Сороковой Миле, где их продали за лежалые. А нынешнюю зиму они, по-моему, провели в Даусоне. Не держите их в теплом месте. Люсиль просит передать вам, что вы и она и я хорошо встряхнули Даусон. А за выпивку, по-моему, должны платить вы.

С совершенным почтением ваш друг У. У.

— Ну-с? Что ты скажешь?—поинтересовался Смок.—Мы, разумеется, примем приглашение.

— Одно я скажу,—ответил Малыш.—Уайльд Уотер не пропадет, если разорится. Он чудесный актер—чертовски хороший актер. И еще скажу—мой счет никуда не годится. Уайльд Уотер заработал не только свои семнадцать тысяч, но и еще кое-что почище. Мы с тобой подарили ему все хорошие яйца в Клондайке—девятьсот шестьдесят две штуки, да еще два—для ровного счета. При этом у него еще хватило низости забрать и те, что лежали в чашке. Но вот что скажу тебе в заключение: мы с тобой опытные и старые золотоискатели. Но когда дело доходит до финансовых операций, так тут мы самые жалкие караси, когда-либо попадавшиеся на приманку быстрого обогащения. После этого нам только и остается, что уйти в пустыню; и если ты когда-нибудь заговоришь при мне о яйцах,—я тебе больше не компаньон. Понял?

ФИРМА ТРА-ЛИ

I

Смок и Малыш встретились на углу у салуна Элькгорн. На лице Смока было написано полное довольство, и шел он бодрой походкой. Малыш же плелся с самым подавленным видом.

— Куда?—приветствовал его Смок.

— Будь я проклят, если знаю,—последовал мрачный ответ.—Сам очень хотел бы знать. Совершенно некуда деться. Два часа резался в карты, как очумелый,—и хоть бы что! Никакого ощущения. Остался при своих. Сыграл партию в криббэдж со Скиффом Митчелл на выпивку, и вдруг так захотелось заняться чем-нибудь, что вот выполз на улицу и слоняюсь—может быть, наскочу на собачью грызню, на побоище или что-нибудь в этом роде.

— А у меня есть в запасе кое-что получше,—заметил Смок.—Потому-то я тебя и ищу. Идем.

— Сейчас?

— Немедленно.

— Куда?

— Через реку, проведать старика Дуайта Сэндерсона.

— Это еще кто такой?—мрачно спросил Малыш.—Мне что-то не приходилось слышать, что на той стороне реки живет кто-нибудь. И чего ради он там поселился? Уж не полоумный ли он?

— Он кое-что продает,—рассмеялся Смок.

— Собак? Золотые копи? Табак?

Смок на каждый вопрос только качал головой.

— Идем со мной—и увидишь. Я собираюсь скупить у него его товар и устроить одно дельце. Если хочешь, могу взять и тебя в долю.

— Только не яйца!—возопил Малыш, скорчив тревожную и в то же время саркастическую мину.

— Идем, идем,—успокоил его Смок.—Ты еще успеешь поломать себе голову, пока мы будем перебираться через лед.

Они спустились с высокой дамбы в конце улицы и вышли на покрытый льдом Юкон. Прямо против них, на расстоянии трех четвертей мили, крутыми уступами вздымался противоположный берег. Кое-как протоптанная дорога вела к этим уступам, извиваясь между развороченными и нагроможденными друг на друга глыбами льда. Малыш плелся вслед за Смоком, развлекаясь догадками относительно коммерческих операций Дуайта Сэндерсона.

— Олени? Медные копи? Кирпичный завод? Медвежьи шкуры? Вообще шкуры? Лотерейные билеты? Огород?

— Близко,—подбодрил его Смок.

— Два огорода? Сыроварня? Торфяные разработки?

— Не так плохо, Малыш. Не дальше, чем на тысячу миль.

— Каменоломня?

— Приблизительно так же близко, как торфяные разработки и огород.

— Постой! Дай подумать. Кажется, я начинаю догадываться.— В течение десяти минут царило молчание.—Слушай, Смок, мне не нравится моя последняя догадка. Если эта штука, которую ты собираешься купить, похожа на огород, на торфяные разработки или на каменоломню, то я больше не играю. Я не войду в дело, пока не увижу собственными глазами и не ощупаю его.

— Не беспокойся, скоро все карты будут открыты. Взгляни-ка вон туда. Видишь дымок над хижиной? Там и живет Дуайт Сэндерсон. У него там земельные участки.

— А еще что?

— Больше ничего,—рассмеялся Смок,—кроме ревматизма. Я слышал, что его страшно мучит ревматизм.

— Слушай!—Малыш протянул руку и, вцепившись в плечо своего друга, заставил его остановиться.—Уж не хочешь ли ты сказать мне, что собираешься купить в этой гнусной трущобе земельный участок?

— Это твоя десятая догадка. И на этот раз ты угадал. Идем!

— Подожди минуту,—взмолился Малыш.—Посмотри кругом. Ведь тут нет ничего, кроме уступов и обрывов. Где же тут строиться?

— А я почем знаю?

— Стало быть, ты покупаешь землю не под ферму?

— Но Дуайт Сэндерсон ни подо что другое не продает ее,— ухмыльнулся Смок.—Идем. Нам придется вскарабкаться на этот обрыв.

Обрыв был очень крутой; узкая тропинка вилась по нему зигзагами, как огромная лестница Иакова. Малыш хныкал, причитал и возмущался острыми уступами и крутыми ступенями.

— Придумал тоже уголок для фермы! Да тут не найдется ровного места даже для почтовой марки! И к тому же сторона реки невыгодная. Все грузы идут другой стороной. Посмотри-ка на Даусон. Там еще для сорока тысяч жителей хватит места. Слушай, Смок, я знаю: ты покупаешь эту землю не под ферму. Но скажи мне, ради бога, для чего ты ее покупаешь?

— Чтобы продать, разумеется.

— Но ведь не все же такие сумасшедшие, как ты и старик Сэндерсон.

— Все—сумасшедшие по-своему, Малыш. Словом, я намерен купить эту землю, разбить ее на участки и продать множеству нормальных людей, проживающих в Даусоне.

— Ой! И так уж весь Даусон смеется над нами из-за яиц. Ты хочешь, чтобы он смеялся еще больше, а?

— Вот именно!

— Но это чертовски дорого стоит, Смок! Я помог тебе развеселить их в яичной истории, и моя доля смеха обошлась мне приблизительно в девять тысяч долларов.

— Чудесно! Можешь не входить в долю. Я положу себе всю прибыль в карман, но тебе все равно придется помогать мне.

— Разумеется! Помогать я буду. Пусть надо мной посмеются еще раз. Но денег я не дам ни копейки. Сколько старик Сэндерсон хочет за свой товар? Сотни две?

— Десять тысяч. Надо сторговаться за пять.

— Хотел бы я быть пастором,—вздохнул Малыш.

— Чего ради?

— Я бы произнес красноречивую проповедь на небезызвестную тебе тему: глупому сыну не в помощь богатство...

— Войдите,—послышался раздраженный возглас Дуайта Сэндерсона, когда друзья постучались в дверь хижины.

Они вошли. Старик сидел на корточках у каменного очага и толок кофе, завернутое в кусок грубой холстины.

— Что нужно?—спросил он резко, высыпая толченый кофе в стоявший на угольях кофейник.

— Поговорить по делу,—ответил Смок.—Насколько я знаю, вам принадлежит здесь кусок земли. Что вы за него хотите?

— Десять тысяч долларов,—был ответ.—А теперь можете смеяться и убираться вон. Вот дверь.

— Не имею ни малейшего желания смеяться. Я видал вещи посмешнее, чем ваши скалы. Я хочу купить вашу землю.

— Хотите купить? Вот как? Ну что ж, рад слышать разумные речи.—Сэндерсон подошел и уселся перед посетителями, положив руки на стол и не спуская глаз с кофейника.—Я сказал вам свою

цену, и мне нисколько не стыдно повторить ее. Десять тысяч. Можете смеяться, можете покупать—мне все равно.

Чтобы показать свое равнодушие, он принялся барабанить костяшками пальцев по столу, устремив взгляд на кофейник. Минуту спустя он затянул монотонное «тра-ла-ла—тра-ла-ли—тра-ла-ли—тра-ла-ла».

— Послушайте, мистер Сэндерсон,—сказал Смок.—Участок не стоит десяти тысяч. Если бы он стоил десять тысяч, то он с таким же успехом мог бы стоить сто тысяч. А если он не стоит ста тысяч,—а что он их не стоит, вы знаете сам,—то он не стоит и десяти медяков.

Сэндерсон барабанил по столу и бубнил свое «тра-ла-ла—тра-ла-ли», пока не закипел кофе. Вылив в него полчашки холодной воды, он вновь сел на свой стул.

— Сколько вы даете?—спросил он Смока.

— Пять тысяч.

Малыш застонал.

Опять раздался продолжительный стук по столу.

— Вы не дурак,—объявил Сэндерсон.—Вы сказали, что если моя земля не стоит ста тысяч, то она не стоит и десяти медяков. А между тем даете за нее пять тысяч. Значит, она *стоит* сто тысяч. Я повышаю мою цену до двадцати тысяч.

— Вы не получите за нее ни одного шиллинга,—в сердцах крикнул Смок,—хотя бы вам пришлось сгнить здесь.

— Нет, получу. И именно от вас.

— Ни гроша не получите!

— Ну что ж, тогда буду гнить здесь,—ответил Сэндерсон, давая понять, что говорить больше не о чем.

Он перестал обращать внимание на гостей и погрузился в свои кулинарные дела с таким видом, словно был один в комнате. Подогрев горшок бобов и лепешки из кислого теста, он поставил на стол три прибора и принялся за еду.

— Нет, спасибо,—пробормотал Малыш,—мы совсем не голодны.

— Покажите ваши бумаги,—не вытерпел, наконец, Смок.

Сэндерсон порылся под подушкой на своей койке и вытащил связку бумаг.

— Все связано и подобрано,—сказал он.—Вот эта длинная бумага с большими печатями пришла прямым путем из Оттавы. Здешние власти не имеют ко мне никакого отношения. Центральное Канадское правительство защищает мои права на владение этой землей.

— Сколько участков продали вы за те два года, что владеете этой землей?—осведомился Малыш.

— Не ваше дело!—огрызнулся Сэндерсон.—Нет такого закона, который запрещал бы человеку жить в одиночестве на своей мызе, если ему этого хочется.

— Я дам вам пять тысяч,—сказал Смок.

— Не знаю, кто из вас глупее,—жалобно заметил Малыш.— Выйдем на минутку, Смок. Я хочу сказать тебе два слова по секрету.

Смок неохотно последовал за товарищем.

— Скажи, пожалуйста,—умолял Малыш, когда они вышли на покрытую снегом площадку перед хижиной,—тебе не приходило в голову, что по обе стороны этого идиотского участка на десять миль тянутся скалы, и что они никому не принадлежат, и что ты можешь сделать на них любое количество заявок.

— Они не годятся,—ответил Смок.

— Почему не годятся?

— Тебя интересует, для чего я покупаю именно этот участок, когда кругом тянутся десятки миль такой же земли, не так ли?

— Вот именно,—подтвердил Малыш.

— В этом-то вся и суть—торжествующим тоном продолжал Смок.—Если это интересует тебя, то заинтересует и других. А когда это их заинтересует, они прибегут сюда со всех ног. Ты можешь судить по себе, насколько правилен мой расчет на человеческую психологию. Слушай, Малыш. Я намерен сыграть с Даусоном шутку, которая отобьет у него охоту гоготать над нашим яичным конфузом. Идем в хижину.

— Опять вы?—сказал Сэндерсон, когда они вошли.—А я уже думал, что больше не увижу вас.

— Ну, говорите,—какова ваша последняя цена?

— Двадцать тысяч.

— Я даю десять тысяч.

— Ладно, отдаю за десять. Я ведь сначала больше и не хотел. Когда вы заплатите?

— Завтра, в Северо-Западном банке. Но за эти десять тысяч вы должны сделать еще две вещи. Во-первых, когда вы получите деньги, вы отправитесь вниз по реке до Сороковой Мили и останетесь там до конца зимы.

— Это нетрудно. Что еще?

— Я заплачу двадцать пять тысяч, и вы вернете мне пятнадцать.

— Согласен.—Сэндерсон повернулся к Малышу.—Меня называли дураком, когда я перебрался на этот берег,—ухмыльнулся он.— Ну что ж,—я теперь дурак с десятью тысячами в кармане.

— Клондайк полон дураков,—только и мог ответить Малыш,— а раз их так много, то должно же хоть одному из них повезти. Как по-вашему?

II

На следующее утро состоялась официальная передача земли Дуайта Сэндерсона,—«именуемой отныне мызой Тра-Ли», согласно поправке, внесенной Смоком в контракт. В тот же день кассир Северо-Западного банка отвесил двадцать пять тысяч золотым песком из вклада Смока; с полдюжины досужих зрителей заметили вес, сумму и личность получателя.

В лагерях золотоискателей люди крайне подозрительны. Любой непредвиденный и не сразу объяснимый поступок наводит на мысль о находке новой золотоносной жилы,—будь то невиннейшая охота на оленя или ночная прогулка человека, захотевшего полюбоваться северным сиянием. И как только стало известно, что такая заметная личность, как Смок Беллью, выплатил старику Дуайту Сэндерсону двадцать пять тысяч долларов, Даусону нестерпимо захотелось узнать, за что именно заплачены эти деньги. Какое имущество, стоющее двадцать пять тысяч, могло быть припрятано у Дуайта Сэндерсона, умиравшего от голода на своем заброшенном участке. Не находя ответа, Даусон имел все основания интересоваться Смоком.

К полудню весь город уже знал, что множество даусонских жителей заготовило легкие походные тюки и припрятало их в различных салунах на Главной улице. Куда бы Смок ни шел, повсюду его провожали бесчисленные взоры. О том, как серьезно относятся все к нему, свидетельствовало то обстоятельство, что никто из многочисленных приятелей не позволил себе расспрашивать его о сделке с Дуайтом Сэндерсоном. С другой стороны, никто не упоминал и о яйцах. Таким же дружеским, деликатным вниманием был окружен и Малыш.

— У меня такое чувство, точно я убил кого-нибудь или болен оспой. Они смотрят на меня во все глаза и боятся заговорить,— признался Малыш, случайно встретившись со Смоком у дверей Эльк-горна.—Взгляни-ка на Билля Солтмена... Вот он идет по той стороне улицы. Он прямо умирает от желания посмотреть на нас, а заставляет себя смотреть вниз. Поглядишь на него, так скажешь, будто он вовсе нас и не знает. А я вот готов держать пари на выпивку, что если мы с тобой завернем за угол и сделаем вид, словно спешим куда-нибудь, а потом вынырнем из-за следующего угла, то мы столкнемся с ним нос к носу,—он побежит за нами, как помешанный.

Они проделали этот опыт и, выйдя из-за следующего угла, столкнулись с Солтменом, мчавшимся во весь опор.

— Алло, Билль,—приветствовал его Смок,—куда путь держите?

— Алло. Так себе—гуляю,—ответил Солтмен.—Погодка, знаете ли, чудесная.

— Ха-ха!—закатился Малыш.—Если вы это называете «гулять», то что же вы называете «бежать сломя голову»?

Когда Малыш в этот вечер кормил собак, он твердо знал, что из окружающей его тьмы дюжина глаз следит за каждым его движением. А когда он привязал собак, вместо того чтобы отпустить их на ночную прогулку, он почувствовал, что окончательно разжег любопытство Даусона.

Согласно программе, Смок поужинал в городе, а потом предался невинным развлечениям. Куда бы он ни заходил, повсюду он был центром внимания; поэтому Смок нарочно появлялся во всех людных местах. Стоило ему зайти в какой-нибудь салун, как там немедленно собиралась толпа, а с его уходом салун тотчас же пустел. Смок покупал пригоршню фишек, садился за пустующий стол с рулеткой, и не проходило пяти минут, как вокруг него были уже десятки игроков. Он до некоторой степени расквитался с Люсиль Арраль, зайдя в зал оперного театра и с шумом выйдя из него как раз в тот момент, когда она запела популярнейшую свою песенку. В три минуты две трети зрителей улетучились из театра вслед за Смоком.

В час ночи он появился на необычайно оживленной Главной улице и направился к холму, на котором стояла его хижина. Остановившись у подножия холма, он услышал у себя за спиной топот множества мокассинов.

В течение часа хижина была погружена во тьму; потом он зажег свечу и, прождав ровно столько времени, сколько нужно человеку для того, чтобы одеться, вместе с Малышом вышел из хижины и стал запрягать собак. Как только луч света, вырвавшийся из хижины, упал на них, где-то поблизости раздался тихий свист. Точно такой же свист раздался и у подножия холма.

— Слушай, слушай!—хихикнул Смок.—Они оцепили нас и теперь сигнализируют. Я готов держать пари, что сейчас в Даусоне не менее сорока человек выкатывается из-под одеял.

— С ума они спятили, что ли?—задохнулся Малыш от смеха.— Слушай, Смок, ведь тут нет никакого жульничества. Работать теперь своими руками да ломать спину было бы совсем глупо. Мир доверху набит дураками, и каждый дурак до-смерти хочет, чтобы его избавили от его золота. Вот что: пока мы не тронулись, я хочу заявить тебе, что если ты ничего не имеешь против, я вхожу в половинную долю.

Сани были нагружены необходимыми спальными принадлежностями и продовольствием. Из-под мешков с продовольствием с самым

невинным видом выглядывала небольшая бухта [1]) стальной проволоки, а на дне саней лежал наполовину прикрытый заступ.

Малыш погладил проволоку рукой в рукавице и нежно прикоснулся к заступу.

— Да,—прошептал он.—Я бы и сам, пожалуй, призадумался, если бы увидел темной ночью в чьих-нибудь санях эти штучки.

Они погнали собак вниз по холму, сохраняя полное молчание; спустившись на равнину, они свернули на север, выехали на Главную улицу, миновали деловую часть города и направились к лесопилке, принимая тысячи мер предосторожности. Никто не встретился им на пути, и все же, как только они переменили направление, за их спиной раздался свист. Проехав с большой скоростью мимо лесопилки и госпиталя, они около четверти мили ехали прямо. Потом повернули и двинулись обратно тем же самым путем. Проехав сто ярдов, они чуть, было, не налетели на пятерых людей, бежавших им навстречу. Все пятеро были нагружены походными мешками. Один из них остановил собаку-вожака в упряжке Смока, остальные тотчас же оцепили сани.

— Вам навстречу не попадались сани?—раздался вопрос.

— Нет,—ответил Смок,—это вы, Билль?

— О, чорт! Будь я проклят, если это не Смок!—воскликнул Билль Солтмен с самым неподдельным изумлением.

— Что вы тут делаете ночью?—поинтересовался Смок.—Гуляете?

Прежде чем Билль Солтмен собрался ответить, к ним подбежали еще два человека, за ними еще несколько, а топот ног по снегу возвестил о приближении целой толпы.

— Кто это с вами?—спросил Смок.

Не отвечая на вопрос, Солтмен закурил трубку, которая навряд ли могла доставить ему удовольствие после такого смертельного бега. Было совершенно очевидно, что он нарочно зажег спичку, чтобы освидетельствовать содержимое саней. Смок заметил, что глаза всех присутствующих устремились на бухту проволоки и на заступ. А потом спичка погасла.

— Дошли до меня слухи, знаете ли... Так себе—слухи и ничего больше,—промямлил Салтмен с сосредоточенным и таинственным видом.

— Может, вы поделитесь со мной и Малышом?—спросил Смок.

Раздался чей-то саркастический смешок.

— Куда вы держите путь?—спросил Солтмен.

— А вы кто такие?—отпарировал Смок.—Комитет безопасности?

---

1) Свернутый кругами канат, трос и т. п.

— Мы так только... интересуемся,—сказал Солтмен.

— Разумеется, мы интересуемся,—раздался из тьмы еще чей-то голос.

— Послушайте,—вмешался Малыш,—мне страшно хочется знать, кто тут самый сумасшедший.

Все нервно засмеялись.

— Поехали, Малыш! Нам некогда,—сказал Смок, подстегивая собак.

Толпа сомкнулась за санями и двинулась вслед за ними.

— Послушайте, а не ошибаетесь ли вы?—поддразнил Малыш.—Когда мы повстречались с вами, вы все шли куда-то, а теперь возвращаетесь, нигде не побывав. Может, вы путеводитель потеряли?

— Идите вы к чорту,—любезно предложил Солтмен.—Мы идем, куда нам нравится. И нам не нужны путеводители.

И сани Смока, с Малышом у шеста, выехали на Главную улицу под конвоем шестидесяти человек, нагруженных походными мешками. Произошло это в три часа утра, так что одни ночные гуляки видели процессию и смогли поведать о ней на следующий день Даусону.

Спустя полчаса сани взобрались на холм. Собаки были распряжены у дверей хижины, на глазах у шестидесяти свидетелей, сумрачно ожидавших продолжения.

— Спокойной ночи, ребята!—крикнул Смок, закрывая дверь.

Через шесть минут свеча погасла; а еще через полчаса Смок и Малыш тихонько выскользнули из хижины и, не зажигая света, стали запрягать собак.

— Алло, Смок!—сказал Солтмен, подойдя к ним так близко, что они могли разглядеть его силуэт.

— Простите, Билль, не могу пожать вам руку,—любезно ответил Смок.—Где же ваши друзья?

— Пошли промочить горло. А меня оставили присматривать за вами, Смок, что я и намерен делать. Ну так как же, Смок? Что вы задумали? Допустим, что вы не можете пожать нам руку, но почему бы вам не посвятить нас в дело? Ведь мы—ваши друзья. Вы это знаете.

— Иной раз можно посвящать друзей в свои дела, а иной раз и нельзя,—увильнул Смок.—В данном случае—как раз нельзя, Билль. Идите-ка лучше спать. Спокойной ночи.

— О спокойной ночи и речи быть не может, Смок. Вы плохо знаете нас. Мы люди цепкие.

Смок вздохнул.

— Ну что ж, Билль,—если уж вы уперлись, то, я знаю, вас не переубедишь. Трогай, Малыш, довольно копаться.

Как только сани тронулись, Солтмен пронзительно свистнул и бросился за ним вслед. От подножия холма и по всей равнине раздался ответный свист. Малыш правил санями, а Смок и Солтмен шли подле, бок-о-бок.

— Слушайте, Билль,—сказал Смок.—Я хочу предложить вам кое-что. Хотите один принять участие в деле?

Солтмен не колебался ни одной секунды.

— И предать товарищей? Нет, сударь. Все примут участие.

— Тогда начнем с вас!—крикнул Смок. Он быстро согнулся, обхватил Солтмена и бросил его в глубокий придорожный снег.

Малыш прикрикнул на собак и погнал запряжку на юг, по дороге, которая вела от разбросанных по пологому склону хижин к окраине Даусона. Смок и Солтмен катались по снегу, вцепившись друг в друга. Смок думал, что все шансы на его стороне, но у Солтмена оказалось на пятьдесят фунтов больше хорошо тренированных мускулов. Раз за разом опрокидывал он Смока на спину, и каждый раз Смок не делал никаких попыток встать и лежал спокойно. Но как только Солтмен пытался оторваться от него и уйти, Смок хватался за него, и начиналась новая свалка.

— Вы свое дело знаете,—признался Солтмен по прошествии десяти минут. Он сидел верхом на Смоке и тяжело дышал.—Но я все-таки каждый раз укладываю вас.

— А я вас держу,—задыхаясь ответил Смок.—Мне больше ничего и не надо,—лишь бы удержать вас. Как вы думаете, куда отправился Малыш?

Солтмен сделал отчаянную, но безрезультатную попытку освободиться. Смок схватил его за лодыжку, и он вновь растянулся во весь рост. От подножия холма донеслись тревожные вопросительные свистки. Солтмен приподнялся и ответил пронзительным свистом, но Смок тотчас же схватил его, ткнул лицом в снег и уселся на него верхом, придерживая за плечи и не давая поднять голову. В этой позе их застали золотоискатели. Смок расхохотался и встал.

— Спокойной ночи, ребята,—сказал он и стал спускаться с холма, преследуемый шестьюдесятью доведенными до белого каления золотоискателями.

Он повернул на север, миновал лесопилку и госпиталь и дошел по руслу реки вдоль отвесных скал до подножия Оленьей Горы. Обойдя индейский поселок, он остановился у устья Оленьего Ручья, повернулся и оказался лицом к лицу с преследователями.

— Вы мне надоели,—сказал он, делая вид, что рассвирепел.

— Мы вам не навязываемся,—вежливо пробормотал Солтмен.

— Нет, нисколько,—прорычал Смок, еще лучше имитируя гнев, и вернулся под усиленным конвоем в Даусон.

Два раза пытался он свернуть на девственную пелену снега, покрывавшего реку, и оба раза принужден был отказываться от своей затеи и возвращаться на тропинку, которая вела к берегу Даусона. Он вышел на Главную улицу, прошел ее всю, перебрался по льду, сковывавшему реку Клондайк, в Клондайк-Сити и вновь вернулся в Даусон. В восемь часов, когда уже забрезжил рассвет, он усталой походкой направился в ресторан Славовича, где столики брались положительно с бою.

— Спокойной ночи, ребята,—сказал он, заплатив по счету и уходя.

То же самое пожелание он повторил, взобравшись на холм. Был уже день, и никто больше не преследовал его; толпа проводила его взглядами до дверей хижины и разошлась.

III

В течение двух дней Смок слонялся по городу, окруженный неусыпным наблюдением. Малыш исчез вместе с санями и собаками. Его не было видно ни на Юконе, ни на Бонанце, ни в Эльдорадо, ни во всем Клондайке. Оставался один Смок, который рано или поздно неизбежно должен был сделать попытку связаться со своим пропавшим компаньоном; и на Смоке сосредоточилось всеобщее внимание. Вечером второго дня он заперся в своей хижине, в девять часов потушил свет и завел будильник на два часа утра. Часовой, стоявший у дверей хижины, услышал звон будильника, и когда, получасом позже, Смок вышел из хижины, его поджидали уже не шестьдесят человек, а человек триста. Яркое северное сияние освещало диковинную сцену: Смок под усиленным конвоем спустился в город и проследовал в Элькгорн. Салун тотчас же наполнился возбужденной, сгорающей от любопытства толпой, которая четыре томительных часа смотрела, как Смок играет в криббэдж со своим старинным приятелем Бреком. В начале седьмого Смок покинул Элькгорн и с выражением одновременно презрения и насмешки на лице, ни на кого не глядя, никого не узнавая, пошел вверх по Главной улице; толпа в триста человек последовала за ним, сбившись в кучу и завывая:

— Хромоногий! Колченогий! Улю-лю-лю!

— Спокойной ночи, ребята,—сказал он горько, дойдя до дамбы, где начиналась тропа через скованный льдом Юкон.—Я иду завтракать, а потом завалюсь спать.

Триста глоток ответили ему о своей готовности следовать за ним; толпа спустилась на лед и, предводительствуемая Смоком, направилась к мызе Тра-Ли. В семь часов утра они взобрались на

идущую зигзагами тропинку, миновали крутые утесы и подошли к хижине Дуайта Сэндерсона. В окно, заклеенное пергаментом, пробивалось мерцание свечи, а из трубы вился дымок. Малыш широко распахнул дверь.

— Заходи, Смок,—приветствовал он товарища.—Завтрак готов. А это что за люди?

Смок обернулся, стоя на пороге.

— Ну, спокойной ночи, ребята. Надеюсь, прогулка доставила вам удовольствие.

— Подождите минутку, Смок!—крикнул Билль Солтмен голосом, в котором звучало разочарование.—Я хочу сказать вам два слова.

— Жарьте,—приветливо сказал Смок.

— За что вы заплатили старику Сэндерсону двадцать пять тысяч? Отвечайте.

— Вы меня огорчаете, Билль,—ответил Смок.—Я перебрался сюда, так сказать, на летние каникулы, а вы являетесь ко мне с целой бандой и пытаетесь устроить мне перекрестный допрос, когда я только и думаю о тишине, спокойствии и завтраке.

— Вы не отвечаете на вопрос,—возразил Солтмен.

— И не отвечу, Билль. То, о чем вы меня спрашиваете,—мое частное дело с Дуайтом Сэндерсоном. Еще какие-нибудь вопросы?

— Как обстоит дело с заступом и стальной проволокой, которые лежали в ваших санях?

— Не ваше дело, почтеннейший и дрожайший Билль. Впрочем, если Малыш хочет, он может ответить вам.

— Это я-то?—воскликнул Малыш, выскочив из хижины. Он раскрыл рот, потом задумался и повернулся к своему компаньону.—Между нами говоря, Смок, я не думаю, чтобы это было их дело. Идем в хижину. А то из кофе вся душа выкипит.

Дверь захлопнулась, и толпа в триста человек разбилась на растерянные, ропчущие кучки.

— Знаешь, Солтмен,—раздался чей-то голос,—я думал, что ты откроешь нам секрет.

— Никогда я не обещал этого,—яростно ответил Солтмен.—Я говорил, что это сделает Смок.

— Ну, и...

— Вы знаете столько же, сколько я. Все мы знаем, что Смок здесь что-то маринует. Иначе—с какой радости стал бы он платить Сэндерсону двадцать пять тысяч? Уж во всяком случае не за этот поганый участок!

Дружный крик поддержал Солтмена.

— Ну, хорошо, а что мы теперь будем делать?

— Я, например, пойду завтракать,—беззаботно сказал Уайльд Уотер Чарли.—Вы завели нас в тупик, Билль.

— А я при чем тут?—огрызнулся Солтмен.—Во всем виноват Смок. Да и не в этом дело. А вот как насчет двадцати пяти тысяч?

IV

В половине девятого, когда уже окончательно рассвело, Малыш приоткрыл дверь и выглянул наружу.

— Ого!—воскликнул он.—Все до одного вернулись в Даусон. А я думал, что они тут разобьют лагерь.

— Не беспокойся—приползут обратно,—заверил его Смок.—Будь я не я, если ты не увидишь здесь половину даусонских жителей прежде, чем мы управимся. Ну, а теперь иди сюда и помоги мне. Надо будет работать.

— Ой, ради бога, дай отдышаться!—взмолился Малыш через час, созерцая плоды их работы—стоящий в углу хижины вòрот с приводным ремнем, обвивающим вал.

Смок слегка налег на вòрот,—ремень скользнул и заскрипел.

— Выйди из хижины, Малыш, и скажи, на что похож этот звук.

Стоя у закрытой двери, Малыш услышал скрипение вòрота, поднимающего груз, и поймал себя на том, что невольно высчитывает глубину ямы, из которой этот груз извлекается. Затем последовала остановка, и он мысленно представил себе ведро, раскачивающееся под самым вòротом. Потом зашуршала быстро разматываемая веревка, и, наконец, раздался глухой удар ведра о дно ямы. Он распахнул дверь и ворвался в хижину с сияющим лицом.

— Замечательный звук!—воскликнул он.—Я чуть, было, сам не поверил. Ну, а что дальше?

Дальше в хижину втащили с десяток мешков, набитых камнями. А в течение дня, посвященного лихорадочной работе, последовало еще множество «дальше».

— Сегодня же вечером ты переправишься на собаках в Даусон,—была последняя инструкция Смока после ужина.—Собак оставишь у Брека; он позаботится о них. Там будут следить за каждым твоим шагом, так что ты никуда сам не ходи, а пошли Брека в магазин А. С. Company купить весь динамит, который там есть—двести-триста фунтов. И пусть Брек закажет у кузнеца штук шесть сверл для твердого камня. Брек—парень с головой; он объяснит кузнецу в общих словах, какой товар нужен. Дай Бреку точное описание участка, чтобы он мог зарегистрировать его завтра у приискового комиссара. А в десять часов будь на Главной улице и прислушивайся. Запомни,—я не хочу, чтобы взрывы

были очень громки. Даусон должен услышать их,—но не больше, чем услышать. Я устрою три взрыва, с разным количеством динамита, а ты заметь себе, который из них будет больше всего похож на настоящий.

В десять часов утра Малыш бродил по Главной улице, чувствуя на себе сотни любопытных взглядов, и прислушивался. И вот он услышал очень слабый и отдаленный звук взрыва. Через полминуты раздался второй, достаточно громкий, чтобы привлечь к себе внимание прохожих. А потом последовал и третий—такой сильный, что все обитатели Даусона высыпали на улицу.

— Ну и дал же ты им встряску!—задыхаясь, воскликнул Малыш часом позже, когда добрался до хижины на Тра-Ли. Он схватил Смока за руку.—Посмотрел бы ты на них! Случалось тебе когда-нибудь наступить на муравейник? Так точно выглядел Даусон! Главная улица кишела народом, когда я проходил по ней. Завтра тут яблоку негде будет упасть. А если и сейчас кто-нибудь не ползет сюда, то я не знаю, что такое золотоискатель.

Смок усмехнулся, подошел к самодельному вòроту и раза два повернул его; вòрот заскрипел. Малыш вытащил мох из щелей между бревнами, из которых были сколочены стены, и устроил два глазка по обе стороны хижины. Потом потушил свечу.

— Начинай,—шепнул он через полчаса.

Смок несколько минут медленно вращал вòрот, потом остановился, достал оцинкованное ведро, наполненное землей, и с треском опустил его на кучу камней, доставленных в хижину накануне. Потом он закурил папиросу, прикрывая огонек спички рукой.

— Их трое,—прошептал Малыш.—Эх, если бы ты их видел! Знаешь, когда ты загрохотал ведром, они прямо-таки затряслись. А теперь один из них стоит у окна и пытается заглянуть внутрь.

Смок раскурил папиросу и взглянул на часы.

— Надо делать это регулярно,—шепнул он.—Мы будем поднимать каждые четверть часа по ведру. А тем временем...

Он тщательно завернул камень в холстину и ударил по нему долотом.

— Великолепно!—застонал Малыш, умирая от восторга. Он бесшумно отполз от глазка.—Все трое, голова к голове,—я почти вижу, как они разговаривают.

И с этого момента до четырех часов утра они каждые четверть часа поднимали по воображаемому ведру при помощи вòрота, который скрипел, вращался вокруг своей оси и не поднимал ничего. Потом ночные гости удалились, и Смок с Малышом легли спать.

Когда рассвело, Малыш осмотрел следы мокассинов.

— Один из них был верзила Билль Солтмен,—решил он.

Смок кинул взгляд на реку.

— Принимай гостей! Два человека идут по льду.

— Нет! А ты посмотри, что будет в девять часов, когда Брек зарегистрирует заявку. Сюда набьется не меньше двух тысяч человек.

Малыш взобрался на верхушку крутого утеса и взглядом знатока окинул ряд установленных ими заявочных столбов.

— Самая настоящая жила,—комар носу не подточит,—сказал он.—Человек опытный, пожалуй, мог бы даже указать ее направление под снегом. Собьет с толку кого угодно. Спереди она скрыта скалой, а вон сбоку—разветвляется. Ну, совсем настоящая жила, с той только разницей, что она не настоящая.

Когда те двое, что перешли реку, взобрались по зигзагообразной тропинке на откос, они нашли хижину запертой. Билль Солтмен, шедший впереди, на цыпочках подошел к двери, прислушался, потом поманил Уайльда Уотера. Изнутри доносились скрип и скрежет вòрота, поднимающего тяжелый груз. Они дождались остановки, а затем услышали, как веревка размоталась обратно, и как ведро вновь стукнулось о камни. Четыре раза в течение часа слышали они этот звук. И, накопец, Уайльд Уотер постучал в дверь. Изнутри донесся какой-то приглушенный шум, потом наступило молчание, затем снова что-то зашумело, и через пять минут Смок, тяжело переводя дыхание, приотворил дверь не более чем на вершок и выглянул наружу. Его лицо и рубаха были осыпаны каменной пылью. Он приветствовал посетителей с подозрительным радушием и прибавил:

— Обождите минутку, сейчас я к вам выйду.

Он натянул рукавицы, протиснулся в дверь и подошел к посетителям. Зоркие глаза последних заметили, что рубаха его вылиняла и запылилась на плечах и что на коленях брюк видны следы наспех счищенной грязи.

— Рановато вы явились с визитом,—заметил он.—Ну, что хорошего на том берегу?

— Ну, Смок,—сказал Уайльд Уотер конфиденциальным тоном,— будьте откровенны. У вас тут что-то есть.

— Если вы насчет яиц...—начал Смок.

— Ах, да забудьте вы про яйца! Мы пришли по делу.

— Стало быть, вы хотите купить участок земли?—затараторил Смок.—Тут есть замечательные места для построек. Но мы, знаете ли, еще не можем приступить к продаже. Мы еще не произвели разбивки. Наведайтесь на той неделе, Уайльд Уотер, и я покажу вам чудесный, в смысле тишины и спокойствия, участок, если вы серьезно задумали перебраться сюда. На той неделе разбивка наверное будет кончена. До свидания. Жаль, что не могу пригласить

вас в хижину, но Малыш... вы ведь знаете его,—он ужасный чудак. Затвердил себе, что живет здесь ради тишины и спокойствия. Теперь он спит, и мне бы очень не хотелось будить его.

С этими словами Смок горячо пожал им руки. Не переставая болтать, он шагнул через порог и запер дверь.

Посетители посмотрели друг на друга и покачали головой.

— Штаны видел?—хрипло прошептал Солтмен.

— Видел. И плечи тоже. Он копался в яме.—Уайльд Уотер окинул взглядом занесенное снегом ущелье и вдруг увидел нечто такое, что заставило его свистнуть.

— А ну, взгляни-ка туда, Билль! Вон туда, куда я показываю пальцем. Ведь это же разведочная шахта! А по сторонам-то... видишь, там, где на снегу следы от их ног. Если это не подпорки, то я вообще не знаю, что такое подпорки. Это—жила, теперь все ясно!

— А ты посмотри, какая она огромная!—воскликнул Солтмен.— Они наскочили на жилу, бьюсь об заклад!

— А ты обратил внимание на откос? Скалы-то какие! Все сползают в расщелины. Все ущелье—сплошная залежь!

— А ты обрати внимание на реку, на тропинку,—вздохнул Солтмен.—Похоже, что сюда прет весь Даусон,—как по-твоему?

Уайльд Уотер посмотрел на реку и увидел, что вся дорога вплоть до дамбы в Даусоне усеяна людьми. На самой дамбе тоже кишел народ.

— Как тебе будет угодно, а я пойду, взгляну на эту разведочную шахту, прежде чем соберется народ,—сказал он и, повернувшись, побежал к ущелью.

Но тут распахнулась дверь хижины, и на пороге появились оба хозяина.

— Эй, вы!—крикнул Смок.—Куда вы идете?

— Выбрать себе участок,—откликнулся Уайльд Уотер.—Посмотрите на реку. Весь Даусон бежит покупать участки, и мы хотим перебить у них лакомый кусочек. Так, Билль?

— Вот именно,—подтвердил Солтмен.—Тут есть все данные для постройки прекрасного предместья. И населения в нем будет, повидимому, чертовски много.

— Все это так, но мы не продаем участков в том районе, куда вы идете,—ответил Смок.—Продажные участки направо и вверх по скалам. А этот кусок, от реки до ущелья, мы покамест придержим. Поворачивайте!

— А мы облюбовали как раз этот кусочек,—вызывающе сказал Солтмен.

— Он не для вас, говорю я вам!—резко ответил Смок.

— И против прогулки вы тоже возражаете?—настаивал Солтмен.

— Решительно! Ваши прогулки начинают надоедать мне. Идите обратно!

— А я полагаю, что мы все-таки прогуляемся туда,—бросил Солтмен.—Идем, Уайльд Уотер!

— Предупреждаю вас, вы нарушаете закон!—сказал Смок резким тоном.

— Нет, мы просто гуляем,—беспечно крикнул Солтмен и, повернувшись, двинулся дальше.

— Эй, остановитесь, Билль, не то я продырявлю вам шкуру!—прогремел Малыш, выхватывая два мрачного вида 44-калибровых револьвера и взводя курки.—Сделайте-ка еще один шаг, и я просверлю ваш проклятый костяк в одиннадцати местах. Поняли?

Солтмен остановился, пораженный.

— Кажется, начинает понимать,—шепнул Малыш Смоку.—Но если он не послушается, то я здорово влопался. Не могу же я стрелять! Что делать?

— Слушайте, Малыш, будьте благоразумны,—взмолился Солтмен.

— Идите сюда, и мы потолкуем, как благоразумные люди,—ответил Малыш.

Когда первые участники похода осилили зигзагообразную тропинку и взобрались на скалу, они все еще толковали, как благоразумные люди.

— Нельзя назвать человека нарушителем закона только за то, что он хочет выбрать себе участок,—доказывал Уайльд Уотер, а Малыш возражал:

— Но мыза—частная собственность, и этот кусок—тоже частная собственность, вот и все. Он не продается, говорю я вам...

V

— Ну, надо кончать. Самое время,—шепнул Смок Малышу.—Если у них лопнет терпение...

— У тебя, повидимому, железные нервы, если ты надеешься удержать их,—шопотом ответил Малыш.—Их тут две тысячи, и народ все прибывает. Они ежесекундно могут прорвать линию.

Демаркационная линия пролегала по краю ущелья; она образовалась благодаря тому, что Малыш задержал первых пришельцев как раз на этом месте и преградил им дальнейший путь. В толпе находилось человек шесть из северо-западной полиции, во главе с лейтенантом, с которым Смок стал совещаться вполголоса.

— Из Даусона все еще идет народ,—сказал он.—Скоро тут будет тысяч пять народу. Больше всего я боюсь того момента, когда они бросятся ставить заявочные столбы. Ведь тут только пять участков. Это значит, что на каждый участок придется по тысяче человек. И, кроме того, четыре тысячи из пяти бросятся на ближайший. Все это совершенно недопустимо; если начнется гонка, трупов будет больше, чем за все время существования Аляски. К тому же эти пять заявок зарегистрированы только сегодня утром,—так что брать их еще нельзя. Короче говоря, гонка недопустима.

— Совершенно верно,—сказал лейтенант.—Я соберу моих людей и расставлю их. Мы не хотим, чтобы произошла свалка, и мы не допустим ее. А еще лучше будет, если вы поговорите с ними.

— Повидимому, произошла какая-то ошибка, братцы,—громогласно начал Смок.—Мы еще не все приготовили для продажи участков. Улицы еще не разбиты. Продажа начнется на той неделе.

Вопли нетерпения и негодования прервали его речь.

— На чорта нам земельные участки?—рявкнул какой-то юный старатель.—Мы пришли за тем, что под землей!

— Откуда же мы можем знать, что у нас под землей?—ответил Смок.—Мы знаем только, что купили чудесную мызу на вершине холма.

— Вот именно,—подтвердил Малыш.—Замечательно живописный и спокойный уголок.

Снова раздались нетерпеливые крики. Солтмен выступил вперед.

— Мы пришли занимать заявки,—начал он.—Мы знаем, что вы сделали. Вы поймали кварцевую жилу и зацепили пять участков лентой, вроде как бы для застройки. Только вы промахнулись. Две из ваших заявок подложны. Кто такой Сэт Талбот? Никто никогда не слыхал о нем. А между тем вы сегодня утром сделали заявку на его имя. И еще одну вы сделали на имя Гарри Мэсуэлл. А Гарри Мэсуэлл сейчас в Ситле. Стало быть, и он отпадает. Две заявки свободны,—их можно брать.

— А может, у меня есть от него доверенность,—возразил Смок.

— Никакой доверенности у вас нет,—ответил Солтмен.—А если есть, то покажите нам ее. Так или иначе—мы будем брать эти заявки.

Солтмен перешагнул демаркационную линию и обернулся к толпе, чтобы увлечь ее за собой.

— Стойте! Вы не смеете!—крикнул лейтенант.

— Я поступаю по закону. Вы не согласны?—грозно спросил Солтмен.

— Может, вы и правы,—ответил лейтенант.—Но я не могу позволить и не позволю, чтобы пять тысяч человек бросились на две заявки. Это грозит катастрофой. В этих местах есть один закон—закон северо-западной полиции. Кто осмелится перешагнуть эту черту, будет убит. Идите обратно, Билль Солтмен!

Солтмен неохотно повиновался, но по сгрудившейся толпе пробежал трепет, не предвещавший ничего хорошего.

— Чорт побери!—шепнул лейтенант Смоку.—Посмотрите, как они облепили тот утес—точно мухи.

Смок содрогнулся, но все же заставил себя выйти вперед.

— Я буду играть начистоту, ребята. Если вы настаиваете на участках, я, так и быть, продам их вам, по сто долларов за штуку. Можете брать их, как только будет снят план.—Толпа заволновалась, но он повелительным жестом заставил ее успокоиться.—Ни с места! Если вы тронетесь, то погибнут сотни людей.

— Все равно, вы не можете принудить нас,—раздался чей-то голос.—Мы желаем брать заявки.

— Но ведь тут всего-на-всего две спорных заявки,—сказал Смок.—Что останется остальным, когда они будут заняты?

Он вытер лоб рукавом рубашки.

— Пусть все участвуют поровну!—крикнул кто-то.

Толпа громким ревом поддержала это предложение. А между тем никто не догадывался, что сделано оно было агентом Смока, который только и дожидался условного знака.

— Валите все в общий котел! Мы войдем в долю! Вся земля и мыза будут общими,—продолжал тот же голос.—И недра тоже!

— Да тут нет никаких недр!—заметил Смок.

— Тем более, в общий котел! Мы уж посмотрим!

— Это насилие, братцы!—сказал Смок.—Уж лучше бы вы оставались в Даусоне.

В его голосе звучала такая нерешительность, что толпа бешеным ревом вырвала у него согласие. Солтмен и еще несколько человек в первых рядах пытались протестовать.

— Билль Солтмен и Уайльд Уотер не хотят, чтобы вы входили в долю!—крикнул Смок.

И с этого момента Солтмен и Уайльд Уотер стали самыми непопулярными людьми в Даусоне.

— А как же мы все это устроим?—спросил Смок.—Нам с Малышом контрольный пакет! Мы открыли участок.

— Правильно!—раздался крик.

— Три пятых нам,—предложил Смок,—а на вашу долю, ребята, две пятых. И вам придется заплатить за ваши паи.

— По десять центов за доллар!—раздались крики.

— И чтобы председатель компании лично обходил всех и подносил каждому в отдельности дивиденд на серебряном подносе?—усмехнулся Смок.—Нет, дудки! Вы покупаете две пятых всего пакета, сто долларов номинальных за акцию,—выпускная цена десять долларов. Вот все, что я могу сделать для вас.

— Без крупных капиталов!—крикнул кто-то.

Этот возглас выразил общее мнение всех собравшихся.

— Вас тут около пяти тысяч человек; значит, акций будет пять тысяч,—начал вслух высчитывать Смок.—Пять тысяч—это две пятых от двенадцати тысяч пятисот. Итак, Компания Земельных Участков Тра-Ли учреждается с основным капиталом в миллион двести пятьдесят тысяч долларов, распределенным на двенадцать тысяч пятьсот акций по сто долларов номинальных, при чем вы, ребята, покупаете пять тысяч акций по выпускной цене, то-есть по десять долларов штука. Соглашайтесь или нет—мне безразлично!

Толпа была довольна. Смока-то ведь поймали с поличным—две подложных заявки! Тут же был выбран комитет.

Так была образована Компания Земельных Участков Тра-Ли. Комитет отверг предложение о распределении акций в Даусоне на следующий день на том основании, что граждане, не принимавшие участия в походе, стали бы требовать своей доли; и у костра, разведенного на льду у подножия скалы, каждому участнику похода в отдельности была выдана расписка в получении десяти долларов золотым песком, смешанным надлежащим образом.

В сумерки работа была закончена, и мыза Тра-Ли обезлюдела. Остались только Смок и Малыш, которые уселись ужинать и, хихикая, ощупывали мешки с золотом и просматривали списки пайщиков—в количестве четырех тысяч восьмисот семидесяти четырех человек.

— Подожди! Это еще не все,—заметил Малыш.

— Он придет,—убежденно ответил Смок.—Он—прирожденный игрок, и когда Брек шепнет ему два-три теплых слова, то его не удержит и разрыв сердца.

Через час раздался стук в дверь, и в хижину вошел Уайльд Уотер в сопровождении Билля Солтмена. Их глаза жадно забегали по хижине.

— Но предположите, что я хочу подписаться на тысячу двести акций—говорил Уайльд Уотер часом позже.—С остальными пятью тысячами, расписанными сегодня, это составит всего-на-все шесть тысяч двести акций. Так что на вас с Малышом придется шесть тысяч триста. Контрольный пакет останется за вами.

— Но ведь и Биллю тоже кое-что нужно. А мы не хотим отдавать больше, чем пятьсот акций.

— Сколько денег ты хочешь вложить в это дело?—обратился Уайльд Уотер к Солтмену.

— Тысяч пять, скажем.

— Уайльд Уотер,—промолвил Смок,—если бы я не знал вас так хорошо, то я бы не продал вам ни одной самой захудалой акции. Как бы там ни было, мы с Малышом больше пятисот штук не отдадим, и они обойдутся вам по пятьдесят долларов за штуку. Это мое последнее слово. Билль может удовольствоваться сотней, тогда вам останется четыреста штук.

VI

На следующий день Даусон смеялся. Начал он смеяться рано утром, когда Смок подошел к щиту для объявлений, висевшему на стене магазина А. С. Company, и прибил свою записку. Он еще не успел вколотить последнюю кнопку, как за его спиной уже собрался народ и, читая объявление, надрывался от смеха. Вскоре у щита образовалась толпа в несколько сот человек, и так как не все могли прочесть объявление, то тут же открытым голосованием был избран чтец. В течение дня чтецы сменялись неоднократно, и каждый из них громким голосом читал записку, вывешенную Смоком Беллью. Были люди, которые весь день топтались в снегу и в сотый раз слушали чтение, чтобы как следует запомнить во всех подробностях следующий документ:

ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ ОТЧЕТ КОМПАНИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ТРА-ЛИ

Каждый пайщик, не желающий пожертвовать десять долларов в пользу Центрального Госпиталя города Даусона, может получить свои деньги лично у Уайльда Уотера Чарли; в случае же отказа последнего от уплаты, она будет немедленно произведена Смоком Беллью.

Приход и расход.

За 4.874 акции по Дол. 10	Дол.	48.740
Дуайту Сэндерсону за участок Тра-Ли	„	10.000
На единовременные расходы: динамит, сверла, ворот, регистрация у приискового комиссара и пр.	„	1.000
Центральному Госпиталю гор. Даусона	„	37.740
Итого	Дол.	48.740

От Билля Солтмена за 100 акций, приобретенных частным путем, по Дол. 50	Дол.	5.000
От Уайльда Уотера Чарли за 400 акций, приобретенных частным путем, по Дол. 50	„	20.000
Вознаграждение Биллю Солтмену за его деятельность в качестве добровольного организатора похода на Тра-Ли	„	3.000
Центральному Госпиталю гор. Даусона	„	5.000
Смоку Беллью и Джэку Малышу — в полный расчет по сделке с яйцами и в виде морального удовлетворения	„	17.000
Итого	Дол.	25.000

Количество оставшихся акций — 7.126,
на сумму, по нарицательной стоимости . . . Дол. 712.600

Эти акции, находящиеся у Смока Беллью и Джэка Малыша, ценностью нуль, могут быть получены бесплатно всяким и каждым обитателем гор. Даусона, желающим переменить место жительства и насладиться тишиной и спокойствием мызы Тра-Ли.

Примечание. Указанные тишина и спокойствие на мызе Тра-Ли гарантируются на неограниченное время.

(Подпись) Смок Беллью (Председатель)
(Подпись) Джэк Малыш (Секретарь)

НА ЧТО СПОСОБНА ЖЕНЩИНА

I

— Как хочешь, а мне сдается, что ты не торопишься жениться,— заметил Малыш, возобновляя прерванную несколько минут тому назад беседу.

Смок сидел на краю спального мешка и внимательно изучал лапу собаки, которая рыча валялась перед ним в снегу. Он ничего не ответил. Малыш повернул над огнем дымящийся мокассин, насаженный на палку, и взглянул на товарища.

— Посмотри-ка на это северное сияние,—продолжал он,—легкомысленная штучка, правда? Точь-в-точь этакая приплясывающая бабенка. Самая лучшая из них легкомысленна, если только она не дура. И все они—кошки, все до одной,—самые маленькие и самые большие, самые смазливые, и наоборот. А когда они преследуют приглянувшегося им мужчину, то становятся настоящими рыкающими львицами и воющими гиенами.

Монолог снова замер. Смок ударил собаку, сделавшую попытку укусить его за руку, и продолжал исследовать ее истерзанные, окровавленные лапы.

— Да,—продолжал Малыш.—Может, я бы и женился, если бы захотел. А может, был бы теперь женат и без всякого хотения, если бы не умел быстро бегать. Хочешь знать, Смок, что меня спасло? Сейчас я тебе скажу. Легкие! Ну и бежал же я! Хотел бы я видеть бабу, которая могла бы догнать меня!

Смок отпустил собаку и тоже стал сушить над огнем мокассины, от которых валил пар.

— Завтра будем отдыхать и шить собакам мокассины,—соблаговолил он заметить.—Этот наст калечит им ноги.

— А не двинуться ли дальше?—возразил Малыш.—На обратный путь у нас не хватит продовольствия, и если мы в самом ближайшем времени не встретим стадо карибу или белых индейцев, то нам придется есть собак. Ну, а кто видел этих белых индейцев? Слухи— и ничего больше. Да и как индеец может быть белым? Это все равно,

что белый чернокожий. Завтра надо непременно двинуться в путь, Смок. Вся местность кругом вымерла. Вот уже неделя, как мы даже зайца не видали. Мы должны перебраться из этой мертвой полосы в такое место, где водится дичь.

— Они гораздо лучше побегут, если мы дадим им денек отдохнуть и наденем на них мокассины,—сказал Смок.—Попробуй-ка завтра взобраться на какой-нибудь холм и как следует осмотреться. Мы, повидимому, скоро выберемся на открытое место. Об этом-то и говорил Ла Пирл.

— Гм! Ла Пирл, по собственным его словам, проходил здесь лет десять назад; притом он так обалдел от голода, что едва ли соображал, что кругом него делается. Вспомни, что он рассказывал об огромных флагах, развевающихся на вершинах гор. Понимаешь, до чего он обалдел? Да он и сам признавался, что ни разу не видал белых индейцев. Белых индейцев придумал Антон. А Антон протянул ноги за два года до того, как мы с тобой попали в Аляску. Ну что ж,—все равно, завтра погляжу. Может, и оленя удастся подстрелить. Как ты насчет того, чтобы соснуть?

II

Все следующее утро Смок провел в лагере, занимаясь шитьем мокассинов для собак и починкой обуви. В полдень он приготовил обед на двоих, съел свою порцию и стал поджидать Малыша. Через час он надел лыжи и отправился по следам товарища. Дорога вела вверх по руслу ручья, через узкую котловину, которая вдруг расширялась в оленье пастбище. Впрочем, олени сюда не заглядывали с первого снегопада прошлой осени. Следы Малыша пересекали пастбище и поднимались по пологому склону невысокого холма. Смок поднялся на его вершину и остановился. Следы спускались по другому склону. Первые сосны, росшие на берегу ручья, находились на расстоянии мили. По всей видимости, Малыш миновал их и пошел дальше.

Смок взглянул на часы, вспомнил о надвигающихся сумерках, о собаках в лагере, и решил воздержаться от дальнейшего путешествия. Но прежде чем двинуться обратно, он еще раз внимательно осмотрел местность. Весь восточный небосклон был загроможден зубчатыми обледенелыми вершинами Скалистых Гор. Вся горная гряда как бы наступала, цепь за цепью, на северо-запад, замыкая вход в равнину, о которой говорил Ла Пирл. Казалось, эти горы сговорились отбросить путника обратно на запад, на Юкон.

До полуночи Смок поддерживал большой костер, чтобы помочь Малышу найти дорогу. А поутру свернул стоянку, запряг собак и,

дождавшись полного рассвета, пустился на поиски. В узком коридоре ущелья собака-вожак, бежавшая впереди, насторожила уши и заскулила, а затем Смок наткнулся на шесть человек индейцев, шедших ему навстречу. Они шли налегке, без собак, неся на спине по маленькому тюку с самым необходимым снаряжением. Они окружили Смока и сильно удивили его своим поведением: было очевидно, что индейцы искали именно его. Говорили они на каком-то совершенно непонятном Смоку индейском наречии. Они не были белыми индейцами, но превосходили ростом и весом представителей любого племени, населяющего Юконский бассейн. Пятеро из них были вооружены старинными длинноствольными мушкетами, а в руках у шестого Смок увидел винчестер, в котором тотчас же признал собственность Малыша.

Индейцы, без дальних проволочек, взяли его в плен. Он был безоружен, и ему оставалось только подчиниться. Содержимое его саней было тут же размещено по их тюкам, а ему самому был дан тюк, состоявший из спальных мешков его и Малыша. Собаки были распряжены, и когда Смок запротестовал, один из индейцев знаками пояснил ему, что по этому пути саням не проехать. Смок подчинился неизбежному, зарыл сани в снег на берегу ручья и поплелся вслед за своими победителями. Они шли через гребень водораздела на север, по направлению к соснам, которые Смок видел накануне вечером.

Первую ночь они провели в покинутом лагере, в котором индейцы стояли, повидимому, несколько дней назад. Здесь было спрятано немного сушеной лососины и вяленого мяса в роде пеммикана. Все это индейцы уложили в свои мешки. От лагеря тянулись бесчисленные следы лыж; вероятно, их оставили индейцы, захватившие Малыша,—решил Смок.

Еще до наступления темноты ему удалось отыскать следы, оставленные более узкими лыжами самого Малыша. Он стал знаками расспрашивать индейцев, и те, утвердительно кивнув, указали на север.

На север указывали они и все последующие дни; на север пролегал их путь, извивавшийся среди лабиринта зубчатых горных вершин. Снежный покров был тут гораздо толще, чем в долине; его приходилось на каждом шагу утаптывать лыжами. Индейцы—сплошь молодые люди—шли легко и быстро; и Смок не мог подавить щекочущее чувство гордости, заметив, что он без труда поспевает за ними.

Через шесть дней они достигли центрального перевала и осилили его. По сравнению с обступившими его скалами он был не высок, но тем не менее переход через него представлял огромные трудности,

а для нагруженных саней был и вовсе немыслим. После пяти дней бесконечных блужданий по лабиринту, опускавшемуся террасами все ниже и ниже, они вышли на открытую холмистую равнину, которую десять лет тому назад нашел Ла Пирл. Смок понял это с первого взгляда. Был холодный ветреный день,—не меньше сорока градусов ниже нуля, и воздух был так прозрачен, что Смок мог видеть на сотню миль вдаль. Куда он ни обращал взгляд, повсюду перед ним расстилалась волнистая равнина. Далеко на востоке Скалистые Горы все еще вздымали к небу свои снежные шапки. На юг и на запад тянулись зубчатые гряды только что пройденных ими отрогов. А в громадной впадине лежала открытая Ла Пирлом страна—занесенная снеговым покровом, но все же изобилующая в определенное время года дичью и пышно расцветающая летом.

К полудню путники спустились по руслу широкого горного потока, миновали погребенные в снегах голые осины, и, пройдя сосновую рощу, наткнулись на остатки большого, недавно покинутого лагеря. Бросив на него беглый взгляд, Смок решил, что костров в лагере было не меньше четырех-пяти сотен и что, стало быть, здесь стояло племя, насчитывающее несколько тысяч человек. Дорога была так хорошо утоптана недавно прошедшими по ней толпами, что Смок и его стража сняли лыжи и, оставшись в одних мокасинах, ускорили шаг.

Все чаще и чаще сказывалось присутствие дичи. Об этом можно было судить по множеству следов, оставленных волками и рысями, которые не могли бы здесь жить без мяса.

Как-то раз один из индейцев издал возглас удовлетворения и указал на открытое снежное поле, сплошь усеянное начисто обглоданными костями карибу; снег был истоптан и взрыт так, словно тут сражалось целое войско. Смок понял, что охотники произвели здесь жестокое избиение дичи совсем недавно: снег еще не успел засыпать следов пиршества.

Наступили долгие сумерки, но индейцы не проявляли ни малейшего желания сделать привал. Они упорно шли вперед, в сгущающуюся тьму; небосвод был ярко освещен огромными мерцающими звездами, плававшими в зеленоватой пелене трепетного северного сияния. Первыми почуяли близость жилья собаки Смока. Охваченные смутным волнением, они насторожили уши и заскулили. Вслед за ними и люди услышали дальний рокот, приглушенный расстоянием. Но в рокоте этом не звучала та тихая, мягкая грусть, которая обычно свойственна звукам, доносящимся издалека. Нет, то был какой-то дикий шум, прерывистая смена все более и более резких звуков, протяжный волчий вой волкодавов, вопль тревоги и муки, в котором слышались отчаяние и мятеж. Смок вынул из своих

часов стекло и, нащупав пальцами стрелки, установил время: было одиннадцать часов. Его спутники ускорили шаг. После томительного двенадцатичасового пути они нашли в себе силы итти еще быстрее, чуть ли не бежать. Пройдя темную сосновую рощу, они внезапно вступили в резко очерченную полосу света, лившегося от множества костров. Теперь шум стал еще сильнее. Перед ними раскинулся огромный лагерь.

Путники шли по извилистым тропам охотничьего стана, и волна оглушительного шума вставала им навстречу и смыкалась за их спиной: крики, приветствия, вопросы и ответы, шутки, встреченные шутками же, рычание и щелкание клыков волкодавов, которые ринулись косматыми, яростными шерстяными комками на незнакомых собак Смока, женская брань, смех, детский плач, писк грудных младенцев, стоны больных, разбуженных для новых мук,—весь лагерный пандемониум [1]) первобытного, не имеющего представления о нервах народа.

Палками и прикладами ружей спутники Смока отогнали нападавших псов, в то время как его собственные собаки, испуганные таким количеством врагов, рыча и щелкая зубами, прижались к ногам своих покровителей.

Они остановились подле большого костра, вокруг которого был утоптан снег. Малыш и двое юношей-индейцев сидели перед ним на корточках и жарили куски мяса карибу. Трое других таких же юных индейцев вскочили с цыновок из сосновых веток, на которых они лежали, закутавшись в меха. Малыш поглядел через костер на своего товарища, но лицо его при этом не дрогнуло и осталось таким же бесстрастным, как у его сотрапезников-индейцев. Он не проронил ни звука и продолжал жарить мясо.

— В чем дело?—несколько раздраженно спросил Смок.—Говорить разучился, что ли?

Старая знакомая усмешка скользнула по лицу Малыша.

— Нисколько,—ответил он.—Я индеец. Учусь ничему не удивляться. Когда они поймали тебя?

— На другой день после того, как ты ушел.

— Гм!—сказал Малыш, и насмешливый огонек вспыхнул в его глазах.—А вот я себя чувствую прекрасно, и бесконечно благодарен тебе. Ты видишь перед собою угол холостяков.—Он широким жестом обратил внимание Смока на великолепие обстановки, состоявшей из костра, сосновых цыновок, положенных прямо на снег, палаток, сшитых из шкур карибу, и щитов от ветра, сплетенных

[1]) Пандемониум — собрание всех злых «духов»; храм, посвященный всем демонам.

из сосновых и ивовых ветвей.—А вот и сами холостяки.—Он указал на юношей и издал несколько гортанных звуков на их наречии; индейцы одобрительно сверкнули зубами и белками.

— Они рады познакомиться с тобой, садись и суши твои мокасины, а я тем временем приготовлю чего-нибудь поесть. А здорово я научился болтать по-ихнему, правда? Тебе тоже придется научиться, потому что, как видно, мы проживем здесь довольно долго. Кроме нас, тут есть еще один белый. Ирландец. Они поймали его лет шесть назад на Большом Невольничьем озере. Зовут его Дэнни Мак-Кэн. Устроился здесь и взял себе жену. У него уже есть двое ребят, но тем не менее он хочет улизнуть, как только представится удобный случай. Видишь вон тот небольшой костер, направо? Это его стоянка.

Повидимому, костер Малыша был назначен Смоку как постоянное место жительства, так как конвой покинул его и собак и удалился в глубь лагеря.

Пока Смок приводил в порядок свою обувь и поглощал куски горячего мяса, Малыш не переставал стряпать и болтать.

— Мы здорово влопались, Смок,—уж ты мне поверь! И нам надо как следует понатужиться, чтобы выбраться отсюда. Эти парни—самые что ни на есть подлинные дикие индейцы. Сами-то они не белые, зато вождь у них целый. Он говорит так, словно рот у него набит горячим мохом, и если он не чистокровный шотландец, то на свете вообще не существует штуки, именуемой шотландцем. Он—х и ю-ш у к у м, верховный вождь всей оравы. Слово его—закон. Это ты должен запомнить с самого начала. Дэнни Мак-Кэн вот уже шесть лет пытается удрать от него. Дэнни—парень не промах, и все-таки никак не может обмануть его. Дэнни знает лазейку—нашел ее как-то на охоте—к западу от той дороги, по которой пришли мы с тобой. Но у него нехватает храбрости удрать в одиночку. Втроем мы, пожалуй, могли бы рискнуть. Бородач сколочен из крепкого дерева, но у него голова не совсем в порядке.

— Кто такой Бородач?—осведомился Смок, на минуту переставая есть.

— Бородач? Главный заправила. Это тот самый шотландец. Он становится стар, и сейчас, наверное, уже спит. Но завтра он непременно придет посмотреть на тебя и доказать тебе, как по-писаному, какой ты есть жалкий, ползучий червь по сравнению с ним. Вся эта земля принадлежит ему. Это ты должен как следует зарубить себе на носу. Ее никто никогда не исследовал, никто о ней понятия не имеет, словом—она его. И уж он не даст тебе забыть об этом. Около двадцати тысяч квадратных миль принадлежат ему. Они-то и есть белые индейцы—он и бабенка. Фу! Не гляди ты на меня

такими глазами. Подожди, сам увидишь ее. Красотка, и притом совершенно белая, как и ее отец, то-есть Бородач. А карибу, я тебе доложу! Собственными глазами видел их. Стадо идет на восток, и теперь мы день за днем будем преследовать его. Чего Бородач не знает о лососях и карибу, того не знает никто на свете,—это ты запомни!

III

— Вон он идет, Бородач. Притворяется, будто идет куда-то по делу,—шепнул Малыш.

Было раннее утро. Холостяки завтракали, сидя на корточках; они жарили мясо карибу на костре и тут же поедали его. Смок поднял глаза и увидел невысокого худощавого человека, закутанного в шкуры наподобие дикаря, но несомненно белого. Следом за ним тянулась запряжка, сопровождаемая дюжиной индейцев. Смок разгрыз горячую кость и, высасывая дымящийся мозг, посмотрел на вновь прибывшего. Пушистая желтовато-седая, прокопченная лагерным дымом борода скрывала большую часть его лица. Все же под ней ясно обрисовывались худые, впалые щеки. Но то была здоровая худоба,—решил Смок, заметив раздувающиеся ноздри и широкую грудь старика.

— Как поживаете?—спросил последний, сняв рукавицу и протягивая руку.—Меня зовут Спасс,—прибавил он, пожав Смоку руку.

— А меня Беллью,—ответил Смок, чувствуя себя как-то неловко под пристальным взором острых черных глаз.

— Еды у вас достаточно, я вижу.

Смок кивнул и вновь принялся за свою кость. Мурлыкающее шотландское произношение Спасса странно ласкало его слух.

— Грубоватая пища. Зато мы почти не знаем голода. Да она и гораздо естественней, чем городская еда.

— Вы, я вижу, не любите города,—улыбаясь заметил Смок, чтобы хоть что-нибудь сказать; и тотчас же был глубоко поражен переменой, происшедшей в Спассе.

Все тело старика содрогнулось и скорчилось, подобно чувствительному растению. А затем все его переживания, напряженные и дикие, сосредоточились в глазах, в которых вспыхнула ненависть, кричащая о безмерной муке. Он порывисто отвернулся и, взяв себя в руки, заметил как бы случайно:

— Я еще зайду к вам, мистер Беллью. Карибу идут на восток,—я должен пойти распределить позиции. Завтра двинутся все.

— Каков, Бородач, а?—буркнул Малыш, когда Спасс во главе своего отряда двинулся дальше.

IV

Несколько позже Смок пошел прогуляться по лагерю, погрузившемуся в свои примитивные заботы. Только что с охоты вернулся большой отряд, и мужчины расходились по своим кострам. Женщины и дети уводили запряженных собак и вместе с ними тащили тяжелые сани, нагруженные только что освежеванными и уже замерзшими тушами. Стоял холодный весенний день,—все эти сцены первобытной жизни происходили при температуре в тридцать градусов ниже нуля. Тканей ни на ком не было видно. Все были одеты в меха и мягкую дубленую кожу. В руках у проходивших мальчиков были луки и колчаны, полные стрел с костяными наконечниками; за поясами и в чехлах, висевших у них на шее, Смок увидел костяные и каменные ножи. У костров копошились женщины, коптившие мясо. На спинах у них сидели грудные дети, таращили круглые глазенки и сосали кусочки сала. Собаки—близкая родня волкам—кидались на Смока и, несмотря на занесенную над ними дубинку, обнюхивали незнакомца, с присутствием которого им приходилось мириться из-за этой самой дубинки.

В самом центре лагеря Смок набрел на стоянку, принадлежавшую, повидимому, Снассу. Стоянка, хотя и временная, сооружена была солидно и занимала большую площадь. На высоком помосте, недоступном для собак, были навалены груды шкур и всевозможное снаряжение. Широкий холщевый занавес, почти шатер, скрывал спальню и жилое помещение. В стороне стояла шелковая палатка, столь излюбленная путешественниками-исследователями и охотниками за крупной дичью. Смок никогда еще не видал такой палатки; он подошел ближе. И когда он стоял, погруженный в созерцание, полотнища палатки раздвинулись, и из нее вышла молодая женщина. Ее движения были так быстры, и появилась она так внезапно, что Смоку показалось, будто он видит перед собою призрак. Такое же точно впечатление произвел, повидимому, и он на нее, ибо они несколько секунд смотрели друг на друга.

Она была вся закутана в меха,—в меха такого великолепия, какое и не снилось Смоку. Ее парка с откинутым назад капюшоном была из какого-то странного меха, цвета бледного серебра. Мокасины, с подошвами из моржовой кожи, были сшиты из серебристых рысьих лапок. Длинные рукавицы, кисточки на мокассинах и различные меха, из которых состоял ее костюм, были того же бледно-серебристого цвета, мерцавшего на зимнем солнце; и из этого серебряного мерцания поднималась гибкая, нежная шейка, увенчанная головкой с розовым лицом, синими глазами, маленькими

ушками, подобными двум розоватым раковинам, и пышными светло-каштановыми волосами, запорошенными инеем и усеянными кристаллами снега.

Все это Смок увидел как во сне; лишь через некоторое время он пришел в себя, и рука его потянулась к шапке. В тот же миг изумление, написанное на лице девушки, сменилось улыбкой: быстрым, полным жизни движением она сняла рукавицу и протянула ему руку.

— Здравствуйте,—важно промолвила она со странным, очаровательным акцентом. Ее голос, серебристый, как облекавшие ее меха, поразил слух Смока, приученный к хриплым голосам туземных женщин.

Смок пролепетал несколько фраз, оставшихся в его памяти от далеких времен светской жизни.

— Рада познакомиться с вами,—продолжала она, медленно подбирая слова и сияя улыбкой.—Прошу снисхождения к моему английскому языку. Я говорю плохо. Я такая же англичанка, как вы,—заверила она серьезным тоном.—Мой отец шотландец. Мать моя умерла. Она была наполовину француженской, наполовину англичанкой, а также и немного индианкой. Ее отец был большим человеком в Компании Гудсонова Залива. Бррр! Холодно!—Она натянула рукавицу и потерла уши, которые из розовых стали белыми.—Пойдем к костру, поболтаем. Меня зовут Лабискви. А вас?

Так Смок познакомился с Лабискви, дочерью Снасса, которую Снасс называл Маргерэт.

— Имя моего отца вовсе не Снасс,—сообщила она Смоку.—Снасс—это только его индейское прозвище.

Смок много узнал в тот день и в последующие дни, когда все население лагеря двинулось по следам карибу. Его спутники были настоящими дикими индейцами,—теми самыми индейцами, к которым много лет назад попал Антон и от которых ему удалось ускользнуть. В данный момент они кочевали по восточной окраине своих владений; летом же они обычно уходили на север, в тундры на берегу Ледовитого океана, и на восток до Лусквы. Какая река называлась у них Лусквой—Смоку так и не удалось выяснить; не могли объяснить ему это ни Лабискви, ни Мак-Кэн. Иногда Снасс ходил с отрядом опытных охотников на восток, через Скалистые Горы, за озера, за Мэккензи, в глубь Баррен-Граундз. В одном из этих походов и была найдена шелковая палатка, в которой теперь жила Лабискви.

— Она принадлежала экспедиции Миллисент—Эдбьюри,—сообщил Снасс Смоку.

— А! Припоминаю. Они охотились на мускусных быков. Спасательная экспедиция так и не нашла их.

— Зато я нашел их,—сказал Снасс.—Но оба уже были мертвы.

— А у нас еще никто об этом не знает. Не было никаких известий от них.

— Известий отсюда не бывает никогда,—любезно заверил его Снасс.

— Вы хотите сказать, что если бы даже они были живыми, когда вы наткнулись на них...

Снасс кивнул.

— Они остались бы со мной и с моим народом.

— Однако, Антону удалось выбраться,—подзадорил его Смок.

— Не припомню такого имени. Как давно это было?

— Лет четырнадцать-пятнадцать назад,—сказал Смок.

— А, знаю! Значит, в конце концов он все-таки пробился! Вы знаете, я за него боялся. Мы прозвали его Длинные Зубы. Сильный был человек!

— Был тут и Ла Пирл, лет десять назад.

Снасс покачал головой.

— Он нашел следы ваших стоянок. Дело было летом.

— Ну да, тогда все ясно! Летом мы уходим на сто миль к северу.

Но как ни старался Смок, ему так и не удалось найти ключ к биографии Снасса до того момента, когда этот шотландец поселился в далекой северной пустыне. Он был человеком образованным, но за последние годы не прочел ни одной книги, ни одной газеты. Он понятия не имел о том, что творится на белом свете, и не проявлял ни малейшего желания знать это. Он слыхал о юконских золотоискателях и о клондайкской горячке. Но на его территории золотоискатели не показывались, чему он был очень рад. Внешний мир не существовал для него. Он не выносил даже упоминания о нем.

Лабискви тоже ничем не могла помочь Смоку в его изысканиях. Она родилась в охотничьем лагере. Ее мать умерла, когда ей было шесть лет. Мать была очень красива,—единственная белая женщина, которую Лабискви когда-либо видела. Все это она рассказала ему задумчивым тоном; тем же задумчивым и мечтательным тоном она всячески давала ему понять, что ей известно о существовании огромного внешнего мира, ворота которого были замкнуты ее отцом. Но она скрывала, что знает об этом мире. Она давно поняла, что одно упоминание о нем приводит отца в бешенство.

Антон как-то сказал одной женщине-индианке, что мать Лабискви была дочерью видного служащего Компании Гудсонова Залива.

впоследствии это было передано Лабискви. Но имени своей матери она так и не узнала.

Мак-Кэн также никуда не годился в качестве справочника... Он не любил авантюр. Дикая жизнь была для него ужасом,—а между тем ему пришлось прожить так девять лет. Он был завербован в Сан-Франциско на китобойное судно, но, доехав на нем до Мыса Барроу, дезертировал вместе с тремя товарищами... Двое из них умерли, а третий бросил его во время жуткого перехода на юг. Два года прожил он у эскимосов, прежде чем набрался храбрости отправиться на юг,—и вот в нескольких днях пути от поста Гудсоновой Компании попал в руки Снассовых индейцев... Дэнни Мак-Кэн был маленький, тупой человек с больными глазами. Он мечтал только об одном, и только об одном мог говорить—о возвращении в дорогой его сердцу Сан-Франциско, к благословенному ремеслу каменщика.

V

— Вы первый интеллигентный человек, попадающий к нам,— сказал Снасс Смоку, беседуя с ним как-то вечером у костра,— кроме старика Четырехглазого. Так его прозвали индейцы за его очки. Он был профессором зоологии; умер год назад. Мои ребята подобрали его на верховьях Паркюпайны—он отбился от экспедиции. Четырехглазый был интеллигентным человеком,—да, но и сумасшедшим тоже. Он был чертовски рассеян, но хорошо знал географию и обработку металлов. На Лускве—там есть уголь—устроил несколько очень приличных кузниц, а также чинил нам ружья и обучил этому искусству нашу молодежь. Умер он в прошлом году, и мы очень жалели о нем. Заблудился, конечно, по своему обыкновению, и замерз на расстоянии мили от лагеря.

В тот же вечер Снасс сказал Смоку еще и следующее:

— Вам бы следовало найти себе жену и устроиться самостоятельно. Это гораздо удобнее, чем жить с молодежью. Девичьи костры—нечто в роде праздника девственницы—будут зажжены только в середине лета, когда пойдет лосось. Но если вы хотите, я могу устроить их и раньше.

Смок рассмеялся и покачал головой.

— Прошу помнить,—спокойно закончил Снасс, что уйти удалось одному Антону. Ему повезло—повезло совершенно необычайно.

— У моего отца железная воля,—говорила Лабискви Смоку.— Четырехглазый обыкновенно называл его Ледяным Пиратом—не знаю, что это значит,—или Владыкою Мороза, Пещерным Медведем, Первобытным Зверем, Царем Карибу, Бородатым Леопардом и еще по-разному. Четырехглазый любил такие слова. Он-то, главным

образом, и научил меня говорить по-английски. Он вечно шутил. С ним невозможно было говорить. А когда я сердилась—называл меня своим охотничьим гепардом [1]). Что это такое?

Она щебетала с увлечением и детской наивностью, которую Смок никак не мог согласовать со зрелой женственностью ее фигуры и лица.

Да, ее отец был строг. Все боялись его. В гневе он был страшен. Вот, например, племя Дикобразов. Через них и через племя Лусква Снасс продавал свои шкуры на компанейские посты и пополнял свои запасы снаряжения и табака. Он всегда был честен, а вождь Дикобразов начал обманывать его. И Снасс, после двух предостережений, сжег его поселок; затем в бою было убито около двадцати человек из его племени. Зато обмана больше не было. Однажды, когда Лабискви была еще совсем маленькой, был убит один белый, пытавшийся бежать. Нет, отец сам не убивал его, он отдал приказание молодежи. Ни один индеец не смел ослушаться ее отца.

И чем больше Смок слушал ее, тем загадочнее становилась для него фигура Снасса.

— А вот скажите мне еще,—спрашивала его девушка.—Правда ли, что существовали мужчина и женщина по имени Паоло и Франческа [2]), и что они очень любили друг друга?

Смок кивнул.

— Мне говорил об этом Четырехглазый,—просияла она.—Но он не рассказывал подробностей, и я не была уверена. Я спросила отца,—о, как он рассердился! Индейцы говорили мне, что он потом ужасно изругал Четырехглазого. И еще Тристан и Изольда—две Изольды. Очень грустная история! И все-таки я хотела бы так любить. Неужели все молодые мужчины и женщины так любят? У нас—нет. У нас просто женятся. У наших как будто нехватает на это времени. Я—англичанка, и я никогда не выйду замуж за индейца. А вы? Поэтому-то я и не зажигаю своего девичьего костра. Многие из наших юношей просят отца, чтобы он приказал мне зажечь костер. Либаш, например. Он великий охотник. А Махкук все бродит кругом и поет песни. Он смешной. Подойдите сегодня вечером к моей палатке,—услышите, как он поет, стоя на морозе.

---

[1]) Гепард (или охотничий леопард) — род зверей из семейства кошек.

[2]) Франческа да Римини—известная своей жестокой участью дочь Гвидо да Полента, властителя Равенны и Червии (в XIII в.). Сын князя города Римини—Джанчотто Малатеста, женился на ней путем обмана, послав вместо себя своего красавца-брата Паоло. Франческа, обнаружив обман, мстит своему безобразному мужу, изменяя ему с Паоло, и гибнет вместе с возлюбленным. Сюжет, неоднократно обрабатывавшийся в мировой поэзии (Данте, П. Гейзе, Г. д'Аннунцио и др.).

Но отец говорит, что я вольна поступать, как я хочу,—вот я и не зажигаю костра. Понимаете, когда девушка хочет выйти замуж, она таким образом оповещает о своем намерении всех молодых людей. Четырехглазый всегда говорил, что это прекрасный обычай. Но я заметила, что сам он никого не взял себе в жены. Может, он был слишком стар. У него было очень мало волос, но я все-таки думаю, что он был не так уж стар. А как вы узнаете, что вы влюблены? Как Паоло и Франческа? Да?

Смок смутился под ясным взглядом ее синих глаз.

— Они говорят друг другу,—пролепетал он,—те, кто влюблены, говорят... что любовь дороже жизни. Когда замечаешь, что любишь кого-нибудь больше всех на свете,—ну вот тогда, значит, ты влюблен. Вот так и бывает. Только объяснить это ужасно трудно. Просто узнаешь—вот и все.

Она посмотрела вдаль, за лагерный дым, вздохнула и снова углубилась в шитье меховой рукавицы.

— Так вот,—заявила она решительно,—я никогда не выйду замуж.

VI

— Если только мы выберемся отсюда, нам придется здорово бежать,—угрюмо сказал Малыш.

— Вся эта местность—огромная ловушка,—откликнулся Смок.

Стоя на вершине голого холма, они обозревали снежные владения Снасса. На востоке, западе и юге владения эти были замкнуты высокими пиками и извилистыми горными цепями. На север тянулась равнина, казавшаяся бесконечной; но они знали, что даже и в этом направлении она была перерезана несколькими горными цепями.

— В это время года можно выиграть у погони только три дня,—сказал Снасс Смоку в тот вечер.—Вы все равно не скроете ваших следов. В этом все дело. Антон удрал уже после того, как стаял снег. Моя молодежь может потягаться с лучшим из белых бегунов; кроме того, вы проложите для нее дорогу. А когда стает снег, я позабочусь о том, чтобы вам не представился случай, как Антону. У нас здесь чудесная жизнь. А тот мир, где мы жили, скоро забывается. Я всегда удивлялся, как легко можно обойтись без мира.

— Что меня смущает, так это Дэнни Мак-Кэн,—поведал Малыш Смоку.—Он плохой ходок. Но он клянется, что знает на западе лазейку. Так что нам придется отправиться вместе с ним, Смок, а то уж больно крепко влопаешься.

— Мы все одной веревкой связаны,—ответил Смок.

— Ну, нет! До тебя добираются самым определенным образом.

— Что это значит?

— Разве ты не слышал новости?

Смок покачал головой.

— Мне говорили холостяки. Они уже кое-что прослышали. Сегодня вечером начинается,—за много месяцев до срока.

Смок пожал плечами.

— Тебе не интересно?—подзадорил его Малыш.

— Я слушаю.

— Так вот, жена Дэнни сказала холостякам...—Малыш сделал многозначительную паузу.—А холостяки, в свою очередь, сказали мне, что сегодня вечером будут зажжены девичьи костры. Вот и все. Как тебе это нравится?

— Не понимаю, что ты этим хочешь сказать, Малыш.

— Не понимаешь, вот как? Да ведь это же ясно как день! На тебя охотится баба, и баба эта собирается зажечь костер, и зовут эту бабу Лабискви. О, я видел, как она смотрит на тебя, когда ты этого не замечаешь. Она еще ни разу не зажигала костра. Говорит, что не хочет выходить замуж за индейца. Так что если она зажжет его, то, очевидно, только ради моего бедного старого друга Смока.

— Это логично,—сказал Смок. Сердце у него упало, и он стал мысленно разбирать все поступки Лабискви за последние несколько дней.

— Скажи лучше—это так и есть,—возразил Малыш.—Ведь вот всегда так: только мы приготовимся удрать, как является этакая штучка и путает все наши карты. Не везет нам... Ого! Послушай-ка!

Три старухи остановились между лагерем холостяков и стоянкой Мак-Кэна, и самая старшая из них начала декламировать что-то пронзительным фальцетом.

Смок кое-как разобрал имена, но большинство слов осталось для него непонятным. Малыш начал переводить самым меланхолическим тоном:

— «Лабискви, дочь Снасса, Заклинателя Дождя, Великого Вождя, зажигает свой первый девичий костер сегодня вечером. Мака, дочь Свиста, Победителя Волков...»

Затем последовало около дюжины девичьих имен, и три глашатая поплелись к следующему костру возвещать ту же новость.

Юные холостяки, давшие обет никогда не разговаривать с девушками, были мало заинтересованы предстоящей церемонией и, чтобы выказать свое презрение, немедленно начали собираться в поход, хотя, по приказу Снасса, должны были отправиться только на следующее утро. Вопреки мнению старых охотников, Снасс решил, что стадо карибу разбилось на две части. Холостякам было поручено произвести разведку в северном и западном направлениях и найти след второй половины огромного стада.

Смок, смущенный намерением Лабискви зажечь костер, заявил, что хочет сопровождать холостяков. Но сначала он потолковал с Малышом и Мак-Кэном.

— Ты будешь там на третий день, Смок,—сказал Малыш.—Мы приготовим запряжку и собак.

— Но помни,—предостерег Смок,—если тебе почему-либо не удастся встретиться со мной, то иди дальше прямо на Юкон. Это совершенно необходимо. Если тебе удастся выбраться, ты можешь явиться за мной летом. Если же мне представится удобный случай, я удеру и вернусь за тобой.

Мак-Кэн, стоя у своего костра, указал глазами на огромную скалу, вздымавшуюся на западе, где высокая горная цепь сползала на открытую равнину.

— Эта самая,—сказал он.—С южной стороны—небольшой ручей. Мы поднимемся по его руслу. На третий день вы встретите нас. В каком бы месте вы ни вышли на этот ручей, вы найдете либо нас, либо наши следы.

VII

Случая на третий день, однако, не представилось.

Холостяки изменили направление разведки, и в то время как Малыш и Мак-Кэн пробирались вместе с собаками вверх по ручью, Смок с холостяками выслеживал в шестидесяти милях к северо-востоку второе стадо карибу. Несколько дней спустя они вернулись в главный лагерь. Снег падал тяжелой пеленой. Какая-то женщина, причитавшая, сидя у костра, сорвалась с места и бросилась к Смоку. В глазах ее горела смертельная ненависть, и голос ее срывался. Она осыпала Смока хриплыми проклятиями, тыча пальцем в какой-то неподвижный, завернутый в меха предмет, лежавший в санях, которые только что прибыли в лагерь.

Смок мог только догадываться о том, что случилось, и, подходя к костру Мак-Кэна, готовился встретить второй поток проклятий. Вместо этого он увидел самого Мак-Кэна, усиленно жевавшего мясо карибу.

— Я не гожусь в бой,—плаксиво пояснил Мак-Кэн.—Но Малыш удрал, хотя они все еще гонятся за ним. Он, наверное, будет драться с ними. Все равно они его поймают. У него нет никаких шансов уйти далеко. Он уложил двух молодых индейцев,—скоро об этом узнает весь лагерь. А одному изранил грудь.

— Знаю,—ответил Смок.—Я только что встретил вдову.

— Старик Снасс хочет видеть вас,—добавил Мак-Кэн.—Он приказал, чтобы вы явились к нему, как только вернетесь. Я не

проболтался. Вы ничего не знаете. Помните это. Малыш удрал со мной по собственному почину.

У костра Снасса Смок нашел Лабискви. Она встретила его таким нежным и любящим взглядом, что он испугался.

— Я рада, что вы не пытались бежать,—сказала она.—Видите ли, я...—Она заколебалась, но не опустила глаз; их сияние не оставляло места сомнениям.—Я зажгла костер и сделала это ради вас. Свершилось! Я люблю вас больше всего на свете... больше отца... больше, чем тысячу Либашей и Махкуков. Я люблю—это очень странно—я люблю, как любила Франческа, как любила Изольда. Старик Четырехглазый сказал правду. Индейцы так не любят. Но у меня синие глаза, и я белая. Мы оба белые—вы и я.

Смоку никогда в жизни не делали предложения,—он совершенно не представлял себе, как следует поступать в таких случаях. А что еще хуже—это даже не было предложением. Его согласие было предрешено. Лабискви была так уверена в успехе своего предприятия, глаза ее сияли таким теплым светом, что ему оставалось только удивляться, почему она не обнимает его и не припадает головой к его плечу. Потом он сообразил, что, несмотря на всю чистоту ее чувства, ей неведомы красивые проявления любви. Такие вещи не в ходу у первобытных дикарей. Ей не у кого было научиться им.

Она щебетала, воспевая счастливое время любви, а он боролся с собою, принуждая себя каким-нибудь образом сказать ей убийственную правду. Ведь это был на редкость удобный случай.

— Но послушайте, Лабискви,—начал он.—Вы уверены, что Четырехглазый рассказал вам всю историю любви Паоло и Франчески?

Она всплеснула руками и, непоколебимо уверенная в своем счастье, залилась радостным смехом:

— О! А разве есть продолжение? Я так и думала, что там будет еще больше любви. Я очень много думала с тех пор, как зажгла костер. Я...

Тут, сквозь пелену падающего снега, у костра показался Снасс, и Смок упустил случай.

— Добрый вечер,—угрюмо буркнул Снасс.—Ваш товарищ заварил кашу. Я рад, что у вас оказалось больше здравого смысла.

— Может быть, вы скажете мне, что случилось?—обратился к нему Смок.

Белые зубы старика сверкнули из-под седых усов в усмешке, которую вряд ли можно было назвать любезной.

— Пожалуйста! Ваш товарищ убил одного из моих людей. Этот слюнявый карапуз Мак-Кэн удрал при первом выстреле. Он-то уж больше не сбежит. Но мои охотники гонятся в горах за вашим

товарищем и в конце концов поймают его. Он никогда не доберется до Юконского бассейна. Что же касается вас, то отныне вы будете спать у моего костра. И конец разведкам с молодежью! Я буду присматривать за вами сам.

VIII

Переселение в стоянку Снасса было для Смока очень тягостно. Он встречался с Лабискви чаще, чем раньше. Что-то жуткое было для него в ее чувстве—откровенном, невинном и нежном. В ее глазах сияла любовь, и каждый взгляд ее был лаской. Десятки раз он собирался рассказать ей про Джой Гастелль, и десятки раз убеждался в том, что он трус. Самое неприятное было то, что Лабискви была прелестна. Она положительно радовала его взоры. Несмотря на то, что каждая секунда, проведенная в ее обществе, заставляла его презирать самого себя, он чувствовал в то же время, что каждая такая секунда доставляет ему наслаждение. В первый раз в жизни он по-настоящему узнал женщину, а душа Лабискви была так чиста, так привлекательна в своей искренности, в своем неведении, что он не мог ошибиться ни в одном движении ее. В Лабискви была сосредоточена вся первородная чистота ее пола, не исковерканная условностями культуры и ханжеством самозащиты. Он вспомнил Шопенгауэра и решил, что мрачный философ ошибался [1]). Узнать женщину так, как Смок узнал Лабискви, значило понять, что все женоненавистники—больные люди. Лабискви была очаровательна. И все же рядом с нею в его душе не меркла память о Джой Гастелль. Джой была сдержанна и умела контролировать себя, над ней тяготели все запреты, накладываемые на женщину цивилизацией, и все же его угодливое воображение наделяло ее теми же качествами, какие были у Лабискви. Одна давала ему возможность оценить другую, и все женщины мира получали надлежащую оценку благодаря тому, что Смоку в снежной стране, у костра Снасса открылась душа Лабискви.

И Смоку многое открылось и в его собственной душе. Он оглянулся назад, вспомнил все, что знал о Джой Гастелль, и понял, что любит ее. Но и Лабискви доставляла ему много радости. А чем было это чувство радости, как не любовью? Каким другим

[1]) Шопенгауэр—знаменитый немецкий философ (1788—1860). Пессимизм и реакционный фанатизм составляли характерную черту Шопенгауэра. Он считал женщину главной виновницей зла в мире. „Узкоплечий, широкобедрый, низкорослый пол, лишенный всякой истинной оригинальности духа. Женщины не создали ничего великого. Они легкомысленны и безнравственны“,—говорил этот буржуазный мыслитель.

именем мог он назвать его? Да, то была любовь. То должна была быть любовь. И он был потрясен до глубины души, обнаружив в себе эту склонность к полигамии [1]). В салонах Сан-Франциско ему приходилось слышать утверждения, будто мужчина может одновременно любить двух или даже трех женщин. Но он не верил этому. Да и как мог он поверить, не убедившись на собственном опыте? Теперь было не то. Теперь Смок действительно любил двух женщин сразу, и хотя он чаще был убежден, что любит Джой Гастелль сильнее, у него все же бывали минуты, когда он с равной уверенностью мог сказать, что сильнее любит Лабискви.

— В мире, наверное, очень много женщин,—сказала она как-то.—И женщины любят мужчин. Должно быть, вас любило много женщин. Правда?

Он не ответил.

— Ну, скажите же,—настаивала она.—Разве это не так?

— Я никогда не был женат,—уклонился он от прямого ответа.

— И другой у вас нет?.. Другой Изольды,—там, за горами.

И вот тогда-то Смок понял, что он трус. Он солгал. Он это сделал против воли,—и все же солгал. С мягкой, снисходительной улыбкой он покачал головой, и когда увидел, что Лабискви мгновенно преобразилась от радости, его лицо отразило такую любовь, какой он даже и не подозревал в себе.

Он пытался оправдаться перед самим собой. Все его доводы отличались совершенно очевидным иезуитством, и все же он не был настолько спартанцем [2]), чтобы нанести этой женщине-ребенку роковой удар в самое сердце.

Снасс тоже усложнял возникшую перед Смоком проблему.

— Никому не приятно видеть свою дочь замужем,—говорил он Смоку.—Особенно человеку впечатлительному. Это причиняет боль. Одна мысль об этом ранит. И все-таки Маргерэт должна выйти замуж,—таков закон жизни.

— Я—суровый, жестокий человек,—продолжал он.—Но закон есть закон, и я справедлив. Более того: здесь, среди этого первобытного народа, я сам—закон и судья.

К чему клонился этот монолог, Смок так и не узнал, ибо он был прерван взрывом серебристого смеха, донесшимся из палатки Лабискви. Лицо Снасса исказилось от боли.

— Я перенесу это,—мрачно прошептал он.—Маргерэт должна выйти замуж. И это большое счастье для меня и для нее, что вы здесь.

---

[1]) Полигамия—многоженство.

[2]) Спартанцы—жители древней Спарты (на юге Греции), отличались суровостью нравов.

Тут Лабискви вышла из своей палатки и подошла к костру, держа на руках волчонка; словно магнитом тянуло ее взглянуть па любимого. В глазах ее светилась любовь, которую никто не научил ее скрывать.

IX

— Слушайте,—говорил Мак-Кэн.—Наступила весенняя оттепель, на снегу образуется наст. Если бы не снеговые бури в горах, то нет лучшего времени для путешествия. Я знаю эти бури. Я готов бежать, но только с таким человеком, как вы.

— Вы не можете бежать,—возражал Смок.—Не равняйте себя с мужчиной. Ваш хребет стал гибким, как оттаявшее сало. Если уж я убегу, то убегу один. Впрочем, мир быстро забывается, и я, быть может, не убегу отсюда вовсе. Мясо карибу—чудная вещь, а скоро придет лето, и с ним—лососина.

Снасс говорил:

— Ваш товарищ умер. Мои охотники не убили его. Они нашли его тело,—он замерз в горах в первую же весеннюю бурю. Убежать отсюда немыслимо. Когда мы отпразднуем вашу свадьбу?

Лабискви говорила:

— Я слежу за вами. В ваших глазах, на вашем лице тревога. О, я знаю ваше лицо. У вас на шее есть маленький шрам под самым ухом. Когда вы радуетесь, уголки вашего рта поднимаются кверху. Когда вас посещают грустные мысли, они опускаются. Когда вы улыбаетесь, от ваших глаз бегут три-четыре морщинки. Когда вы смеетесь—их шесть, а иногда я насчитывала даже семь. А теперь я не могу отыскать ни одной. Я никогда не читала книг. Я не умею читать. Но Четырехглазый многому меня научил. Я хорошо говорю по-английски. Он научил меня. И в его глазах я тоже видела тревогу и тоску по внешнему миру. А ведь тут было хорошее мясо и много рыбы, и ягоды, и коренья, и нередко мука, которую давали нам за меха через племена Дикобразов и Лусква. И все-таки он был голоден, он тосковал по миру. Неужели мир так хорош, что вы томитесь по нем? У Четырехглазого не было ничего. А у вас есть я.—Она вздохнула и покачала головой.—Четырехглазый так и умер тоскующим по миру. А если вы останетесь здесь навсегда, неужели вы тоже умрете от тоски по миру? Вероятно, я не представляю себе, что такое мир. Вам хочется бежать туда?

Смок не мог произнести ни слова, но, взглянув на уголки его рта, она поняла все.

На несколько минут воцарилось молчание. Она, видимо, боролась с собой, а Смок проклинал себя за неожиданно проявленную им

слабость; она заставила его сознаться в его тоске по миру и в то же время лишила его дара речи, когда он был готов признаться в любви к другой.

Лабискви вздохнула.

— Хорошо. Я люблю вас так сильно, что не боюсь гнева моего отца. А он в гневе страшнее, чем буря в горах. Вы объяснили мне, что такое любовь. Вот вам доказательство любви. Я помогу вам вернуться в мир.

X

Смок проснулся и лежал не двигаясь. Теплые тоненькие пальцы коснулись его щеки и скользнули на губы, нежно закрыв их. Потом он почувствовал легкое прикосновение заиндевевшего меха и услышал одно единственное слово, сказанное шопотом: «Идем!» Он осторожно приподнялся и прислушался. Сотни лагерных волкодавов тянули свою ночную песню, но, сквозь их завывание, совсем близко он мог расслышать легкое, ровное дыхание Снасса.

Лабискви слегка потянула Смока за рукав. Он все понял—она хотела, чтобы он следовал за ней. Он взял в руки мокассины и шерстяные носки и выполз на снег в спальных мокассинах.

В багровом свете догорающих костров она знаком велела ему надеть обувь и, пока он исполнял ее приказание, ушла в палатку, где спал Снасс.

Нащупав стрелки часов, Смок установил время—час ночи. Было совсем тепло,—градусов десять ниже нуля, решил он. Лабискви вышла из палатки и повела его узкими тропинками по спавшему лагерю. Они старались ступать как можно легче, но снег все же скрипел под их мокассинами. Звук этот, однако, тонул, в вое собак.

— Теперь поговорим,—сказала она, когда они отошли на полмили от крайнего костра.

При свете звезд Лабискви посмотрела ему в лицо. Тут Смок впервые заметил, что она держит что-то в руках, и ощупью убедился, что то были его лыжи, два пояса с патронами и спальные меха.

— Я все приготовила,—сказала она с тихим, счастливым смехом.—Я два дня прятала мясо, муку, спички и приготовила самые удобные для ходьбы по насту лыжи; если они даже начнут проваливаться, то их задержат перепонки. О, я умею ходить по снегу. Мы пойдем быстро, любимый.

Смок едва удержался от восклицания. Достаточно неожиданно было уже то, что она подготовила ему бегство; а к тому, что она решила бежать вместе с ним, он совсем не был подготовлен. Не зная, что предпринять, как действовать, он осторожно, одну за другой,

отнял у нее все вещи. Потом обнял ее, прижал к себе и все же никак не мог определить свое дальнейшее поведение.

— Бог добр,—прошептала она.—Он послал мне любимого.

У Смока хватило мужества не проронить ни слова о своем намерении бежать одному. И прежде чем он заговорил, все воспоминания о светлом, далеком мире и о солнечных странах поблекли и померкли в его душе.

— Пойдем назад, Лабискви,—сказал он.—Вы будете моей женой, и мы навсегда останемся жить с народом Карибу.

— Нет! Нет!—Она покачала головой, и все ее тело, трепетавшее в кольце его рук, воспротивилось этому предложению.—Я знаю. Я много думала. Тоска по миру охватит вас и долгими ночами будет терзать ваше сердце. Четырехглазый умер от тоски по миру. И вы тоже умрете. Все люди, пришедшие из мира, томятся по нем. А я не хочу, чтобы вы умерли. Мы переберемся через снежные горы южным проходом.

— Послушайте меня, дорогая,—настаивал Смок.—Мы должны вернуться.

Она прижала руку в рукавице к его губам, не давая ему говорить дальше.

— Вы любите меня? Скажите, что вы любите меня.

— Я люблю вас, Лабискви. Вы—мое счастье, моя радость!

И снова рукавица нежным прикосновением помешала ему продолжать.

— Мы пойдем к тайнику,—решительно сказала Лабискви.—Он находится в трех милях отсюда. Идем.

Он упирался; она тянула его за руку, но не могла сдвинуть с места. Он испытывал сильное искушение рассказать ей о другой женщине, жившей по ту сторону южного прохода.

— Ради вас мы не должны возвращаться,—сказала она.—Я... я только дикая девушка, и я боюсь мира; но еще больше я боюсь за вас. Вы видите—все случилось так, как вы говорили мне. Я люблю вас больше всего на свете, я люблю вас больше себя. Мечты моего сердца, светлые и бесчисленные, как звезды—как мне выразить их? Есть ли слова для них? Вот они,—смотрите.

С этими словами она сняла с него рукавицы и, просунув его руку за пазуху своей парки, положила ее к себе на сердце. Она прижимала ее все сильней и сильней. И в долгом молчании он почувствовал биение,—биение ее сердца, и понял, что каждый трепет его—любовь. А потом медленно, почти незаметно, все продолжая держать его руку, она отстранилась от него и пошла к тайнику. Он не мог противиться. Ему казалось, что его влечет ее сердце, лежавшее под его ладонью.

XI

Наст, который за ночь затянул оттаявший накануне снег, был так крепок, что они скользили па своих лыжах с большой быстротой.

— Вот тут, за деревьями, тайник,—сказала Лабискви Смоку.

В следующее же мгновение она схватила его за руку, вздрогнув от неожиданности. Перед ними весело плясало пламя небольшого костра, а у костра на корточках сидел Мак-Кэн. Лабискви пробормотала что-то по-индейски, и звук ее слов был так похож па щелканье бича, что Смок вспомнил прозвище, данное ей Четырехглазым,—гепард!

— Я боялся, что вы убежите без меня,—пояснил Мак-Кэп, когда они подошли ближе. В его маленьких зорких глазах мерцало лукавство.—Поэтому я все время следил за девушкой, и когда увидел, что она прячет лыжи и продовольствие, снялся с места. Костер? Никакой опасности! Весь лагерь спит и храпит, а ждать было порядком холодно. Ну что ж? Двинемся?

Лабискви растерянно взглянула на Смока, но тотчас же овладела собой и заговорила. И хотя она была еще ребенком во всем, что касалось любви, в словах ее звучала холодная решимость человека, умеющего стойко переносить любые невзгоды.

— Мак-Кэн, вы—пес,—прошептала она, и в глазах ее вспыхнула дикая ярость.—Я знаю, вы задумали поднять на ноги весь лагерь, если мы не возьмем вас с собой. Ладно, мы принуждены взять вас. Но вы знаете моего отца. Я такая же, как он. Вы будете исполнять вашу долю работы. Вы будете повиноваться. И если вы вздумаете играть нечисто, вы пожалеете о том, что бежали.

Рассвет настиг их среди холмов, лежавших между равниной и горами. Мак-Кэн предложил позавтракать, но они продолжали итти. Привал решено было сделать только тогда, когда полуденное солнце растопит наст, и бежать на лыжах будет невозможно.

Лабискви рассказала Смоку все, что знала о местности, и объяснила, каким образом намерена обмануть погоню. Равнина имеет только два выхода—один на западе, другой—на юге. Снасс немедленно пошлет отряды молодежи запереть и тот и другой. Но на юге есть еще один проход. Правда, он доходит только до половины гор, а потом сворачивает на запад и, пересекая три холма, соединяется с обычным путем. Но, не найдя их следов на обычном пути, преследователи повернут назад, решив, что беглецы направились к западному проходу. Они никогда не догадаются, что беглецы рискнули пойти самой длинной дорогой. Оглянувшись на тащившегося в хвосте Мак-Кэна, Лабискви вполголоса сказала Смоку:

— Он ест. Это нехорошо.

Смок обернулся. Ирландец потихоньку грыз вяленое мясо карибу, вынутое им из мешка, который он нес.

— В неурочное время не есть, Мак-Кэн!—скомандовал Смок.— В этой местности нет дичи. Все наше продовольствие с самого начала должно быть разделено на равные порции.

К часу дня наст настолько подтаял, что беговые лыжи начали проваливаться, а к двум стали проваливаться и канадские [1]. Сделали привал и в первый раз поели. Смок осмотрел припасы. Мешок Мак-Кэна сильно разочаровал его. Ирландец набил его таким количеством серебристых лисьих шкур, что для мяса в нем осталось очень мало места.

— Ей-богу, я не знал, что их так много,—оправдывался он.— Я укладывался в темноте. Но они стоят больших денег. У нас ведь есть оружие, и мы можем настрелять дичи в свое удовольствие.

— Волки сожрут вас в свое удовольствие,—только и нашелся ответить Смок; в глазах Лабискви вспыхнул гнев.

Пищи хватит на месяц при экономном хозяйничаньи и умеренном аппетите,—решили Смок и Лабискви. Смок точно распределил тюки по весу и размеру и, после долгих споров уступив настояниям Лабискви, дал и ей часть поклажи.

На следующий день русло ручья привело их в широкую горную долину. Они уже начали окончательно проваливаться сквозь наст, когда им удалось выбраться на более крепкий склон водораздела.

— Еще десять минут—и мы не смогли бы перейти через равнину,—сказал Смок, когда они остановились передохнуть на голой вершине холма.—Здесь мы по меньшей мере на тысячу футов выше.

Лабискви, не говоря ни слова, указала вниз на открытую равнину. В центре ее, среди редких деревьев, виднелось пять темных разбросанных пятен, медленно двигавшихся вперед.

— Индейцы,—сказала Лабискви.

— Они проваливаются по пояс,—ответил Смок.—Сегодня им уже не удастся выбраться на твердую почву. У нас есть в распоряжении несколько часов. Эй, Мак-Кэн, пошевеливайтесь! Мы не будем есть, пока у нас хватит сил итти.

Мак-Мэн заворчал, но в его мешке уже не было мяса карибу, и он угрюмо поплелся за Смоком и Лабискви. Долина, по которой они шли теперь, была расположена несколько выше; тут наст не проламывался до трех часов пополудни, и за это время им удалось добраться до густого леса, где наст успел подмерзнуть. Только один раз остановились они, чтобы достать конфискованное у Мак-Кэна мясо,

---

[1] Канадские лыжи состоят из двух овальных деревянных рам, переплетенных сетью из жил или тонких ремней.

которое они решили есть на ходу. Мясо сильно промерзло, и есть его можно было, только отогрев предварительно на огне. Но оно крошилось во рту и до известной степени успокоило их судорожно сжимавшиеся желудки.

После долгих сумерек, к девяти часам спустилась непроницаемая тьма. Небо было обложено тучами. Они сделали привал в роще карликовых сосен. Мак-Кэн беспомощно скулил. Правда, дневной переход был очень утомителен, но, помимо этого, он, несмотря на свой девятилетний опыт полярного путешествия, поел снега и теперь страшно мучился от сухости и жжения во рту.

Лабискви была неутомима; Смок не мог надивиться выносливости ее тела и непоколебимости ее духа. Бодрость ее не была искусственной. Она постоянно находила для него улыбку или смех, и если ее рука случайно прикасалась к его руке, она медлила отнять ее, чтобы хоть как-нибудь его приласкать.

Ночью подул сильный ветер и выпал снег; им пришлось итти вслепую сквозь вьюгу.

В результате они пропустили поворот в пути, который вел вверх по небольшому ручью и пересекал водораздел в западном направлении. Они блуждали еще два дня, пересекая один холм за другим,— все не те, которые им были нужны. За эти два дня весна осталась позади, и они вступили в царство зимы.

— Индейцы потеряли наш след. Отдохнем денек,—ныл Мак-Кэн. Но об отдыхе не могло быть и речи. Смок и Лабискви сознавали всю опасность положения. Они заблудились в горах, где не было дичи; им не попадались даже следы ее. День за днем прокладывали они себе путь среди мрачных скал, по лабиринтам ущелий и долин, редко-редко выводивших их на запад. Попав в такое ущелье, они уже не могли изменить направление и должны были итти туда, куда оно их вело, ибо ледяные вершины и высокие горные террасы, вздымавшиеся с обеих сторон, были неприступны и недосягаемы. Отчаянная борьба и холод пожирали их энергию, и все же они урезывали свои и без того скудные пайки.

Однажды ночью Смок проснулся от какого-то странного шума. Из угла, где спал Мак-Кэн, до него донесся прерывистый хрип. Он поспешно раздул костер и при свете его увидел, что Лабискви держит ирландца за горло и заставляет его выплюнуть кусок наполовину разжеванного мяса. Как раз в тот момент, когда Смок увидел это, ее рука скользнула к поясу, и через секунду в ней сверкнул нож.

— Лабискви!—повелительным тоном крикнул Смок.

Ее рука повисла в воздухе.

— Не делайте этого,—сказал он, подойдя к ней.

Она вся дрожала от гнева, но, поколебавшись еще секунду, неохотно вложила нож в ножны. Как бы боясь, что у нее нехватит сил сдержаться, она отошла к костру и стала подбрасывать в него хворост. Мак-Кэн сел, хныкая и причитая. Страх и ярость боролись в нем, и он бормотал какие-то нечленораздельные объяснения.

— Откуда вы достали мясо?—спросил Смок.

— Обыщите его,—сказала Лабискви.

Это были первые сказанные ею слова; ее голос прерывался от гнева.

Мак-Кэн пытался воспротивиться, но Смок скрутил его и, обыскав, вытащил у него из-подмышек кусок мяса карибу, оттаявшего от соприкосновения с теплым телом. Резкий возглас Лабискви привлек внимание Смока. Она бросилась к мешку Мак-Кэна и развязала его. Вместо мяса из него посыпались сосновые иглы, мох, щепки,—всевозможные легкие отбросы, заменявшие мясо и придававшие тюку надлежащий внешний вид.

Снова руки Лабискви скользнули к поясу, и девушка ринулась на виновного, но Смок перехватил ее, и она припала к его груди, всхлипывая от бессильной ярости.

— Любимый, я не из-за пищи!—задыхалась она.—Из-за тебя, из-за твоей жизни! Собака! Тебя он ест! Тебя!

— Ничего, выживем,—утешил ее Смок.—Теперь он будет нести на себе муку. Он не сможет есть ее в сыром виде. Если он сделает это, я сам убью его. А он съест не только мою жизнь, но и твою.

Он крепко обнял ее.

— Лабискви, дорогая моя, убийство—мужское занятие. Женщины не убивают.

— Ты перестал бы любить меня, если бы я убила этого пса?—удивленно спросила она.

— Любил бы меньше,—мягко ответил Смок.

Она покорно вздохнула.

— Хорошо,—сказала она.—Я не убью его.

XII

Преследование не прекращалось. Отчасти по наитию, отчасти же руководствуясь топографией местности, индейцы правильно угадали путь, избранный беглецами, и найдя заметенный вьюгой след, пустились по нем. Когда выпадал снег, Смок и Лабискви нарочно шли самым нелепым путем: они поворачивали на восток, когда гораздо удобнее было итти на юг или на запад, карабкаясь на высокие холмы, обходя низкие. Все равно они потеряли верный путь и уже никак не могли обмануть преследователей. Иногда им удавалось

выиграть несколько дней, но в конце концов индейцы неизменно появлялись снова.

Смок потерял счет времени, дням и ночам, бурям и привалам. В какой-то бесконечной, безумной фантасмагории страданий и борьбы пробивался он по черным ущельям, склоны которых были так отвесны, что на них даже не оседал снег; беглецы шли по ледяным равнинам, где на каждом шагу попадались замерзшие озера; они делали привалы над линией лесов и не зажигали костра, согревая мороженое мясо теплотой своего тела. И все же бодрость не покидала Лабискви; только глядя на Мак-Кэна, она становилась мрачной. А любовь ее к Смоку делалась все более красноречивой.

Как кошка, следила она за распределением скудного пайка. Смок видел, какую ненависть вызывало в ней каждое движение челюстей Мак-Кэна. Как-то раз они распределяли порции, и вдруг Смок услышал яростный протест ирландца. Выяснилось, что не только ему, но и себе самой она уделяла значительно меньшую долю, чем Смоку. С тех пор Смок делил мясо сам. Однажды утром, после вьюжной ночи, их настигла небольшая лавина, сбросившая их на сотню ярдов вниз по склону горы. Они выбрались полузадохнувшиеся, но невредимые. Мак-Кэн потерял свой мешок, в котором находилась вся их мука. Вторая большая лавина окончательно погребла мешок. И хотя Мак-Кэн был тут не при чем, Лабискви с тех пор перестала смотреть на него. Смок понял причину,—она не смела...

XIII

Было тихое, безветренное утро. По небу разливалась невозмутимая синева, а на снегу ослепительно играло солнце. Широкий склон был покрыт настом. Они шли по нем точно истомленные призраки в царстве мертвых. Ничто не нарушало окружавшего их жестокого, застывшего покоя. Далекие пики Скалистых Гор, вздымавшиеся на расстоянии сотни миль, казалось, придвинулись до пяти миль.

— Что-то надвигается,—прошептала Лабискви.—Неужели ты не чувствуешь,—здесь, там, повсюду? Все так странно...

— Меня знобит. Но это не от холода,—ответил Смок.—И не от голода.

— Дрожь в голове и в сердце, правда?—возбужденно подхватила она.—У меня тоже.

— Нет, это не внутри,—ответил Смок.—Я чувствую, как меня обдает ледяным холодом, нервы мои стынут.

Через четверть часа они остановились передохнуть.

— Я больше не вижу вершин,—воскликнул Смок.

— Воздух становится густым и тяжелым,—сказала Лабискви.— Трудно дышать.

— Три солнца!—хрипло крикнул Мак-Кэн, шатаясь и судорожно цепляясь за свою палку.

С каждой стороны солнца горело по ложному солнцу.

— Их пять,—сказала Лабискви.

И пока они смотрели, все новые и новые пылающие солнца возникали перед их глазами.

— Смотрите, на небе бесчисленные солнца!—в ужасе крикнул Мак-Кэн.

И действительно, куда они не обращали взор, повсюду на небосклоне сверкали и искрились все новые и новые солнца [1]).

Вдруг Мак-Кэн издал дикий вопль ужаса и боли.

— Меня укусило что-то!—крикнул он.

Потом вскрикнула Лабискви; Смок тоже почувствовал щекочущий укол в щеку, холодный и жгучий, как кислота. Это напомнило ему ощущение, которое испытываешь, когда купаешься в море и вдруг натыкаешься на жалящие ядовитые нити, выпускаемые моллюском «португальский броненосец». Оба ощущения были так схожи, что он невольно потер щеку, чтобы удалить ядовитое вещество, которого не было.

А потом раздался странно-глухой выстрел. У подножия горы стояли лыжники-индейцы и один за другим открывали огонь.

— Разойдитесь!—крикнул Смок.—И скорее наверх! Мы почти на самой вершине. Они на четверть мили ниже. Мы можем выиграть несколько миль,—мы ведь будем итти под гору.

Испытывая неприятный зуд и жар на щеках от невидимых атмосферических уколов, трое беглецов рассыпались по снежному склону и стали карабкаться наверх. Глухие раскаты выстрелов терзали их слух.

— Какое счастье, что у четырех из наших преследователей старые мушкеты и только у одного—винчестер!—крикнул Лабискви Смок.—И к тому же эти солнца мешают им целиться.

— Теперь ты понимаешь, каков нрав у моего отца?—спросила она.—Он приказал им убить нас.

— Как ты странно говоришь,—сказал Смок.—Твой голос звучит откуда-то издалека.

---

[1]) Так называемые ложные солнца, или парантелии,—оптическое атмосферное явление, обязанное своим происхождением отражению и преломлению солнечного света в ледяных кристаллах призматической и звездообразной формы, образующих перисто-слоистые облака.

— Закрой рот!—внезапно крикнула Лабискви,—и молчи! Я знаю, что это такое. Закрой рот рукавом!

Мак-Кэн упал первым и с трудом встал на ноги. И прежде чем они добрались до вершины, все они падали по нескольку раз. Мышцы не повиновались—беглецы сами не знали почему, и тела как бы окоченели, а конечности налились свинцом. Взобравшись на хребет и оглянувшись, они увидели, что ползущие по склону индейцы спотыкаются и падают.

— Они никогда не поднимутся сюда,—сказала Лабискви.—Это— белая смерть. Я знаю, хотя никогда не видала ее. Мне рассказывали о ней старики. Скоро опустится туман, не похожий ни на один туман, ни на один иней, ни на один ледяной пар. Немногие из видевших его оставались в живых.

Мак-Кэн хрипел и задыхался.

— Держите рот закрытым,—приказал Смок.

Беглое мерцание света, льющееся на них со всех сторон, заставило Смока посмотреть на ложные солнца. Они мерцали и туманились. Воздух был полон каких-то микроскопических искр. Жуткий туман затянул ближайшие пики; молодые индейцы, все еще пытавшиеся вползти наверх, были поглощены им. Мак-Кэн сидел на корточках, поджав под себя лыжи и закрывая рот и глаза руками.

— Идем! Поднимайтесь!—приказал ему Смок.

— Не могу,—простонал Мак-Кэн.

Его скорченное тело содрогалось. Смок медленно подошел к Мак-Кэну, с трудом заставляя себя преодолевать сковывавшую его летаргию. Он заметил, что мысли его ясны. Только тело было парализовано.

— Оставь его,—пробормотала Лабискви.

Но Смок заставил ирландца встать на ноги и повернул его лицом к пологому откосу, по которому им предстояло спуститься. Потом он слегка подтолкнул Мак-Кэна, и тот, тормозя и правя палкой, нырнул в мерцание алмазной пыли и исчез.

Смок посмотрел на Лабискви. Она улыбалась и напрягала все силы, чтобы не упасть.

Кивком он приказал ей начать спуск, но она подошла к нему, и, на расстоянии футов десяти друг от друга, они понеслись вниз— в жалящую гущу холодного огня.

Как Смок ни старался тормозить, его тяжелое тело быстро стремилось вперед, и он понесся под откос со страшной быстротой, обгоняя Лабискви. Только когда он достиг обледеневшего ровного плато, скорость эта начала уменьшаться. Наконец, ему удалось задержаться; к нему присоединилась Лабискви, и они вместе двинулись дальше, все медленней и медленней, пока не остановились.

Летаргия сковывала их все сильнее. Самые бешеные усилия воли не могли заставить их двигаться быстрее улитки. Они проползли мимо Мак-Кэпа, скрючившегося на своих лыжах. Смок палкой заставил его встать.

— Мы должны сделать привал,—с мучительным трудом прошептала Лабискви.—А то мы умрем. Мы должны закрыться,—так говорили старики.

Не тратя времени на развязывание узлов, она перерезала ремни своих тюков. Смок сделал то же самое, и, в последний раз взглянув на смертный огненный туман и на ложные солнца, они закутались в свои спальные меха и крепко прижались друг к другу.

Они почувствовали, что на них валится какое-то тело, потом услышали слабый стон и проклятия, прерванные страшным приступом кашля, и поняли, что это Мак-Кэп. Ирландец прижался к ним, кутаясь в свои меха.

Они начали задыхаться. Сухой кашель, судорожный и беспрерывный, терзал им грудь. Смок заметил, что у него поднимается температура. С Лабискви происходило то же самое. Приступы кашля все учащались и усиливались; к вечеру они достигли предельной силы. Потом мало-по-малу кашель утих, и они задремали, терзаемые последними приступами его, окончательно обессиленные.

Мак-Кэп, однако, продолжал кашлять все сильнее и сильнее, и по его стонам и воплям они поняли, что он бредит. Один раз Смок сделал попытку откинуть меха. Но Лабискви крепко вцепилась в него.

— Нет!—взмолилась она.—Открыться сейчас—значит умереть. Прижмись лицом к моей парке, дыши как можно спокойнее и не разговаривай.

Так они дремали, окутанные мраком, будя друг друга постепенно ослабевающим кашлем. После полуночи,—так решил Смок,—Мак-Кэп закашлялся в последний раз.

Смок проснулся от прикосновения чьих-то губ к его губам. Он лежал в объятиях Лабискви; его голова покоилась у нее на груди. Ее голос был весел и звучал как обычно. Глухой звук его исчез.

— Уж день,—сказала она, приподнимая край спальных мехов.—Смотри, любимый, уже день. И мы живы, и не кашляем больше. Надо итти дальше, хотя я с радостью осталась бы здесь навсегда. Последний час был сладок. Я не спала и любила тебя.

— Не слышно Мак-Кэпа,—заметил Смок.—А что случилось с индейцами? Почему они не настигли нас?

Он откинул меха и увидел в небе обычное одинокое солнце. Дул мягкий, прохладный ветерок, предвещавший наступление теплых дней. Весь мир снова стал естественным. Мак-Кэп лежал на спине;

его немытое, закопченное дымом костров лицо было твердо как мрамор. Это зрелище нисколько не огорчило Лабискви.

— Смотри!—воскликнула она.—Зимородок! Хорошая примета. Индейцы пропали бесследно.

XIV

Пищи было так мало, что они не решались съедать и десятую долю того, что им было необходимо, и сотую долю того, чего им хотелось. В последующие дни скитаний по пустынным горам все их восприятия притупились, и они брели как во сне. Время от времени Смок приходил в сознание и ловил себя на том, что тупо смотрит на бесконечные, ненавистные снежные вершины, а в ушах его еще звучит собственная бессмысленная болтовня. А потом проходили, казалось, века, и он снова чувствовал, что просыпается от своего же бормотания. Лабискви шла по большей части тоже бессознательно. Почти все их движения были бессознательны и автоматичны. И все время они пытались пробиться на запад, и все время снежные громады обманывали их и отбрасывали на север и юг.

— На юг пути нет,—говорила Лабискви.—Старики знают. Выход на западе, только на западе.

Вдруг стало холодно. Падал густой снег; это был даже не снег, а ледяные кристаллы, каждый величиной с песчинку. Весь день и всю ночь падали эти кристаллы и продолжали падать три дня и три ночи. Итти дальше было немыслимо; надо было подождать, пока под лучами весеннего солнца эти кристаллы не превратятся в сплошную массу. Смок и Лабискви лежали, закутанные в свои меха, и отдыхали, и оттого, что не двигались, ели меньше. Порции, которые они назначали себе, были так малы, что голод, исходивший не столько от желудка, сколько от мозга, не утихал ни на одну минуту. И Лабискви, в каком-то бреду, обезумев от вкуса жалкого кусочка мяса, всхлипывая и задыхаясь, издавая резкие, животные крики радости, набрасывалась на завтрашнюю порцию и жадно поглощала ее.

И тогда глазам Смока представлялось удивительное зрелище. Вкус пищи приводил ее в сознание. Она выплевывала мясо и в страшном гневе била себя кулаками по греховному рту.

И еще много удивительного пришлось увидеть Смоку в последние дни. После долгого снегопада подул сильный ветер, вздымавший сухие и легкие ледяные кристаллы словно в песчаном смерче. Всю ночь напролет крутился ледяной песок, и при ярком свете ясного ветреного дня Смок, у которого темнело в глазах и кружилась голова, увидел картину, которую он спачала принял за галлюцинацию.

Вокруг него громоздились высокие и низкие пики, одинокие часовые, сонмы могучих титанов. И с вершины каждого пика, колыхаясь, трепеща, расстилаясь по лазурному небу, веяли исполинские снежные знамена, длиною в целые мили, молочные и серебристые. В них сплетались светотени, золотистые солнечные блики пробегали по ним.

— Поразительное зрелище!—воскликнул Смок, глядя на эти лучи снега, спеленутые ветром в небесные знамена, цвета серебристого шелка.

Он все смотрел, и знамена не исчезали, и ему казалось, что он грезит, пока Лабискви не встала на ноги.

— Я грежу, Лабискви,—сказал он.—Смотри! Неужели ты—тоже мой сон?

— Это не сон,—ответила она.—Старики рассказывали мне об этом. Теперь подуют теплые ветры, и мы останемся живы и сможем отдохнуть.

XY

Смок подстрелил зимородка, и они поделили его. А в какой-то долине, где из-под снега начинали пробиваться цветы, он застрелил полярного зайца. В другой раз он добыл тощего белого хорька. И это было все мясо, которое им удалось найти.

Лицо у Лабискви исхудало, но яркие большие глаза ее стали еще больше и ярче, и когда она смотрела на него, ее лицо озарялось какой-то дикой, неземной красотой.

Дни становились все длиннее. Снег начинал оседать. Каждый день наст таял, и каждый день замерзал снова. Они шли утром и вечером, а в полуденные часы, когда наступала оттепель, и наст не мог выдержать их тяжести, им приходилось останавливаться и отдыхать. Когда блеск снега ослеплял Смока, Лабискви тащила его на ремне, привязанном к ее поясу. А когда этот блеск ослеплял ее, она шла позади, держась за ремень, привязанный к поясу Смока. Изнемогая от голода, в постоянном бреду, они блуждали по пробуждавшейся земле, на которой не было другой жизни, кроме их собственной.

Несмотря на истощение, Смок дошел до того, что начал бояться сна—так ужасны, так мучительны были сновидения в этой безумной сумеречной стране. Ему все время снилась пища, и все время коварная прихоть сна вырывала ее у него изо рта. Он давал обеды своим старым товарищам в Сан-Франциско и, изнемогая от голода, сам руководил приготовлениями и украшал стол гирляндами пурпурных листьев осеннего винограда. Его гости опаздывали. Здороваясь с ними и смеясь над их остротами, он сгорал от бешеного желания поскорее сесть за стол. Смок исподтишка подкрадывался к нему, тайком хватал горсть черных спелых маслин и тотчас же

поворачивался, чтобы поздороваться с новым гостем. Гости окружали его, хохоча и перебрасываясь остротами, а он стоял и, как безумный, сжимал в руке горсть спелых маслин.

Он давал много таких обедов, и все они кончались ничем. Он присутствовал на пиршествах, достойных самого Гаргантюа [1]), где толпы гостей ели бесчисленных зажаренных целиком телят, вытаскивая их из горячих печей и отрезая острыми ножами огромные куски мяса от дымящихся туш. Он стоял с разинутым ртом перед длинными рядами индеек, которых продавали лавочники в белых передниках. Их покупали все, кроме Смока; а он все стоял, разинув рот, прикованный к земле какой-то свинцовой тяжестью. Он снова был мальчиком и сидел с занесенной ложкой над огромной чашкой молока, в котором плавали куски хлеба. Он гнался по горным пастбищам за пугливыми коровами; проходили века, а он тщетно пытался напиться их молока и изнемогал от голода. В омерзительных тюрьмах он сражался с крысами за падаль и отбросы. Не было такой пищи, вид которой не доводил бы его до исступления.

Только раз ему приснился приятный сон. Изнемогая от голода, не то потерпев кораблекрушение, не то высаженный на необитаемый остров, он боролся с волнами Тихого океана за прилипшие к прибрежным скалам раковины и таскал их через дюны к сухим водорослям, выброшенным на берег прибоем. Из этих водорослей он развел костер и положил свою драгоценную находку на угли. Он смотрел, как от раковин валит пар, как устрицы раскрываются, обнажая розоватое мясо. Сейчас они будут готовы—он знал это; и теперь уже ничье неожиданное вмешательство не отнимет у него еды. Наконец-то сбудется мечта,—подумал он во сне. Наконец-то он поест. И все же, несмотря на свою уверенность, он сомневался и подготовлял себя к неминуемому крушению грезы, пока розовое мясо, горячее и вкусное, не оказалось, наконец, у него во рту. Он впился в него зубами. Он ел. Чудо свершилось. Потрясение разбудило его. Он проснулся—было темно, он лежал на спине и издавал радостное свиное хрюканье. Его челюсти двигались, он молол зубами мясо.

Он остался лежать недвижимо; и вот тонкие пальчики коснулись его губ и вложили ему в рот кусочек мяса. На этот раз он не съел его. Он рассердился, а Лабискви заплакала и, всхлипывая, заснула в его объятиях. А он лежал и не спал, дивясь любви, дивясь подвигу, на который способна женщина.

---

[1]) Гаргантюа — главное лицо знаменитого произведения Раблэ под тем же названием (издано ЗИФ'ом, с многочисленными иллюстрациями). Это имя стало прозвищем жадного и обжорливого человека.

И вот настал день, когда все их запасы истощились. Зубчатые скалы отодвинулись, хребты стали ниже, им открылась дорога на желанный запад. Но к этому времени их покинули последние силы, пищи больше не было, и вот они вечером легли спать, а наутро не встали. Смок кое-как поднялся, упал и, ползая на четвереньках, стал раскладывать костер. Лабискви тоже сделала несколько попыток подняться, но каждый раз падала, окончательно обессиленная. Смок опустился рядом с нею; слабая улыбка дрогнула на его лице. Он смеялся над бессознательной привычкой, которая заставила его биться над никому не нужным костром. Жарить было нечего, а день стоял теплый. Легкий ветерок вздыхал в соснах, и повсюду из-под тающего снега журчала музыка невидимых ручейков.

Лабискви лежала в оцепенении. Ее грудь вздымалась так незаметно, что временами Смок думал, что она уже мертва. В полдень его разбудил далекий крик белки. Волоча тяжелое ружье, он поплелся по насту, уже покрытому водой. Он полз на четвереньках, вставал, падал ничком, снова полз,—полз туда, где была белка, дразнившая его яростным стрекотанием и медленно, как бы издеваясь, уходившая от него. Выстрелить сразу у него нехватало сил, а белка все не останавливалась. Порой он падал в мокрую снежную кашицу и плакал от слабости. Порой свеча его жизни начинала гаснуть, и его окутывал мрак. Он упал в обморок и лежал—он сам не знал, как долго. Вечерний холод привел его в себя; его мокрая одежда примерзла ко вновь образовавшемуся насту. Белка исчезла, и после мучительной борьбы он дополз до Лабискви. Он был так слаб и измучен, что всю ночь напролет пролежал как мертвый и ни на минуту не заснул.

Солнце стояло высоко в небе, и та же самая белка стрекотала в деревьях, когда рука Лабискви прикоснулась к щеке Смока и разбудила его.

— Положи мне руку на сердце, любимый,—сказала она ясным, но слабым, звучащим откуда-то издалека голосом.—Мое сердце—моя любовь. Возьми ее в руки.

Казалось, прошли века, прежде чем она заговорила вновь.

— Помни, на юг пути нет. Народ Карибу знает это хорошо. Выход на запад... Ты уже почти пришел... Ты достигнешь его...

Смок погрузился в оцепенение, подобное смерти, но она опять разбудила его.

— Прижмись к моим губам твоими губами,—сказала она.—Так я хочу умереть.

— Мы умрем вместе, счастье мое,—ответил он.

— Нет.—Дрожащей рукой она остановила его. Ее голос был так слаб, что Смок с трудом слышал его,—и все же он разобрал каждое ее слово. Ее рука начала шарить в капюшоне парки; она достала

какой-то мешочек и вложила его в руку Смока.—Теперь губы, любимый. Твои губы к моим, и руку на мое сердце.

И в этом долгом поцелуе его снова окутал мрак. И когда к нему вернулось сознание, он понял, что он один и что он должен умереть. И он радовался приближению смерти.

Он почувствовал, что рука его лежит на мешочке. Мысленно улыбаясь любопытству, заставившему его дернуть шнурок, он развязал мешочек. Жиденький поток пищи пролился из него. В нем не было ни крошки, которой бы он не узнал. Все это Лабискви украла у Лабискви—огрызки хлеба, припрятанные давным-давно, еще до того, как Мак-Кэн потерял муку, наполовину разжеванные кусочки мяса карибу, крошки вяленого мяса, нетронутая задняя нога кролика, задняя нога и часть передней ноги белого хорька, крыло и ножка зимородка, на которых еще виднелся оттиск ее зубов,—жалкие объедки, трагическое самоотречение, самораспятие жизни, крохи, украденные ее невероятной любовью у чудовищного голода.

Смок с безумным смехом высыпал все это на затвердевший наст и снова погрузился в мрак.

Он видел сон. Юкон высох. Он шел по его руслу среди тинистых луж, обледенелых утесов и подбирал крупные золотые зерна. Их тяжесть клонила его к земле, но вдруг он открыл, что их можно есть. И он с жадностью начал пожирать их. Отчего же в конце концов люди ценят золото, как не оттого, что его можно есть?

Он проснулся. Снова взошло солнце. Его мысли странно путались. Но зрение его уже не меркло. Дрожь, терзавшая все его тело, исчезла. Его плоть, казалось, пела, точно напоенная весной. Бесконечное блаженство охватило его. Он повернулся, чтобы разбудить Лабискви,—и вспомнил все. Посмотрел туда, куда он накануне бросил пищу. Ее не было. И он понял, что эти сухие корки и объедки и были золотыми зернами его бредового сна. В бредовом сне он вернул себе жизнь, принял жертву Лабискви, положившей свое сердце в его ладонь и открывшей ему глаза на женщину и на чудо.

Он поразился легкости своих движений, поразился тому, что смог дотащить ее тело, завернутое в меха, до песчаной полосы, оттаявшей под лучами солнца. Там он вырыл яму и похоронил Лабискви.

Три дня шел Смок на запад—без крошки пищи. На третий день он упал под одинокой сосной, на берегу широкого вскрывшегося потока. Он понял, что это Клондайк. Прежде чем мрак окутал его, он развязал свой тюк, сказал последнее «прости» ослепительному миру и завернулся в свои меха.

Веселое чириканье разбудило его. Смеркалось. В ветвях сосны над его головой копошилось несколько птармиганов. Голод заставил его действовать, но его движения были бесконечно медленны.

Прошло пять минут, прежде чем он приложил ружье к плечу, и еще пять минут, прежде чем осмелился спустить курок, лежа на спине и целясь прямо вверх. Он промахнулся. Ни одна птица не свалилась на землю, но и ни одна не улетела. Птармиганы продолжали свою глупую, неуклюжую возню. У него болело плечо. Второй выстрел тоже оказался неудачным, так как пальцы его невольно дрогнули, когда он спускал курок.

Птармиганы не улетели. Он вчетверо сложил мех, которым только что покрывался, и засунул его между боком и правой рукой. Упираясь в него прикладом, он выстрелил еще раз, и одна птица упала. Он жадно схватил ее и увидел, что с нее сорвано почти все мясо. Пуля крупного калибра оставила только комок испачканных кровью перьев. Но птармиганы все еще не улетали, и он решил, что нужно целиться только им в головы. Так он и сделал. Снова и снова он заряжал винтовку, давал промахи, попадал. А глупые птармиганы, слишком ленивые, чтобы улететь, падали на него, как манна небесная, отдавая свои жизни для того, чтобы продлить его жизнь.

Первого он съел сырым. Потом лег и спал, пока в его жизни растворялась чужая жизнь. Он проснулся в темноте. Почувствовал, что голоден, и нашел в себе достаточно сил, чтобы развести костер. И до самого рассвета жарил и ел, жарил и ел, размалывая кости в порошок своими отвыкшими от пищи зубами. Потом заснул, проснулся—снова была ночь—снова заснул и спал до следующей зари.

Он очень удивился, увидев, что костер весело трещит, а сбоку на груде углей дымится закопченный кофейник. У огня—можно было дотронуться рукой—сидел Малыш, курил коричневую папиросу и внимательно смотрел на него. Губы Смока зашевелились, но гортань его была как бы скована параличом, а грудь сотрясалась от подступавших рыданий. Он протянул руку, схватил папиросу и жадно затянулся.

— Я давно не курил,—сказал он, наконец, тихим, спокойным голосом.—Очень давно.

— Да и не ел тоже, как видно,—ворчливо отозвался Малыш.

Смок кивнул и указал рукой на валявшиеся вокруг него перья птармиганов.

— До вчерашнего вечера,—сказал он.—Знаешь, я бы выпил кофе. Странный у него будет вкус. И у блинчиков... и у сала...

— И у бобов,—соблазнил его Малыш.

— Небесная пища! Кажется, я опять проголодался.

Пока один из них стряпал, а другой ел, они вкратце рассказали друг другу все, что случилось с ними за время разлуки.

— Клондайк вскрылся,—закончил Малыш свою повесть,—и нам пришлось ждать, пока пройдет лед. Две плоскодонки, шесть человек—ты их знаешь, все ребята ходовые,—ну, и всякое снаряжение! Шли мы быстро,—баграми, на канате и волоком. А потом застряли на неделю у порогов. Тут я оставил их. Мне, конечно, хотелось итти как можно скорее. Словом, я набил мешок продовольствием и тронулся в путь. Я знал, что найду тебя где-нибудь бредущим и окончательно раскисшим.

Смок кивнул и молча протянул ему руку.

— Идем!—сказал он.

— Но ты слаб, как грудной младенец! Ты не можешь итти. Куда нам торопиться?

— Малыш, я иду за самым великим, что только есть в Клондайке. Я не могу ждать, вот и все. Укладывайся! Это величайшая вещь во всем мире. Это больше, чем золотые озера и золотые горы, больше чем приключения, медвежатина и охота на медведей.

Малыш сидел и таращил глаза.

— Да что же это такое?—пролепетал он.—Или ты попросту спятил?

— Нет, я в полном уме. Быть может, человеку надо перестать есть, чтобы у него открылись глаза. Так или иначе, я видел вещи, которые мне и не снились. Я знаю, что такое женщина... теперь.

У Малыша открылся рот, и в уголках губ и в глазах заиграла улыбка.

— Пожалуйста, не надо,—мягко сказал Смок.—Ты не знаешь, а я знаю.

Малыш тяжело вздохнул и дал своим мыслям иное направление.

— Гм! Я и без посторонней помощи назову тебе ее имя. Все прочие отправились сушить Озеро Неожиданностей, а Джой Гастелль сказала, что не пойдет. Она бродит вокруг Даусона и все ждет, не приволоку ли я тебя. Эта девушка клянется, что если я вернусь без тебя, она продаст все свои заявки, наймет армию стрелков, отправится в Страну Карибу и вышибет всю начинку из башки старика Снасса и его банды. И если ты на две минуты придержишь своих коней, то я, кажется, успею упаковаться, снарядиться и отправиться в путь-дорогу вместе с тобой.

СОДЕРЖАНИЕ

СМОК БЕЛЛЬЮ

СМОК и МАЛЫШ